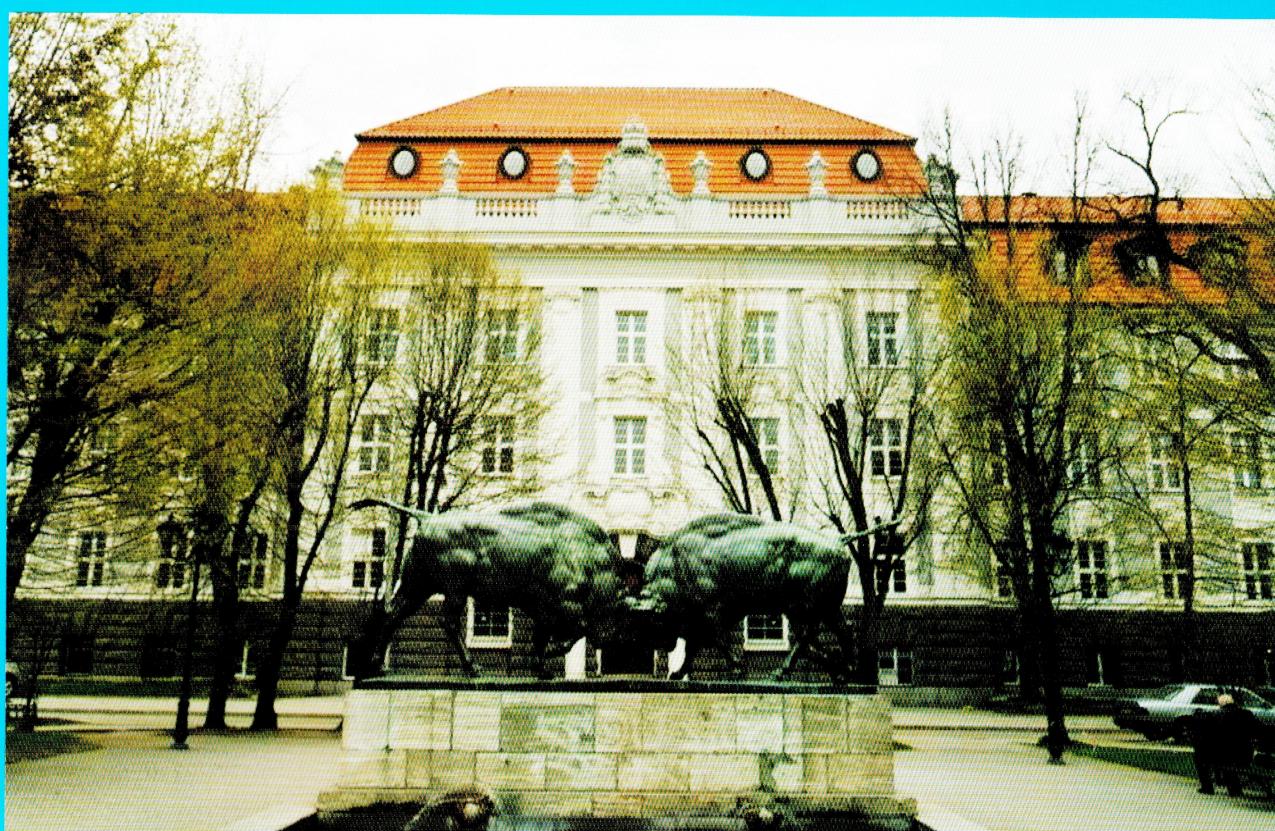

ISSN 2073-3364

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

БАЛТИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Калининград
Издательство ФГБОУ ВО "КГТУ"

Балтийский экономический журнал № 1(49) март 2025 г. 16+

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-62617 от 31.07.2015 г. и Международным центром ISSN в Париже под № 2073-3364. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Калининградский государственный технический университет".

Издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Калининградский государственный технический университет".

Редакционная коллегия:

Главный редактор: докт. техн. наук, профессор А. М. Карлов, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета.

Заместитель главного редактора: докт. экон. наук, профессор Л. И. Сергеев, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета.

Члены редакционной коллегии:

- докт. экон. наук, профессор Н. Г. Багаутдина, Институт управления, экономики и финансов Казанского федерального университета;
- докт. экон. наук, профессор В. С. Бильчак, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. соц. наук, доцент Л. И. Геращенко, Санкт-Петербургский государственный университет им. М. А. Бонч-Бруевича;
- докт. экон. наук, профессор А. В. Губенко, Санкт-Петербургский государственный технический университет гражданской авиации;
- докт. экон. наук, профессор В. В. Дорофеева, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. соц. наук, доцент Н. В. Живенок, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. экон. наук, профессор С. В. Зенченко, Северо-Кавказский федеральный университет;
- докт. экон. наук, профессор А. В. Иванов, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. экон. наук, доцент К. В. Колончин, Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии;
- канд. экон. наук, доцент В. И. Кузин, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. соц. наук С. А. Левков, Камчатский государственный технический университет;
- докт. экон. наук, профессор И. А. Максимцев, Санкт-Петербургский государственный экономический университет;
- докт. экон. наук, профессор А. Г. Мнацаканян, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;
- докт. экон. наук, профессор С. Е. Прокофьев, Финансовый университет при Правительстве РФ;
- докт. экон. наук, профессор В. С. Осипов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
- канд. экон. наук, доцент М. Ю. Плюхин, Западный филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
- докт. экон. наук, профессор Т. Е. Степанова, Институт отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета;

- докт. экон. наук, профессор А. С. Труба, Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии;
- докт. экон. наук, профессор В. Г. Шубаева, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Журнал реферируется в ВИНИТИ РАН. Статьи рецензируются. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей. Перепечатка материалов, опубликованных в "Балтийском экономическом журнале", допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции журнала: 236022, г. Калининград, Советский проспект, 1
Тел. (4012) 69-01-52, факс (4012) 69-01-01

Адрес в Интернете: <http://www.klgtu.ru> E-mail: anatolij.karlov@klgtu.ru; elina.kruglova@klgtu.ru Адрес издателя журнала: 236022, г. Калининград, Советский пр., 1

ОТ РЕДАКЦИИ УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Балтийский экономический журнал (БЭЖ) издается с 2009 года. Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-62617 от 31 июля 2015 г. и Международным центром ISSN в Париже под № 2073-336. Учредитель и издатель журнала – ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет". Журнал включен в ядро Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и в базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science.

В Балтийский экономический журнал принимаются для публикации научные статьи по научным специальностям 5.2.1 Экономическая теория, 5.2.2 Математические, статистические и инструментальные методы в экономике, 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика, 5.2.4 Финансы, 5.2.5 Мировая экономика, 5.2.6 Менеджмент и 5.2.7 Государственное и муниципальное управление. 27.05.24 г. Балтийский экономический журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика (экономические науки) и 5.2.4. Финансы (экономические науки). Журнал находится в открытом доступе, т. е. весь контент доступен пользователям бесплатно. С научными работами, опубликованными в "Балтийском экономическом журнале", можно ознакомиться на сайте Калининградского государственного технического университета – <http://www.klgtu.ru>. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции.

С 2017 года журнал выходит 4 раза в год: в марте, июне, сентябре и декабре. Сроки подачи материалов: 10 февраля, 10 мая, 10 августа, 10 ноября. Требования к оформлению рукописей научных статей приведены на с. 179. Редакционная коллегия заинтересована в повышении научного уровня представляемых к публикации материалов, расширении спектра публикуемых научных работ по научным направлениям и по региональной принадлежности авторов. Приглашаем активно работающих ученых, аспирантов, докторантов к сотрудничеству и представлению результатов проводимых научных исследований в "Балтийском экономическом журнале".

Авторы могут получить авторские экземпляры журнала по электронной почте или по подписке. Подписной индекс журнала 00711 в каталоге Калининградской области ООО "Пресса-подписка" областные и центральные издания – журналы и газеты". Подписаться на "Балтийский экономический журнал" можно по адресам электронной почты:

podpiska@pressa.gazinter.net
zakaz@ pressa.gazinter.net
marketing@ pressa.gazinter.net

С уважением

**Главный редактор журнала
доктор техн. наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы Российской Федерации
А. М. Карлов**

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Гудименко Г. В.</i> Импортозамещение в российских нефтедобывающих компаниях...	6
<i>Давыдова О. А., Кузин В. И., Поляков Р. К.</i> Кластер как инструмент разработки и реализации отраслевой экономической политики на региональном уровне	15
<i>Ежелый С. М.</i> Отраслевое развитие аквакультуры в Калининградской области	31
<i>Любишина С. А., Михайлов А. Ю.</i> Строительная отрасль Калининградской области – этапы большого пути. 2001 - 2024 годы	46
<i>Мишуровская Е. А.</i> Роль и значение аквакультуры в системе обеспечения продовольственной безопасности.....	64
<i>Мнацаканян А. Г., Белоусова П. А.</i> Тенденции развития инвестиционной политики в сфере рыболовства Калининградской области	73
<i>Мосейко В. В.</i> К вопросу о развитии института самозанятых в России.....	84
<i>Огий О. Г.</i> Оценка технологических факторов цифровой трансформации рыбохозяйственной экономики	98
<i>Сергеев Л. И., Самсонов А. В.</i> Обобщение теоретико-прикладных аспектов процессов оффшоризации региональной экономики	116
<i>Харин А. Г.</i> Оценка различий в экономической доступности рыбопродуктов в регионах Российской Федерации	134

ФИНАНСЫ

<i>Сергеев Л. И., Мнацаканян Д. А.</i> Оценка эффективности программно-целевого планирования Калининградского областного бюджета	153
--	-----

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Сберегаев Н. А.</i> Сравнительный анализ экономического развития стран ЕАЭС	164
Требования к оформлению статей в "Балтийский экономический журнал"	179

CONTENT

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Gudimenko G. V. Import substitution in Russian oil companies	6
Davydova O. A., Kuzin V. I., Polyakov R. K. Cluster as a tool for developing and implementing sectoral economic policy at the regional level	15
Ezheliy S. M. Sectoral development of aquaculture in the Kaliningrad region	31
Liubishina S. A., Mikhailov A. Yu. The construction industry of the Kaliningrad region – the stages of a long journey. 2001 – 2024	46
Mishurovskaya E. A. The role and importance of aquaculture in the food security system	64
Mnatsakanyan A. G., Belousova P. A. Trends in the development of investment policy in the field of fisheries in the Kaliningrad region	73
Moseiko V. V. On the development of the self-employed institution in Russia	84
Ogiy O. G. Assessment of technological factors of digital transformation of fisheries economy	98
Sergeev L. I., Samsonov A. V. Generalization of theoretical and applied aspects of the processes of offshoring of the regional economy	116
Kharin A. G. Study of differences in economic availability of fish products in the regions of the Russian Federation	134

FINANCE

Sergeev L. I., Mnatsakanyan D. A. Assessment of the effectiveness of program-based budgeting in the Kaliningrad region	153
---	-----

WORLD ECONOMY

Sberegayev N. A. Comparative analysis of economic development of the EAEU countries	164
Requirements for the preparation of articles in the Baltic Economic Journal	179

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 6-15.
Baltic Economic Journal. 2025. No. 4(49). P. 6-15.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.4

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-1-6-15

Импортозамещение в российских нефтедобывающих компаниях

Галина Валерьевна Гудименко

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

galina.gudimenko@kltu.ru

Аннотация. Добыча нефти относится к базовым отраслям экономики Российской Федерации, при этом данная отрасль является одной из наиболее сильно пострадавших от введения антироссийских экономических санкций. На момент введения санкций, в 2014 году нефтедобывающие компании импортировали до 90 % оборудования и технологий, в связи с чем могли легко наращивать объёмы добычи нефти путём развития партнёрства с крупными международными компаниями, зачастую не учитывая сопутствующие риски. В 2022 году импорт технологий и оборудования в Россию был полностью остановлен. Ужесточение условий хозяйствования обусловило необходимость развития импортозамещения, под которым понимается создание новых технологий и продуктов, которые могут заместить импортируемые. В результате изменения подходов к развитию компаний с учётом санкций доля импортируемых технологий и оборудования по результатам 2023 года уменьшилась до 40 % и имеет дальнейшую тенденцию к снижению, поддерживаемую государством. В статье выявлены проблемы импортозамещения в нефтедобывающих компаниях, определены направления для разработки новых конкурентоспособных технологий и продуктов в исследуемой отрасли.

Ключевые слова: отраслевая экономика, нефтедобыча, добыча полезных ископаемых, импортозамещение, антироссийские санкции, государственная экономическая политика

Для цитирования: Гудименко Г. В. Импортозамещение в российских нефтедобывающих компаниях // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 5-15. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-6-15>

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

Import substitution in Russian oil companies

Galina V. Gudimenko

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

galina.gudimenko@klgtu.ru

Abstract. Oil production belongs to the basic sectors of the economy of the Russian Federation, while this industry is one of the most severely affected industries from the introduction of anti-Russian economic sanctions. At the time of the sanctions, in 2014, oil companies imported up to 90 % of equipment and technologies, and therefore could easily increase oil production by developing partnerships with large international companies, often without taking into account the associated risks. In 2022, the import of technologies and equipment to Russia was completely stopped. The tightening of business conditions has necessitated the development of import substitution, by which we mean the creation of new technologies and products that can replace imported ones. As a result of changing approaches to the development of companies, taking into account sanctions, the share of imported technologies and equipment decreased to 40% by the end of 2023 and has a further downward trend, supported by the state. The article identifies the problems of import substitution in oil producing companies, identifies areas for the development of new competitive technologies and products in the industry under study.

Keywords: sectoral economy, oil production, mining, import substitution, anti-Russian sanctions, state economic policy

For citation: Gudimenko G. V. Import substitution in Russian oil companies // Baltic Economic Journal. 2025;4(49):6-15. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-6-15>

В связи с введением санкций отрасль нефтедобычи в России столкнулась с сокращением инвестиций в разведку новых запасов и внедрение современных технологий. Так, по итогам 2023 года прирост разведанных запасов сократился почти в три раза, по сравнению с предыдущим периодом, достигнув минимального значения за последнее десятилетие.

Однако изменение условий хозяйствования, вызванное санкционным давлением западных стран на экономику России, обусловило появление новых направлений для стабильного развития отрасли нефтедобычи. Важнейшим направлением развития в новой реальности стало импортозамещение оборудования и технологий.

Целью исследования является анализ состояния и определение основных направлений импортозамещения в отрасли нефтедобычи. Достижению поставленной цели и решению задач способствовало применение абстрактно-логического метода, статистического и математического анализа и др. Сравнительный анализ позволил провести сопоставление содержания и значения мероприятий импортозамещения для российских нефтедобывающих компаний.

Добыча полезных ископаемых, в том числе нефтедобыча, относится к базовым отраслям экономики и товарного экспорта Российской Федерации. Отдельные показатели развития отрасли за 2022-2023 годы представлены в таблице [1].

Основные показатели состояния отрасли "Добыча полезных ископаемых" по итогам 2023 года

The main indicators of the state of the mining industry by the end of 2023

Показатель	2022 год	2023 год	Изменение 2023/2022, %
Объём ВВП РФ, млрд. руб.	155350,4	171041,0	110,1
Объём отгруженных товаров собственного производства и услуг по виду экономической деятельности "Добыча полезных ископаемых", млрд. руб.	26455	27123	102,5
Доля объёма отгруженных товаров по виду деятельности "Добыча полезных ископаемых" в ВВП, %	17	15,8	92,9
Индекс промышленного производства по виду деятельности "Добыча полезных ископаемых", %	100,6	98,7	98,1
Валовая добавленная стоимость в основных ценах, всего, млрд. руб.	140881,4	155958,2	110,7
в том числе, по отрасли "Добыча полезных ископаемых", млрд. руб.	19342,3	19286,5	99,7
Оборот организаций по видам экономической деятельности, млрд. руб.	291269,5	319522,6	109,7
в том числе, по виду деятельности "Добыча полезных ископаемых", млрд. руб.	28601,2	29087,4	101,7
в том числе, добыча нефти, млрд. руб.	18683,6	20047,5	107,3

Как видно из данных таблицы, несмотря на физическое увеличение объёма отгруженных товаров собственного производства и услуг по видам экономической деятельности "Добыча полезных ископаемых", доля данной отрасли в ВВП РФ уменьшилась. Снижается также валовая добавленная стоимость в основных ценах по отрасли. При этом оборот организаций, функционирующих в сфере нефтедобычи, повышается более высокими темпами (107,3), чем в целом по виду экономической деятельности "Добыча полезных ископаемых" (101,7), но немного ниже, чем темпы роста организаций в экономике России (109,7). Нефтеперерабатывающий комплекс по результатам 2023 года также показал повышение показателей на 2,6 %, преодолев их снижение в 2022 году.

Средняя суточная добыча нефти в 2023 году составила 10,8 млн. баррелей, в начале 2024 года наблюдалось снижение добычи до 9,2 млн. баррелей. Оно обусловлено не только добровольным сокращением добычи вследствие решений ОПЕК [2], но и невозможностью активного внедрения технологий

интенсификации добычи вследствие неготовности отечественных разработок в данной сфере.

По итогам 2024 года ожидается возвращение к суточной добыче нефти в объёме 10,8 млн. баррелей, поскольку прогнозируется незначительное повышение спроса на нефть [3]. Увеличению добычи будет способствовать запуск некоторых проектов компаний ЛУКОЙЛ, Русснефть, Газпром, Роснефть и др., а также ввод в действие новых месторождений.

Отметим, что период 2022-2023 годов можно назвать знаковым для отрасли нефтедобычи. Ужесточение санкций и полный запрет импорта технологий и оборудования для российских нефтедобывающих компаний привели к снижению добычи на 2 % за 11 месяцев 2022 года, по отношению к показателям на 01.01.2022 г., причём в начале 2023 года наблюдалось увеличение добычи на те же 2 %, и по итогам 2022 года нефтедобывающими компаниями было пробурено рекордное количество скважин. Уже в феврале 2023 года показатели нефтедобычи крупнейшими российскими компаниями достигли досанкционного уровня [4].

До введения санкций отрасль добычи нефти могла достаточно легко наращивать объёмы путём развития партнёрства с крупными международными компаниями, зачастую пренебрегая сопутствующими рисками.

Многие технологии, например, системы для роторного управляемого бурения или интеллектуальные системы закачивания скважин, были полностью зарубежными. В высокотехнологичных сегментах добычи доля иностранных заимствований достигала 80 %, в то время как в низкотехнологичных сегментах использовалось всего до 15 % зарубежных технологий. Доля импорта в программном обеспечении достигала 90 %, в изготовлении катализаторов для нефтепереработки – свыше 70 %, в изготовлении насосно-компрессорного оборудования и оборудования для обустройства месторождений – более 60 %, в разработке и изготовлении оборудования для шельфов – почти 80 % [5].

Нарушение логистики передачи нефти и нефтепродуктов, сбои в оплате поставок предопределили необходимость построения новых логистических и производственных цепочек, быстрого развития импортозамещения. Под импортозамещением понимается разработка новых продуктов и технологий, конкурентоспособных на рынке и способных заместить импортируемые. Термин стал активно использоваться, начиная с 2014 года, с началом внешнеполитического кризиса.

В 2014 году в отношении российской экономики, в том числе в отношении нефтегазовых компаний, западными странами и США были введены санкции, направленные на ограничение поставок оборудования и технологий, проведения работ в труднодоступных районах, доля импортных технологий и оборудования в отрасли составляла более 60 % [6]. Самый большой объём импортных технологий использовался в сфере бурения, сейсморазведки, исследования

скважин. Среди основных поставщиков можно назвать американские компании Schlumberger, Baker Hughes и т. д.

В 2022 году санкции в отношении нефтедобывающих компаний были значительно усилены, полностью запрещены поставки оборудования и технологий для нефтедобычи, но по итогам 2022 года доля импортных технологий и оборудования была уже на уровне 40 % [6].

По прогнозам Минэнерго и "Газпромнефти", создание необходимого отечественного оборудования для отрасли нефтедобычи потребует финансовых вложений на сумму около 20 млрд. руб. в период до 2030 года (паспорт дорожной карты развития направления "Оборудование для бурения и добычи на суше" до 2030 г. разработан Минпромторгом, Минэнерго, "Газпромнефтью") [7], из них около 2,5 млрд. руб. выделяется из федерального бюджета, остальные – финансовые средства компаний–нефтедобытчиков. При реализации мероприятий указанной дорожной карты доля зависимости от импортного оборудования и технологий должна снизиться до 20 % [6].

Государством определены восемнадцать приоритетных направлений развития отрасли нефтедобычи и нефтепереработки [7], среди которых создание необходимого оборудования, создание оборудования и судов для грузовых распределительных пунктов, разработка управляемых систем, производство катализаторов и др. Целью государственной поддержки отрасли является достижение технологического суверенитета, т. е. повышение доли российского оборудования и технологий в отрасли до 80 %, соответственно, снижение доли зарубежных заимствований до 20 %. Доля импорта может быть повышена, не создавая при этом критической зависимости.

Для достижения поставленной цели отрасли пришлось очень быстро адаптироваться к новым условиям. Для этого на начальной стадии были использованы "серые" торговые схемы. Особенно активно в применении данного подхода действовала компания "ЛУКОЙЛ". Она успешно использовала фактор манипулирования коммерческими интересами зарубежных партнеров, в частности, вводя в состав Совета директоров ключевых покупателей нефти и нефтепродуктов, заключая долгосрочные контракты с поставщиками нефтесервисного и технологического оборудования, создавая объекты инфраструктуры по переработке нефтепродуктов в зарубежных странах в обмен на защиту корпоративных интересов бизнеса.

Несмотря на введённые санкции, российские нефтедобывающие компании смогли реализовать все запланированные инвестиционные проекты. Отдельные разработки отечественных компаний по качеству и эффективности превзошли иностранные. Так, компания "Роснефть" с 2021 г. в технологических процессах использует собственные катализаторы гидроочистки дизельных фракций, которые превосходят зарубежные катализаторы, используемые на предприятиях ранее. Катализаторы "Роснефти" сегодня применяют более 90 % российских нефтедобывающих компаний.

По данным исследования "Технологий доверия" ("Тедо", ранее PwC) [8], многие российские корпорации, ведущие деятельность в нефтегазовой отрасли, испытывают значительные трудности при импортозамещении, которые обусловлены нарушением логистических путей, прекращением поставок давними иностранными партнёрами, сложностями трансграничных платежей.

Отдельные компании находят решение проблем в использовании поставок через третьи страны, например, Китай, продукция компаний которого применяется почти в 70 % российских компаний. Отечественные компании, производящие аналогичные западным оборудование и программное обеспечение, смогли "закрыть" по итогам 2024 года около 50 % потребности российского рынка.

По итогам того же исследования [8], 68 % российских компаний закупают оборудование в Китае, турецкими поставками оборудования пользуется 21 % компаний, поставщики из Евразийского экономического союза остались у 18 % компаний, оборудование по параллельному импорту закупают 16 % отечественных компаний, российские разработки (собственные и заимствованные) используют 54 % нефтедобывающих предприятий.

Несмотря на то, что в целом в компаниях нефтегазовой отрасли импортное оборудование замещено на 90 %, многие предприятия не могут заменить его вследствие отсутствия отечественных производителей аналогичной продукции, особенно это актуально для программного обеспечения деятельности нефтедобывающих компаний.

На сегодняшний день отечественные разработки соответствуют требованиям надёжности, функциональности и безопасности лишь на 50 %, а в соответствии с Указом Президента РФ № 166 от 30.03.2022 г. [9] отечественные компании обязаны отказаться от использования программного обеспечения, разработанного в недружественных странах, с 01.01.2025 г.

В 2024 году российские корпорации, среди которых Газпромнефть, Транснефть и др., попросили Правительство РФ продлить сроки перехода на российское программное обеспечение в проектах построения и обслуживания критической инфраструктуры. Это объясняется отсутствием и несовершенством российского решения для защиты информации высоконагруженных систем.

Прошедшее с начала реализации стратегии импортозамещения в России время позволило нефтедобывающим отечественным компаниям за счёт собственных технологий начать разработку небольших нефтяных месторождений, обеспечить отрасль катализаторами, которые ранее в стране не производились [10].

Актуальными направлениями для разработок остаются следующие:

- технологии геологоразведки;
- сверхглубокое бурение;
- гидравлический разрыв пласта;
- разработка буровых растворов и бурового оборудования;

– подводная добыча и др.

Указанные направления коррелируют с определёнными государством приоритетными направлениями развития отрасли нефтедобычи, о которых сказано выше.

Таким образом, проблемными аспектами отрасли нефтедобычи можно назвать отсутствие или неготовность отечественных конкурентоспособных разработок в сфере технологий и оборудования, готовых заменить попавшие под экономические санкции импортные продукты. Это особенно актуально на фоне значительной изношенности используемого в российских нефтедобывающих компаниях оборудования. Еще одной важнейшей проблемой является несовершенство российского программного обеспечения, применяемого для добычи нефти. И хотя отдельные разработки отечественных компаний по качеству и эффективности превзошли иностранные, их внедрение и испытание требуют значительных временных, финансовых и интеллектуальных затрат.

В заключение отметим, что изменение внешних связей имело для отрасли не только негативные последствия, трансформация экономики позволила переосмыслить направления экономического развития нефтедобычи, наметить пути внедрения инновационных продуктов и технологий. Для решения этих задач требуются совместные усилия бизнес-структур и государственных органов, необходимо стимулировать создание оборудования и технологий для производства, хранения, переработки и транспортировки нефти. Государство должно не только разрабатывать стандарты и устанавливать правила игры, но и определять векторы развития, координировать деятельность компаний отрасли и финансировать проекты в сфере разведки и добычи нефти.

Государственная программа развития нефтедобычи до 2030 года нацелена на обеспечение энергетической безопасности страны и усовершенствование технологии добычи углеводородов при минимальном негативном влиянии на экологию. Государство должно выступить "якорным" заказчиком разработки оборудования для отрасли и развития прикладной науки.

В исследуемой отрасли инвестиционный цикл в сырьевую базу завершён, практически закончился цикл инвестирования в технологии, в настоящее время в условиях изменений внешних связей необходим новый инвестиционный цикл, основанный на принципиально новых технологиях разведки и добычи, нацеленный на рентабельную добычу всех видов полезных ископаемых. Ситуация на рынке требует мобилизации ресурсов, новых разработок и времени на их испытание и внедрение.

Список источников

1. Социально-экономическое положение России. 2023 год. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения 20.10.24)
2. Федеральное агентство по недропользованию Роснедра. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых

ресурсов Российской Федерации в 2022 г. URL: https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/c1a/atf845j1cl1pxufizwrj02e8nut3it5o/00_Книга_ГД-2022.pdf (дата обращения 30.10.24)

3. Отчет ОПЕК. Что с добычей нефти в РФ и какие прогнозы на 2024. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/otchet-opek-chto-s-dobychei-nefti-v-rf-i-kakie-prognozy-na-2024> (дата обращения 06.11.24)

4. Добыча нефти и газа. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Добыча_нефти_и_газа#.D0.9D.D0.B5.D1.84.D1.82.D1.8F.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.B4.D0.B5.D1.80.D0.B6.D0.B0.D0.B2.D1.8B (дата обращения 30.10.24)

5. Ларченко Л. В., Габибова М. С. Нефтегазовый комплекс России в условиях санкций: геополитическая ситуация, формирование альтернативных рынков сбыта, перспективы развития отечественных технологий // Инновации. 2023. № 4(294). С. 20-24.

6. Савенкова Д. Импортозамещение оборудования для добычи нефти и газа обойдётся в 20 млрд. рублей. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/01/25/1016633-importozameschenie-oborudovaniya-dlya-dobichi-nefti-i-gaza?from=copy_text (дата обращения 23.10.24)

7. Распоряжение Правительства РФ от 19.09.2023 г. № 2515-р URL: <https://npalib.ru/2023/09/19/rasporyazhenie-2515-r-id451800/?ysclid=m3hgfzvo6c411647764> (дата обращения 25.10.24)

8. Крупные компании рассказали о "глубоком кризисе" импортозамещения / Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/10/29/1071519> https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/10/29/1071519-kompanii-rasskazali-o-glubokom-krizise?from=copy_text (дата обращения 01.11.24)

9. Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 г. № 166 "О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации".

10. Гудименко Г. В., Дорофеева В. В., Иванов А. В. Отдельные аспекты влияния санкций на социально-экономическое развитие Калининградской области // Вестник Керченского гос. морского технол. ун-та. 2022. № 3. С. 231-241.

References

1. The socio-economic situation of Russia. The year 2023. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (date of application 20.10.24). (In Russ.).
2. Federal Agency for Subsoil Use Rosnedra. State report on the state and use of mineral resources of the Russian Federation in 2022. URL: https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/c1a/atf845j1cl1pxufizwrj02e8nut3it5o/00_Книга_ГД-2022.pdf (date of application 30.10.24). (In Russ.).

3. OPEC report. What about oil production in the Russian Federation and what are the forecasts for 2024. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/otchet-opek-chto-s-dobychei-nefti-v-rf-i-kakie-prognozy-na-2024> (date of application 06.11.24).

4. Oil and gas production. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Oil and gas production#.D0.9D.D0.B5.D1.84.D1.82.D1.8F.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D0.B4.D0.B5.D1.80.D0.B6.D0.B0.D0.B2.D1.8B (date of application 30.10.24).

5. Larchenko L. V., Gabibova M. S. The oil and gas complex of Russia under sanctions: the geopolitical situation, the formation of alternative sales markets, prospects for the development of domestic technologies // Innovations. 2023;4(294): 20-24 (In Russ.).

6. Savenkova D. Import substitution of equipment for oil and gas production will cost 20 billion rubles. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/01/25/1016633-importozameschenie-oborudovaniya-dlya-dobichi-nefti-i-gaza?from=copy_text (date of application 23.10.24). (In Russ.).

7. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/19/2023 No. 2515-r URL: <https://npalib.ru/2023/09/19/rasporyazhenie-2515-r-id451800/?ysclid=m3hgfzvo6c411647764> (date of application 10.25.24). (In Russ.).

8. Large companies talked about the "deep crisis" of import substitution - Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/10/29/1071519https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/10/29/1071519-kompanii-rasskazali-o-glubokom-krizise?from=copy_text (date of application 01.11.24). (In Russ.).

9. Decree of the President of the Russian Federation dated 30.03.2022 No. 166 "On measures to ensure the technological independence and security of the critical information infrastructure of the Russian Federation" URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203300001?index> (date of application 13.10.24). (In Russ.).

10. Gudimenko G. V. Some aspects of the impact of sanctions on the socio-economic development of the Kaliningrad region / G. V. Gudimenko, V. V. Dorofeeva, A. V. Ivanov // Bulletin of the Kerch State Marine Technological University. 2022;3:231-241 (In Russ.).

Информация об авторе

Г. В. Гудименко – доктор экон наук, профессор кафедры менеджмента ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет", советник РФ III класса.

Information about the author

G. V. Gudimenko – Doctor of Science (Economy), Professor of the Department of Management INOTEKU Kaliningrad State Technical University, Advisor of the Russian Federation of the III class

Статья поступила в редакцию 08.02.2025; одобрена после рецензирования 09.02.2025; принята к публикации 11.02.2025.

The article was submitted 08.02.2025; approved after reviewing 09.02.2025; accepted for publication 11.02.2025.

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 15-30.

Baltic Economic Journal. 2025. No. 1(49). P. 15-30.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-1-15-30

Кластер как инструмент разработки и реализации отраслевой экономической политики на региональном уровне

Ольга Александровна Давыдова¹

Владимир Иванович Кузин²

Руслан Константинович Поляков³

¹ Калининградский колледж управления

^{2,3} ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

¹mail@kiu39.ru

²vladimir.kuzin@klgtu.ru

³ruslan.polyakov@klgtu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования кластера для формирования и реализации отраслевой экономической политики на региональном уровне. Исследуются особенности как формально оформленного кластера де-юре: судостроения и судоремонта, так и сложившегося в Калининградской области де-факто, но не оформленного рыбохозяйственного кластера. Анализируются особенности целеполагания регионального измерения отраслевой экономической политики. Обобщаются аспекты отраслевой региональной экономической политики, кластерной политики и их взаимосвязи.

© Давыдова О. А., Кузин В. И., Поляков Р. К., 2025.

На примере экономической политики рыбохозяйственного комплекса и его секторов в сферах судостроения, а также рыбодобычи и рыбопереработки показана высокая эффективность кластерных образований для формирования и реализации региональной проекции отраслевой экономической политики. Доказано, что основные возможности кластерных структур состоят в обобщении проблем и требований региональных предприятий и иных заинтересованных организаций и формировании консолидированной позиции и доведении до лиц, принимающих решения, по множеству каналов. Скорость реакции кластера на вновь возникающие вызовы позволяет оперативно формировать предложения по корректировке элементов отраслевой экономической политики, что повышает устойчивость, в рассматриваемом случае, регионального рыбохозяйственного комплекса.

Ключевые слова: рыбохозяйственный комплекс, экономическая политика, кластер, рыбохозяйственный кластер

Для цитирования: Давыдова О. А., Кузин В. И., Поляков Р. К. Кластер как инструмент разработки и реализации отраслевой экономической политики на региональном уровне / Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 15-30. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-15-30>

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

Cluster as a tool for developing and implementing sectoral economic policy at the regional level

Olga A. Davydova¹

Vladimir I. Kuzin²

Ruslan K. Polyakov³

¹ Kaliningrad College of Management

^{2, 3} INOTEKU Kaliningrad State Technical University

¹ mail@kiu39.ru

² vladimir.kuzin@klgtu.ru

³ ruslan.polyakov@klgtu.ru

Abstract. The article considers the possibilities of using a cluster to form and implement sectoral economic policy at the regional level. The features of both a formally registered cluster de jure: shipbuilding and ship repair, and a de facto, but not registered, fisheries cluster that has developed in the Kaliningrad region are studied. The features of goal-setting for the regional dimension of sectoral economic policy are analyzed. Aspects of sectoral regional economic policy, cluster policy and their interrelation are summarized. The example of economic policy of the fisheries complex and its sectors in the areas of shipbuilding, as well as fish catching and fish processing, shows the high efficiency of cluster formations for the formation and implementation of a regional projection of sectoral economic policy. It is proven that the main capabilities of cluster structures consist in generalizing the problems and requirements of regional enterprises and other interested organizations, and forming a consolidated position and communicating it to decision-makers through multiple channels. The speed of the cluster's response to emerging challenges allows for promptly

formulating proposals for adjusting elements of sectoral economic policy, which increases the sustainability, in this case, of the regional fisheries complex.

Keywords: fisheries complex, economic policy, cluster, fisheries cluster

For citation: Davydova O. A., Kuzin V. I., Polyakov R. K. Cluster as a tool for developing and implementing sectoral economic policy at the regional level // Baltic Economic Journal. 2025;1(49):15-30. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-15-30>

Введение

Современные условия характеризуются высокой изменчивостью внешней среды бизнеса. Это обусловлено значительным набором рестрикций в отношении российских предприятий. Дополнительным вызовом является высокая динамика внешних ограничений, что требует оперативного реагирования на вновь возникающие факторы. Особую остроту внешние ограничения имеют для рыбохозяйственных предприятий. Это вызвано широким спектром ограничений со стороны недружественных стран, наложенных на деятельность российского рыболовецкого флота, фактический запрет на прямые расчеты в валюте. Кроме того, продолжают действовать рестрикции в отношении поставок рыбного сырья из недружественных стран.

Калининградская область имеет специфические особенности, обусловленные ее географическим положением, определяющим многие факторы, формирующие условия внешней среды для бизнеса и регионального развития. Введение дополнительных рестрикций усиливает давление, которое в различной степени проявляется в регионах и видах экономической деятельности в региональном разрезе. Степень влияния на конкретную отрасль определяется степенью ее комплексности и взаимосвязями с другими видами деятельности.

Особенностью рыбохозяйственного комплекса (РХК) является его мультиотраслевой состав и комплексность решаемых задач, что раскрывалось в Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года [4], которая, впрочем, утратила свою силу, но до сих пор имеет методическое значение. В зависимости от региона структура РХК имеет свои особенности, при этом наиболее существенную роль комплекс играет в прибрежных регионах страны. Как следует из названия, РХК объединяет в себе ряд взаимосвязанных видов экономической деятельности, и если связи между видами деятельности осуществляются в надлежащей мере, комплекс обеспечивает согласованную деятельность и развитие всех входящих в него направлений и работает как отлаженный единый механизм, где все отрасли развиваются пропорционально с учетом приоритетов их продукции.

Развитие и эффективность видов экономической деятельности могут быть обеспечены в рамках адекватной экономической политики, в том числе отраслевой. При этом такая политика должна содержать элементы, учитывающие особенности регионов, на территории которых она будет

реализовываться, а ее реализация – иметь достаточно гибкости, чтобы отражать изменения внешней среды.

Наиболее общим определением экономического развития является улучшение экономики, основанное, в том числе, и на экономическом росте. В широком смысле экономической рост определяется наличием капитала (реального и человеческого), рабочей силы и эффективностью сочетания факторов производства страны, т. е. уровнем технологий и потенциалом развития.

Относящиеся к основным приоритетным направлениям государственной политики формирование и реализация механизма долгосрочного и эффективного управления водными биологическими ресурсами [13] реализуются в рамках формирования экономической политики РХК и являются полномочиями федеральных органов исполнительной власти. Реализация политики производится предприятиями соответствующих видов экономической деятельности на региональном уровне, а также объединениями на межрегиональном уровне.

Существует множество подходов к формированию и реализации отраслевой политики. Среди подходов в мировой практике получил широкое развитие кластерный подход. Он имеет географическую отправную точку, поскольку предполагается, что реализация политики происходит в пространственно ограниченной среде (регионе). Помимо этого, кластерный подход учитывает деятельность и взаимосвязи в сфере бизнеса и региональной политики.

Экономическая политика РХК

Основной целью государственной экономической политики является рост общественного благосостояния [12]. "Отраслевая политика – это подсистема экономической политики, призванная выполнять функцию управления развитием отраслей экономики с целью обеспечения экономического роста и для достижения иных целей, актуальных на том или ином этапе развития, представляет собой систему мер, формируемую через институты взаимодействия государства и отраслевого бизнеса" [6].

Отраслевая экономическая политика, с точки зрения государственного управления и менеджмента предприятий, – это набор методов и способов достижения целей государства и предприятий, а в некоторых случаях набор запретов и ограничений применения методов и путей достижения целей.

С другой стороны, под государственной экономической политикой принято понимать действия органов государственной власти, предпринимаемые для регулирования, коррекции, стабилизации процессов в экономике страны.

В современных условиях отраслевая экономическая политика определяет ответы на вызовы, стоящие перед отраслями, вытекающие из необходимости адаптации к изменчивым условиям внешней среды для обеспечения глобальной конкурентоспособности. Высокая динамика экономической среды повышает

роль федеральной отраслевой экономической политики на региональном уровне [9]. Так, формирование и реализация отраслевой экономической политики РХК, помимо отраслевых задач, таких как повышение конкурентоспособности комплекса на основе обеспечения эффективного функционирования рыбохозяйственных предприятий [5], направлена на достижение национальных целей развития Российской Федерации, поставленных в Указе Президента страны [1].

Исходя из того, что на региональном уровне реализуется подсистема отраслевой экономической политики, федеральная экономическая политика регионального развития в классическом понимании концентрируется на двух направлениях:

- 1) государственная помощь дотационным, в первую очередь депрессивным регионам;
- 2) устранение межрегионального дисбаланса [11].

Поскольку предметом рассмотрения настоящей статьи является отраслевая политика РХК, необходимо отметить специфику рыбохозяйственного производства, которая обусловлена высокой зависимостью от природно-климатических факторов.

Динамика производства предприятий рыбной отрасли разнонаправленная, что отражено на рисунке 1.

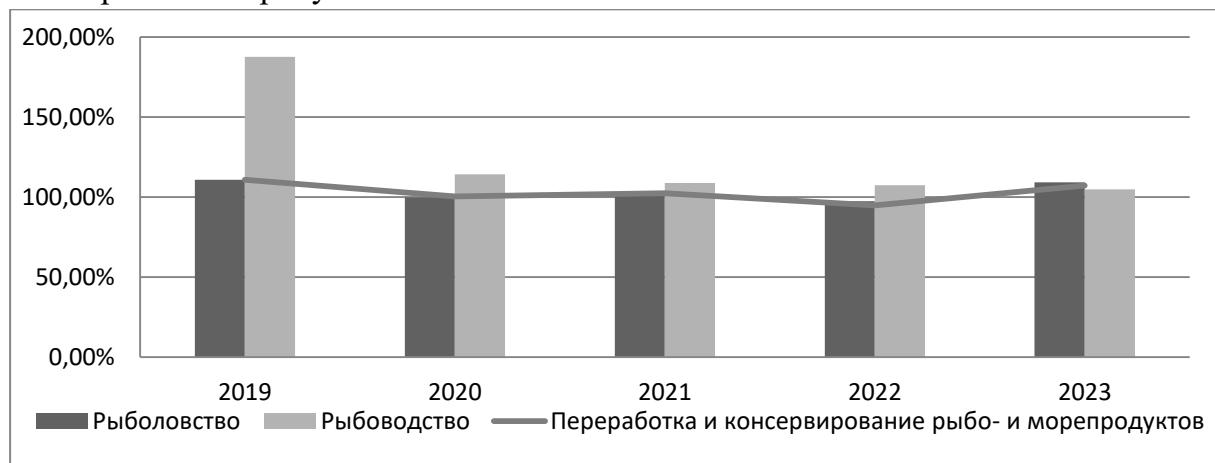

Рисунок 1 – Динамика производства продукции рыбной промышленности России относительно предыдущего года, %

Источник: Росстат

Figure 1 – Dynamics of production of fish industry products in Russia relative to the previous year, %

Source: Rosstat

Приведенные данные свидетельствуют, что действующая политика не обеспечивает оперативного отражения и преодоления вызовов внешней среды, обусловленных введением санкций в отношении России недружественными странами.

Роль рыбохозяйственной деятельности обусловлена тем, что промысловое рыболовство производит в мире более 90 млн. тонн рыбы в год, а в России в

2024 году выловили 4,88 тыс. тонн рыбы и других водных биоресурсов. Хотя это на 8 % меньше, чем в 2023 году, объем вылова значительно превышает объем потребления рыбы и морепродуктов, что позволяет не только обеспечивать население важнейшим источником продовольствия, но и получать экспортную выручку.

Ряд ученых рассматривает РХК России в рамках концепции "экономики потребления" [7]. В рамках этого подхода учитываются региональные особенности и культура потребления, национальные традиции. Это позволяет сделать вывод, что при формировании и реализации любой отраслевой политики на региональном уровне всегда возникает цель или задача регионального развития.

Помимо этого, для поддержки вклада рыболовства в продовольственную и пищевую безопасность экономическая политика в сфере РХК должна обеспечивать устойчивость (воспроизводство) ресурсов, и синергию между целями сохранения природной среды и продовольственной безопасности. Как правило, это обеспечивается в рамках ESG-подхода, учитывающего экологические, социальные и управляемые факторы.

С нашей точки зрения, государственная экономическая политика в рыбохозяйственном комплексе включает два направления: политику обеспечения развития РХК в широком смысле и политику обеспечения продовольственной безопасности страны. Ряд авторов считает, что с точки зрения обеспечения устойчивости и снижения антропогенной нагрузки ключевой подход – это развитие аквакультуры [14]. Этот процесс можно сравнить с переходом от охоты к животноводству. Однако крупные животноводческие комплексы требуют значительных затрат на нейтрализацию экологического ущерба.

Развитие искусственного воспроизводства водных биологических ресурсов, входящих в число основных приоритетных направлений государственной политики РХК, значительно снижает риски рыболовства, но при этом требует научной базы и наличия широкой инфраструктуры, обеспечивающей производство кормов, ветеринарное обслуживание, а также производство соответствующего оборудования. В рамках программы развития РХК предусмотрено увеличение объема производства продукции товарной аквакультуры (рыбоводства), включая посадочный материал, до 618 тыс. тонн к 2030 году [2]. Во многом это связано с политикой развития производственной базы РХК, однако эта часть экономической политики должна также отвечать на вопросы, где и какого масштаба добывающие, перерабатывающие и предприятия аквакультуры должны размещаться. Эта составляющая политики требует координации с региональными властями и их участия в ее разработке и реализации.

Поэтому при формировании региональной составляющей отраслевой экономической политики важной частью работы является согласование

интересов различных видов экономической деятельности. Носителями таких интересов являются заинтересованные стороны.

Развитие производственной базы играет существенную роль в обеспечении продовольственной безопасности и развитии региона через создание рабочих мест и формирование источников доходов работников, сотрудничающих предприятий и налоговых доходов.

С точки зрения обеспечения отраслевого развития, можно выделить три направления экономической политики:

во-первых – это политика расширения производственной базы (для рыболовства как части РХК – это субсидирование строительства рыболовного флота, примером которой могут служить "квоты под киль", а также береговых предприятий зарыбления и рыбоперерабатывающих предприятий);

во-вторых – политика финансирования развития отраслевой инфраструктуры (для РХК это портовые и складские (холодильные) мощности). Развитие инфраструктуры стимулирует инвестиции хозяйствующих субъектов на территории региона;

в-третьих – специфические направления экономической политики, характерные для конкретной отрасли. Для РХК – это политика сохранения и развития промысловой базы, выражаемая в определении величины допустимого улова, зарыбления промысловых участков и формирования квот на добычу и их распределения. С одной стороны, в рамках этой политики формируется величина максимально возможного объема добычи водных биологических ресурсов, а с другой, определяется антропогенная нагрузка на экосистему рыбопромыслового района.

На региональном уровне влияние может быть оказано на первое и второе и частично на третье направление экономической политики. При этом основная тяжесть обеспечения эффективной реализации второго и третьего направлений в части зарыбления ложится на региональные органы власти.

На уровне субъекта РФ экономическая политика в РХК имеет своими целями обеспечение продовольственной безопасности и вклад в социально-экономическое развитие региона. Впрочем, для ряда приморских регионов экономическая политика РХК трансформируется в социально-экономическую, поскольку для ряда населенных пунктов рыбохозяйственные предприятия являются градообразующими, и тогда среди задач экономической политики возникает стабилизация социально-экономической ситуации в отдельных поселениях.

Это обуславливает необходимость участия заинтересованных органов местного самоуправления и предприятий в формировании и реализации экономической политики РХК.

Кластерный подход к формированию и реализации экономической политики РХК

В современной экономической науке выделяют ряд факторов, влияющих на региональное развитие, среди которых следует выделить такие как:

- кардинальные изменения в моделях регионального развития под влиянием глобализации, регионализации и кризисной экономики;
- целесообразность перехода от индустриальной к социальной региональной политике;
- проявления теории сокращения региональных различий в контексте существующего регионального неравновесия;
- появление новых парадигм регионального сотрудничества.

Сегодня понятие кластера стало использоваться взаимозаменяемо для описания функционально связанных компаний в конкретном виде экономической деятельности.

Это обуславливает особенности формирования и реализации отраслевой экономической политики на региональном уровне. С точки зрения регионального сообщества, каждая отрасль или комплекс, в том числе РХК, рассматривается как инструмент обеспечения надлежащих стандартов жизни в соответствующем регионе. Необходимо оговорить, что содержание таких стандартов, выражаемое через характеризующие их показатели, в различных регионах разное, поскольку они формируются на основе сложившихся шаблонов региональной жизни.

В научной литературе сложился подход к тому, что различные объединения предоставляют возможность различным группам граждан оказывать влияние на разработку политики [8]. В то же время следует отметить, что возможные требования заинтересованных сторон (стейкхолдеров) способны значительно отличаться, в связи с чем при формировании подходов, выборе приоритетов, формировании политики и ее реализации необходимы структуры, которые будут осуществлять консолидацию позиций заинтересованных сторон.

Общим подходом для запуска процесса динамичного роста в компаниях и регионального развития должна быть экономическая политика, основанная на нейтральной экономической системе, которая не ставит в невыгодное положение и не приносит выгоды отдельным предприятиям, а также обеспечивает рост возможностей для получения прибыли от предпринимательской деятельности.

С точки зрения авторов, наиболее эффективной формой объединения предприятий и организаций для формирования (влияния на формирование) и реализации государственной экономической политики является кластер.

Концепция кластера была введена в начале 1990-х годов в работе Майкла Портера [17] и оказала большое влияние на политический контекст. Концепция кластера изначально была сформулирована для описания того, как возникает международная конкурентоспособность, причем не в рамках одной компании или одной отрасли, а в группах связанных компаний и отраслей. Концепция кластера и связанные с ней модели, несомненно, привели к новому пониманию процессов, которые создают динамизм и рост в бизнесе, а также того, почему эти

процессы иногда кажутся наиболее эффективными, когда они действуют в региональных (территориальных) рамках.

В настоящее время используется несколько ключевых определений понятия кластера. Во-первых, в соответствии с Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 488-ФЗ "О промышленной политике в Российской Федерации", под промышленным кластером понимается совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации. В этом определении приоритетной является промышленная сфера деятельности, что серьезно ограничивает возможности видов экономической деятельности, не относящихся к промышленной, таких, например, как рыболовство и рыбоводство.

Широкое распространение получила модель кластера – бриллиант, введенная М. Портером. Модификация этой модели, предлагаемая авторами, приведена на рисунке 2.

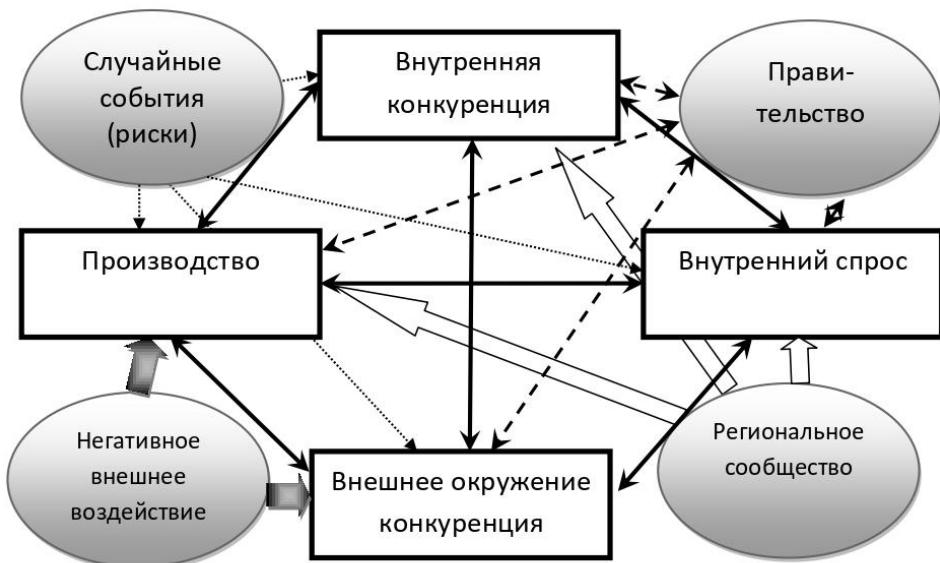

Рисунок 2 – Модифицированная модель кластера
Figure 2 – Modified cluster model

К исходной модели М. Портера добавлены негативные внешние воздействия, масштабы которых превзошли уровень обычных рисков хозяйственной деятельности, а также региональное сообщество. Негативное внешнее воздействие непосредственно оказывает влияние на производство и внешнюю конкуренцию. В свою очередь, региональное сообщество активно влияет на внутренние факторы кластера, такие как внутренний спрос, производство и внутренняя конкуренция.

Важной особенностью предлагаемой модели кластера является учет роли местного сообщества при сохранении роли правительства, это позволяет более избирательно и интервенционистски влиять на формирование и реализацию

экономической политики. В тех случаях, когда государство не может действовать как соучастник или руководитель команды (в силу ограниченности ресурсов), эти роли может брать на себя местное сообщество через какой-либо координирующий узел, в качестве которого может выступать специализированная организация кластера. Это становится возможным, поскольку глубокое понимание динамики бизнеса, которое следует из анализа локальных компетенций и функционирования кластеров, прежде всего, обеспечивает основу для экономической политики, направленной на улучшение общих условий развития предпринимательского сектора [16].

В региональном разрезе РХК можно рассматривать в рамках кластерной модели, что позволяет применять аппарат кластерного анализа и кластерной политики к формированию и реализации экономической политики РХК на региональном уровне.

Наибольшее влияние, по мнению авторов, РХК оказывает на достижение таких национальных целей, как:

- экологическое благополучие;
- устойчивая и динамичная экономика.

Графическая модель влияния кластера на формирование отраслевой экономической политики в регионе показана на рисунке 3.

Рисунок 3 – Графическая модель влияния кластера на формирование отраслевой экономической политики в регионе

Figure 3 – Graphical model of the cluster's influence on the formation of sectoral economic policy in the region

Модель построена с учетом того, что кластер можно охарактеризовать следующим образом [15]:

- региональная экономическая активность локализована на всех уровнях: сообщество, субъект Федерации, уровень страны в целом;
- она ограничена определенным видом деятельности;
- включает как вертикальные связи, такие как цепочка поставщик–производитель–посредник–клиент, так и горизонтальные производственные связи в виде экономической деятельности или комплекса;
- компании имеют идентичные или взаимосвязанные сферы бизнеса;
- фирмы конкурируют, но посредством специализации вносят вклад в развитие кластера;
- географическая концентрация предприятий порождает социальные и доверительные отношения;
- общая инфраструктура, включающая образовательные, проектно-конструкторские, инжиниринговые и другие организации.

Понимание взаимодействия, осуществляемого в рамках кластера, позволяет более избирательно и проактивно формировать и реализовывать экономическую политику за счет того, что специализированная организация кластера формирует консолидированную и согласованную с региональным сообществом позицию на основе позиций всех участников кластера и продвигает в региональных и федеральных органах власти. Глубокое понимание динамики бизнеса, которое следует из анализа локальных компетенций и функционирования кластеров, обеспечивает основу для формирования и реализации отраслевой экономической политики, направленной на улучшение общих условий развития предпринимательского сектора в выбранном виде экономической деятельности. Помимо этого, государство в лице его органов будет действовать, взяв на себя роль активного посредника, и предпринимать усилия по созданию или дополнению кластера.

Кластеры, влияющие на экономическую политику РХК в Калининградской области.

В Калининградской области имеются два кластера, которые оказывают влияние на формирование и реализацию экономической политики РХК. Во-первых, это кластер судостроения и судоремонта. Этот промышленный кластер оформлен в соответствии с установленными требованиями [3], однако не включен в реестр промышленных кластеров Минпромторга России. Специализированная организация кластера – Ассоциация "Кластер судостроения и судоремонта Калининградской области" в соответствии с Уставом осуществляет методическое, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение развития кластера, а также представляет предприятия – члены кластера в Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации, исполнительных органах субъектов Российской

Федерации, на территориях которых размещены участники промышленного кластера.

Среди приоритетов экономической политики РХК важным элементом являются строительство, реконструкция современных судов рыбопромыслового флота и их ремонт на территории Калининградской области, что представляет собой важный аспект развития отрасли [10]. Новые суда, оснащенные современными технологиями, обеспечивают более эффективный и безопасный процесс ловли рыбы, что способствует увеличению уловов и улучшению условий труда рыбаков. Тем самым кластер судостроения и судоремонта вносит свой вклад в формирование и реализацию экономической политики РХК скоординированным и организованным образом.

Во-вторых, в регионе имеется рыбохозяйственный кластер, сложившийся де-факто, но не оформленный де-юре. При этом роль координирующего органа играет некоммерческая организация "Союз рыбопромышленников запада", которая, согласно уставу, обеспечивает условия для эффективного взаимодействия членов союза в вопросах развития на основе объединения ресурсов, координирует предпринимательскую деятельность членов союза и защиту их имущественных интересов и прав. Взаимосвязь с органами власти осуществляется на общих основаниях, что снижает возможность участия в формировании и реализации экономической политики, в таких ключевых вопросах, как восстановление популяций рыб и других морских организмов. Это включает в себя как научные исследования, так и практические меры по охране и восстановлению экосистем, которые осуществляют организации региона. Эффективное управление ресурсами требует комплексного подхода, включающего мониторинг состояния запасов и разработку стратегий их устойчивого использования.

Не менее важной проблемой выступает техническое перевооружение рыбоперерабатывающих мощностей, что является необходимым условием для повышения конкурентоспособности отрасли. Модернизация оборудования и внедрение новых технологий позволяют улучшить качество продукции и снизить затраты на переработку. Это, в свою очередь, способствует более эффективному использованию ресурсов и снижению негативного воздействия на окружающую среду.

Однако для повышения эффективности формирования и реализации экономической политики РХК целесообразно организационное оформление рыбохозяйственного кластера. Такой кластер, хотя и не будет относиться к промышленным, позволит использовать накопленный в стране и области опыт работы кластеров.

Заключение

Влияние кластерного подхода на развитие бизнеса и инновационный потенциал, представленный выше, на деловую и региональную политику обуславливает возможность кластера влиять на формирование и реализацию экономической политики РХК в регионе. Поскольку региональная политика перешла от преимущественно перераспределительной к направленной на стимулирование роста в регионах, все большее внимание уделяют региональной составляющей отраслевой экономической политики.

Это является результатом возросшего понимания того, что многие процессы, способствующие росту, происходят именно на местном и региональном уровне, и поэтому экономическая политика работает лучше всего, если она формулируется и реализуется именно в кластерном масштабе. Хотя точные причинно-следственные связи между кластерами, местной средой и развитием бизнеса остаются частично неясными, кластер может выступать инструментом влияния на отраслевую экономическую политику.

Из модифицированной модели кластера можно сделать вывод, что существенным фактором влияния является внешнее неблагоприятное воздействие, а территориальный характер кластера обуславливает влияние местного сообщества. Конечно, из этого напрямую нельзя сделать вывод, что экономическая политика должна определяться кластером. Кластеры формируют консолидированную позицию во взаимодействии с клиентами, поставщиками и другими заинтересованными сторонами. В данном контексте роль экономической политики должна быть сосредоточена на поддержке здоровой конкуренции, включая внутренний рынок, в рамках которого возникают условия для беспрепятственного сотрудничества.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года".
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 314 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие рыбохозяйственного комплекса".
3. Постановление Правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 779 "О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров".
4. Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2019 г. № 2798-р (ред. от 12.05.2022) "Об утверждении Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года" (вместе с "Планом мероприятий по реализации стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года").

5. Агунович Ю. А., Шуликов А. О. Государственная политика в сфере рыболовства: этапы эволюции, проблемы реализации, перспективные направления развития // Природные ресурсы, их современное состояние, охрана, промысловое и техническое использование: матер. Нац. (всерос.) науч.-практ. конф. 2020. № XI. Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2020.
6. Ардашева Е. П. Отраслевая политика: понятие и функции в инновационной экономике // Вестник Казанского технол. ун-та. 2007. № 3-4.
7. Арыкбаев Р. К. Развитие рыбохозяйственного комплекса России в рамках концепции "экономики потребления" // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2023. № 4.
8. Гузей В. А. Роль, значение и сущность участия заинтересованных сторон в процессе принятий решений, в части обеспечения устойчивости развития // Учет и статистика. 2016. № 3(43).
9. Давыдова О. А., Кузин В. И., Мнацаканян А. Г. Подходы к формированию экономической политики рыбохозяйственного комплекса на региональном уровне в Калининградской области // Проблемы межрегиональных связей. 2024. № 27. С. 23-30.
10. Поляков Р. К., Кузин В. И. Кластерный подход в развитии судостроения и судоремонта в Калининградской области // Балтийский экономический журнал. 2023. № 4(44). С. 132-147.
11. Сухарев О. С. Региональная экономическая политика: структурный подход и инструменты (теоретическая постановка) // Экономика региона. 2015. № 2.
12. Филиппов А. М. Отраслевая политика и экономическое развитие: проблемы теории. Горки: Белорусская гос. сельхоз. академия, 2006. 234 с.
13. Харин А. Г. О некоторых целях рыбохозяйственной политики в Российской Федерации и влиянии внешней торговли на потребление рыбопродуктов // Балтийский экономический журнал. 2023. № 2(42). С. 37-50.
14. Barry A. Costa-Pierce. Ecology as the paradigm for the future of aquaculture // Ecological Aquaculture: The Evolution of the Blue Revolution, 2007.
15. Boja Catalin. Clusters Models, Factors and Characteristics // International Journal of Economic Practices and Theories. 2011;1.1.1.
16. Polyakov R., Kuzin V. Financial Model of Industrial Cluster: Features of Value Chain Creation and Development // Ecosystems Without Borders. 2024.
17. Porter M. E. The competitive advantage of nations. Basingstoke: Macmillan, 1990.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036". (In Russ.).
2. RF Government Resolution of 15.04.2014 No. 314 "On approval of the state program of the Russian Federation "Development of the fisheries complex". (In Russ.).
3. RF Government Resolution of 31 July 2015 No. 779 "On industrial clusters and specialized organizations of industrial clusters". (In Russ.).
4. RF Government Order of 26.11.2019 No. 2798-r (as amended on 12.05.2022) "On approval of the Strategy for the Development of the Fisheries Complex of the Russian Federation for the period up to 2030" (together with the "Action Plan for the implementation of the strategy for the development of the fisheries complex of the Russian Federation for the period up to 2030"). (In Russ.).
5. Agunovich Yu. A., Shulikov A. O. State policy in the field of fisheries: stages of evolution, problems of implementation, promising areas of development // Natural resources, their modern condition, protection, commercial and technical use: mater. National (All-Russian) scientific and practical conference. 2020. No. XI. Petropavlovsk-Kamchatsky: KamchatGTU, 2020. (In Russ.).
6. Ardasheva E. P. Industry policy: concept and functions in the innovation economy // Bulletin of the Kazan Technological University. 2007;3-4. (In Russ.).
7. Arykbaev R. K. Development of the fisheries complex of Russia within the framework of the concept of "consumer economy" // Bulletin of ASTU. Series: Economy. 2023;4. (In Russ.).
8. Guzey V. A. The role, significance and essence of stakeholder participation in the decision-making process, in terms of ensuring sustainable development // Accounting and statistics. 2016;3(43). (In Russ.).
9. Davydova O. A., Kuzin V. I., Mnatsakanyan A. G. Approaches to the formation of economic policy for the fisheries complex at the regional level in the Kaliningrad region // Problems of interregional relations. 2024;27:23-30. (In Russ.).
10. Polyakov R. K., Kuzin V. I. Cluster approach to the development of shipbuilding and ship repair in the Kaliningrad region // Baltic Economic Journal. 2023; 4(44):132-147. (In Russ.).
11. Sukharev O. S. Regional Economic Policy: Structural Approach and Instruments (Theoretical Statement) // Economy of the Region. 2015;2. (In Russ.).
12. Filiptsov A. M. Industry Policy and Economic Development: Theoretical Problems. Gorki: Belarusian State Agricultural Academy, 2006. 234 p. (In Russ.).
13. Kharin A. G. On Some Goals of Fisheries Policy in the Russian Federation and the Impact of Foreign Trade on the Consumption of Fish Products // Baltic Economic Journal. 2023; 2 (42):37-50. (In Russ.).

14. Barry A. Costa-Pierce Ecology as the paradigm for the future of aquaculture // Ecological Aquaculture: The Evolution of the Blue Revolution, 2007
15. Boja Catalin Clusters Models, Factors and Characteristics //International Journal of Economic Practices and Theories/ 2011;1.1,1.
16. Polyakov R., Kuzin V. Financial Model of Industrial Cluster: Features of Value Chain Creation and Development // Ecosystems Without Borders. 2024. (In Russ.).
17. Porter M. E. The competitive advantage of nations. Basingstoke: Macmillan, 1990.

Сведения об авторах

О. А. Давыдова - директор Калининградского колледжа управления, аспирант ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

В. И. Кузин - канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и финансов ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Р. К. Поляков - канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и финансов ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the author

O. A. Davydova – Director of the Kaliningrad College of Management, postgraduate student of KSTU.

V. I. Kuzin - Ph. D. economy Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Finance INOTEKU Kaliningrad State Technical University.

R. K. Polyakov - Ph. D. economy Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Finance INOTEKU Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 08.02.2025; принятая к публикации 11.02.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 08.02.2025; accepted for publication 11.02.2025.

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 31-45.
Baltic Economic Journal. 2025. No. 1(49). P. 31-45.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 332.66, 338.439.222

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-1-31-45

Отраслевое развитие аквакультуры в Калининградской области

Сергей Михайлович Ежелый

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

sergey.ezheliy@klgtu.ru

Аннотация. Целью исследования является оценка современного состояния аквакультуры (рыбоводства) Калининградской области и его влияния на экономику региона. Осуществлен экономический анализ всех рыбоводческих хозяйств. Выявлена убыточность компании, освоившей значительные бюджетные средства в ходе реализации единственной в России программы зарыбления угрем. Показана тенденция роста роли аквакультуры в рыбохозяйственном комплексе региона с перспективой выйти на одинаковый уровень доходности. Сделан вывод о необходимости использования биоэкономических подходов и выработки адаптивных моделей для разных видов товарного и восстановительного рыбоводства, позволяющих вырабатывать предложения по совершенствованию экономической политики, обеспечивающие национальные интересы и учитывающие потребности региональной экономики.

Ключевые слова: аквакультура, экономические факторы, устойчивое развитие

Для цитирования: Ежелый С. М. Отраслевое развитие аквакультуры в Калининградской области // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 31-45. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-31-45>

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

Sectoral development of aquaculture in the Kaliningrad region

Sergey M. Ezheliy

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

sergey.ezheliy@klgtu.ru

Abstract. The purpose of the study is to assess the current state of fish farming in the Kaliningrad region and its impact on the region's economy. An economic analysis of all fish farms has been carried out. The unprofitability of the company has been revealed, which has

used significant budgetary funds during the implementation of the only eel harvesting program in Russia. The article shows a growing trend in the role of aquaculture in the fisheries sector of the region with the prospect of reaching the same level of profitability. It is concluded that it is necessary to use bioeconomic approaches and develop adaptive models for different types of commercial and restorative fish farming, which make it possible to develop proposals for improving economic policy that ensure national interests and take into account the needs of the regional economy.

Keywords: aquaculture, economic factors, sustainable development

For citation: Ezheliy S. M. Sectoral development of aquaculture in the Kaliningrad region // Baltic Economic Journal. 2025;1(49):31-45. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-31-45>

Потребности устойчивого обеспечения населения страны продукцией из водных биологических ресурсов (ВБР) с учетом безусловного соблюдения национальных интересов России¹ и целей национального развития² детерминируют развитие рыбохозяйственного комплекса и его компонента – аквакультуры. В экономике мира значение аквакультуры продолжает возрастать, более половины мировых ВБР производятся на рыбоводческих предприятиях [1]. В российских макроэкономических процессах имеется очень большой потенциал для развития аквакультуры, так как ее актуальная доля в добытых ВБР менее 10 %. В мировой науке она определяется как выращивание водных организмов с целью увеличения биомассы с вмешательством человека в процессы размножения, воспроизводства, сохранения, кормления и защиты от хищников [2]. В российском правовом поле аквакультура (рыбоводство) понимается как деятельность, связанная с разведением и (или) содержанием, выращиванием объектов аквакультуры³. Товарное рыбоводство реализуется в виде современной системы сельскохозяйственного производства индустриального типа, где планируемые результаты достижимы при комплексном использовании методов, основанных на научных экологических, технологических и экономических принципах [3]. Восстановительное направление рыбоводства осуществляется в виде системы мер государственного управления сохранением водных биоресурсов (включая искусственное воспроизводство, акклиматизацию, мелиорацию, рыболовство в целях аквакультуры).

В нашей стране приняты следующие виды товарной аквакультуры:

- 1) пастбищная;
- 2) индустриальная;
- 3) прудовая.

Структура отрасли товарной аквакультуры по состоянию на 10 февраля 2025 г. (таблица 1) включает 30 юридических лиц и 25 индивидуальных

¹ Указ Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 "Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации".

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309.

³ Федеральный закон от 02.07.2013 г. № 148-ФЗ "Об аквакультуре (рыбоводстве) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".

предпринимателей (ИП). Деятельность 19 ранее зарегистрированных юридических лиц и 38 ИП прекращена. 247 калининградских организаций указали "рыбоводство" в качестве дополнительного вида экономической деятельности. В региональной аквакультуре работает только одно предприятие малого бизнеса, остальные являются микропредприятиями. В Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства входят 27 компаний и 16 ИП.

Таблица 1 – Структура регионального рыбоводства [4]

Table 1 – The structure of the regional fish farming [4]

Показатели	Прекратили деятельность в период с 2015 по 2024 г.	Создано в 2024 г.	Действующие по состоянию на 10.01.2025 г.	В процессе исключения из реестра ФНС РФ или в процессе банкротства
Юридические лица	19	6	30	3
ИП	38	1	25	-

Динамика некоторых экономических показателей регионального товарного рыбоводства отражена в таблице 2.

Таблица 2 – Показатели аквакультуры в Калининградской области [4, 5, 6]

Table 2 – Aquaculture products in the Kaliningrad region [4, 5, 6]

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Доходы, млн. руб.	61,8	67,9	50,3	55,4	59,7	65,9	199,9	96,4	452,2
Индекс цен производителей реализованной сельскохозяйственной продукции (декабрь к декабрю предыдущего года), %	102,1	100,8	98,9	106,4	100,4	98,2	106,6	99,8	107,4
Реальные доходы с учетом индекса цен, млн. руб.	60,5	67,3	50,9	52,0	59,5	67,1	187,5	96,6	421,0
Производство (выращивание) товарной рыбы и других объектов товарного рыбоводства, тонн									
в РФ	173981	186544	186544	204032	248293	291194	319342	348187	365269
в Калининградской области	42	30	30	32	48	68	57	109	187

В 2024 г. калининградские рыбоводные предприятия вырастили около 100 тонн угря и около 100 тонн карпа, осетра и радужной форели [7].

На протяжении рассматриваемого периода с 2015 по 2024 г. структура отрасли менялась незначительно. Стабильное доминирующее, а позднее и

монопольное положение занимала компания ООО "Промышленные корма", которая только на один год в 2021 г. уступила монополию созданному в 2020 г. ООО "Гудфиш". Остальные компании показывали скачкообразный рост и высокую рентабельность на период не более 4 лет, после чего происходило падение показателей (ООО "Аргон", ООО "Стахановец", ООО "Калининградский центр "Аквакультура", ООО "Балтийская рыбная компания", ООО "Янтарный сом"), становились убыточными или полностью прекращали свою деятельность. Выявлены признаки вывода средств рыбоводного хозяйства в теневой сектор экономики ("Янтарный сом" не предоставлял налоговую и бухгалтерскую отчетность с 2022 г.; ФНС России выявила недостоверность сведений в отношении генерального директора; на 10.11.2024 г. сумма недоимки и задолженности по пеням и штрафам достигла 288 070 руб.). Влияние агрохолдингов незначительно: ООО "Аквамарин" управляется рыбохозяйственным холдингом "За Родину", ООО "Балтийская рыбная компания" – агрохолдингом "Залесье".

Анализ собранных и рассчитанных данных свидетельствует о начале экономического роста в отрасли в 2021 г. Толчком послужили факторы: эффект низкой базы; резкое увеличение объема российских бюджетных субсидий; субсидии ЕС в проект восстановления популяции угря в бассейне Балтийского моря; доступная товаропроводящая сеть для реализации живой рыбы. Так, если в 2021 г. на региональное рыбоводство бюджетных средств не выделялось, то в 2022 г. выделено и исполнено 45,582 млн. руб., в 2023 г. – 86,58 млн. руб.¹. Важный фактор – приложение руководством хозяйствующих субъектов собственного "капитала знаний" – совокупности компетенций и учет опыта убыточных предприятий. В 2023-2024 гг. наблюдалась тенденция роста производства аквакультуры. За период января–октября 2024 г. произведено 155 тонн рыбы [6], в аналогичный период 2023 г. – 90 тонн, в 2022 г. – 74 тонны, в 2021 г. – 52 тонны.

По данным некоммерческой организации "Всероссийская ассоциация рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортёров"², в целом по стране в период с 2017 по 2022 г. переменные издержки хозяйствующих субъектов в рыбоводстве выросли почти в четыре раза. Наибольший прирост зафиксирован в 2022 г. (+36 % к уровню 2021 г.). Расходы на налоги и сборы в секторе аквакультуры с 2017 по 2022 г. выросли более чем в 50 раз. Расходы на амортизацию нематериальных активов и основных средств выросли в три раза. В 2 раза увеличились затраты на страховые платежи. Затраты на воду, топливо и энергию выросли на 63 % (рисунок 1).

¹ Законы Калининградской области от 28.06.2023 г. № 221, от 20.06.2024 г. № 336.

² https://www.varpe.org/mass-media/razdel-1/akvakulturnyy-zapros-1/?sphrase_id=10642

Рисунок 1 – Структура переменных издержек в рыбоводстве, %
 Figure 1 – The structure of variable costs in fish farming, %

Аналогичные пропорции затрат наблюдаются, в том числе, в рыбоводстве Калининградской области.

В ходе исследования проведен детальный анализ всех действующих рыбоводных хозяйств. В 2023 г. только 9 хозяйств из 26 действовавших показали выручку. Совокупная выручка, по сравнению с предыдущим годом, возросла более чем в 4,6 раза. В таблице 3 сведены данные по всем рыбоводным хозяйствам, указавшие в 2023 г. в бухгалтерских балансах выручку от основного вида деятельности. Для описания результата действия факторов на аквакультурные предприятия выбраны следующие индикаторы: динамика задолженностей; чистая прибыль; рентабельность бизнеса; текущая ликвидность бизнеса. Рассчитанный для рыбоводства индекс Херфиндаля–Хиршмана дает значение 7195, что свидетельствует о монополии на региональном рынке.

Таблица 3 – Экономические показатели предприятий в 2023 году

Table 3 – Economic indicators of enterprises in 2023

Предприятие	Выручка, млн. руб.	Доход, млн. руб.	Чист. прибыль, млн. руб.	Доля рынка, %	Текущая задолженность, млн. руб.	Долгосрочн. обязательства млн. руб.	Оборотные активы, млн. руб.	Текущая ликвидность	Рентабельность бизнеса, %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
ООО "Пром-корм"	378,3	378,3	3,9	83,63	26,2	72,9	50,7	1,93	1,0
ООО "Полекс-Аква"	63,7	64,8	41,4	14,13	10,9	48,7	21,5	1,97	63,9
ООО "Аргон"	3,76	3,82	0,53	0,84	0,1	0,1	4,35	43	13,8

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
ООО "Аквамарин"	3,58	3,58	0,72	0,7	0,3	0	3,1	10,3	20,1
ООО "Стахановец"	2,28	2,28	0,257	0,55	13,3	0,11	18,5	1,39	11,3
ООО "Гудфиш"	0,34	27,7	уб.55,27	0,07	51,2	26,7	17,1	0,33	-200
ООО "Балтикаква"	0,18	0,18	уб.0,239	0,04	0,3	0	0,06	0,2	-132
ООО "Тригла"	0,034	0,034	0	0,007	0	0	0,013	13	0
ООО "Калининградский центр "Аквакультура"	0,006	0,008	уб.0,008	0,0002	0,388	0,731	1,3	3,35	-100

Источник: рассчитано автором по данным бухгалтерских балансов и финансовых отчетов, размещенных в ФНС [4] и ЕМИСС [6].

Крайне высокие значения текущей ликвидности (свыше 10) являются следствием особенностей отчетности всех микрокомпаний, которые в бухгалтерских балансах показали полное отсутствие внеоборотных активов.

Усредненные показатели предприятий в отрасли:

- текущая ликвидность 2,78 (диапазон от 0,2 до 3,35);
- рентабельность бизнеса по всему кругу предприятий 22,2 % (диапазон от 0 до 63,9 %);
- крайне рисковый бизнес – до половины работающих хозяйствующих субъектов находится в предбанкротном состоянии.

Крайне высокая рентабельность (63,9 %) ООО "Полекс-Аква" связана с получением бюджетных средств 11,996 млн. руб. (за 2021–2023 гг.) и участием фирмы в качестве подрядчика государственных контрактов на выполнение работ по искусственноому воспроизведству ВБР в Куршском заливе (2024 г.).

Крайняя убыточность (-200 %) ООО "Гудфиш" ИНН 3906391623 имеет ряд причин объективного и субъективного характера. Компания создана в 2020 г. и до 2024 г. концентрировалась на деятельности по выращиванию угря и зарыблению этой рыбой водоемов Калининградской области. Деятельность осуществлялась за счет банковских кредитов, средств Европейского Союза [10], бюджетных субсидий. Совокупная полученная сумма бюджетных субсидий в 2022-2024 гг. достигла 140,887 млн. руб. [5]. Вместе с тем, выявленная в ходе исследования проблема убыточности свидетельствуют о признаках предбанкротного состояния. Однако следует поставить вопрос о форме экономического эгоизма владельца исследуемой компании И. Якушенко в связи с тем, что ею в 2024 г. создана аналогичная по названию и основному виду экономической деятельности компания ООО "Гудфиш", ИНН 3900025469, действующая параллельно ранее созданной компании.

Динамика сопоставления долговой нагрузки, оборотных средств и доходов с аппроксимацией на 2024 г. на основе мнения экспертов представлена на графике (рисунок 2).

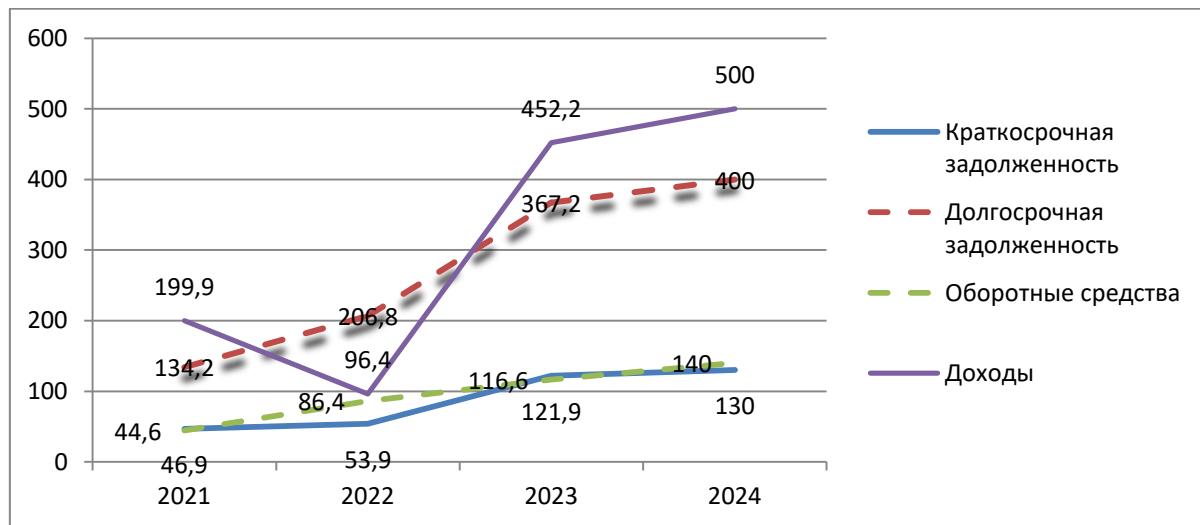

Рисунок 2 – Долговая нагрузка, оборотные средства и доходы, млн. руб.

Figure 2 – Debt burden, working capital and income, million rubles

Источник: рассчитано автором по данным бухгалтерских балансов и финансовых отчетов, размещенных в ФНС [4] и ЕМИСС [6].

Под грузом негативного воздействия совокупности внерыночных и рыночных факторов средняя рентабельность бизнеса понизилась с высокой до средней и в значительной мере утратила инвестиционную привлекательность.

Согласно статистическим данным, предприятия рыбохозяйственного комплекса Калининградской области ежегодно реализуют основные средства. В частности, в 2020 г. реализовано на сумму свыше 250 млн. руб., в 2021 г. – свыше 2 млн. руб., в 2022 г. – свыше 139 млн. руб., в 2023 – свыше 5 млн. руб. Рыбоводные хозяйства выручку от продажи основных средств не показали, новых мощностей с 2017 г. не вводили [6].

Совокупный налоговый эффект от рыбоводства невелик. В 2023 г. налоговые поступления в консолидированный бюджет от товарной аквакультуры составили свыше 27 млн. руб. [6], от восстановительной аквакультуры – свыше 22 млн. руб. (поступления от калининградского филиала ФГБУ "Главрыбвод"). Для сравнения, по виду экономической деятельности "рыболовство" и "рыбоводство" от налогоплательщиков Калининградской области за 2023 г. поступило 1666,989 млн. руб., за январь-ноябрь 2024 г. 1284,215 млн. руб. [8].

При оценке готовой продукции результаты 2020-2023 гг. имеют разную динамику для разных секторов регионального рыбохозяйственного комплекса (рисунок 3). В рыболовстве отмечается экономический спад. Вместе с тем, в аквакультуре и переработке водных биологических ресурсов заметен серьезный подъем, что явилось результатом стабильности потока сырья от традиционных

поставщиков из стран Юго-Восточной Азии, роста спроса на продукцию и увеличения отпускных цен.

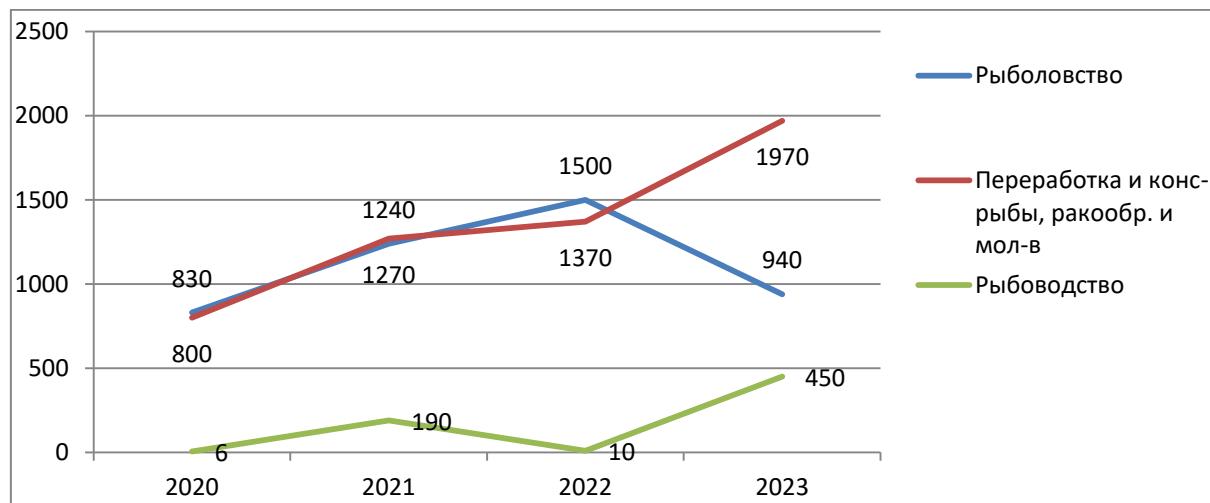

Рисунок 3 – Динамика готовой продукции секторов РХК Калининградской области, млн. руб. [4]

Figure 3 – Dynamics of finished products of the Kaliningrad region agricultural production sectors, million rubles [4]

Под воздействием конъюнктурных изменений, индуцированных внутренними социально-политическими и экономическими процессами, на рынке труда, с которым связан рыбохозяйственный комплекс, стали происходить изменения, сказавшиеся на пропорции затрат (таблица 4).

Таблица 4 – Среднемесячная номинальная начисленная заработка плата на одного работника по полному кругу организаций в РХК Калининградской области с 2017 г., руб. [4]

Table 4 – The average monthly nominal accrued salary per employee for a full range of organizations in the Kaliningrad region agricultural complex since 2017, RUB [4]

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Рыболовство	68561,9	86723,6	91700,4	93829,4	100650,8	106365,5	145268,4
Рыбоводство	22872,2	29943,9	34013,4	41861,8	73519,1	73012,7	62304,1
Переработка и консерв. рыбы, ракообр. и моллюсков	25373,4	27027,8	30776,1	32887,5	40014,2	39846,1	40594,8
Производство канатов, веревок, шпагата и сетей	н/д	н/д	52518,4	62844,1	67093	70357,9	90924,7
Производство машин и оборудования для производства пищ. прод.	н/д	н/д	19241,6	32344,4	35301,5	25249,6	н/д
Ремонт и техобслуживание судов и лодок	н/д	н/д	41942,8	41209,7	42439,3	51340,7	87870,1

Возрос отток персонала из организаций рыболовства, рыбоводства и пищевых предприятий. На протяжении 2022-2024 гг. равновесные ставки заработной платы формировались через взаимодействие всех участников рыночных процессов только на краткосрочный период – не более 3 месяцев (рисунок 4).

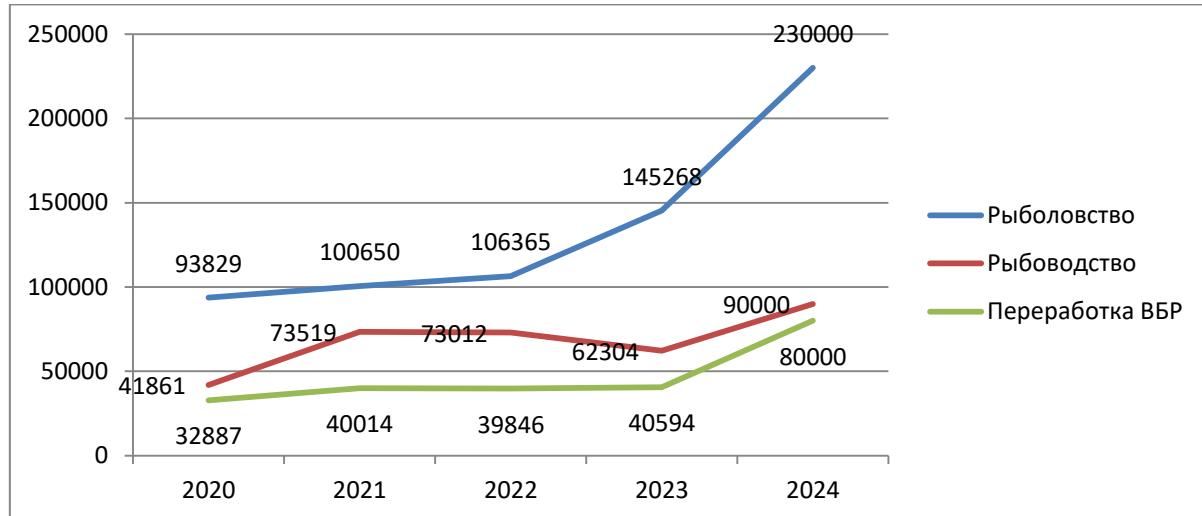

Рисунок 4 – Среднемесячная начисленная заработная плата работников (без выплат социального характера) в секторах РХК, руб. [4]

Figure 4 – The average monthly accrued salary of employees (excluding social benefits) in the fisheries sectors, RUB [4]

Нарастающий дефицит кадров при постоянном спросе на трудовую силу подтолкнул работодателей повышать базовые ставки зарплаты.

Переменные издержки на оплату труда работников в 2024 г. стали значительно возрастать. Оценка ожидаемых средних зарплат 2024 г. получена по результатам обработки опросов руководителей компаний из разных секторов регионального рыбохозяйственного комплекса.

Исследованные процессы показывают, что в настоящее время калининградские работодатели исчерпали потенциал трудовых ресурсов.

Сильную поддержку росту зарплаты в РХК Калининградской области оказывают высокие конкурентные зарплаты рыбохозяйственных комплексов других регионов России (таблица 5). Для сравнения приведены зарплаты в рыболовстве и аквакультуре, выплачиваемые в других рыбоводных регионах страны.

Таблица 5 – Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по полному кругу организаций с 2018 г., руб. [6]

Table 5 – The average monthly nominal accrued salary per employee for a full range of organizations since 2018, RUB [6]

Регион	Вид деятельности	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	2	3	4	5	6	7	8
Республика Карелия	Рыболовство	140 869	151 901,7	111 946	89 919,5	191 697,5	223 960,8
	Аквакультура	42 944,8	46 071,6	49 118,2	39 358,2	37 279,1	74 153,5

Окончание таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7	8
Архангельская область	Рыболовство	111 580,9	119 714,8	131 414,6	143 748,6	154 926,5	167 524,3
	Аквакультура	35 876,6	38 169,5	47 823,9	44 530,5	51 881,8	67 490,3
Калининградская область	Рыболовство	86 723,6	91 700,4	93 829,4	100 650,8	106 365,5	145 268,4
	Аквакультура	29 943,9	34 013,4	41 861,8	73 519,1	73 012,7	62 304,1
Ленинградская область	Рыболовство	19 347,4	20 151,7	40 021,5	37 961,2	45 005,9	43 988,3
	Аквакультура	49 127,9	64 385,8	49 723,1	50 781,9	66 603,9	82 815
Мурманская область	Рыболовство	149 877,6	163 014,9	176 542,4	208 671,7	220 654	241 277,4
	Аквакультура	99 245,5	96 898,5	101 610,2	96 480,6	117 078,7	134 746,2
Астраханская область	Рыболовство	13 601	16 724,7	16 755,9	17 804,8	20 388,8	22 018,4
	Аквакультура	20 311,7	20 167,4	22 392,9	25 604,9	30 118,1	35 052,4
Камчатский край	Рыболовство	112 268,2	134 066,3	117 656,7	119 691,8	157 552,8	192 320,9
	Аквакультура	65 342,6	65 285,5	53 584,9	69 637,9	72 885,8	77 692,5
Приморский край	Рыболовство	81 733,7	97 894,5	108 341,2	110 409,9	133 202,5	154 064,2
	Аквакультура	36 754,6	41 128,6	42 823,3	38 080,3	44 559,2	58 769,3
Сахалинская область	Рыболовство	90 038,8	107 975,5	119 568,5	119 662,9	130 087,9	157 948,9
	Аквакультура	42 926,5	43 757,9	47 213,8	52 810,5	63 598,1	70 570,3

Существовавший в начале 2000-х годов в Калининграде избыток подготовленных кадров за 20 лет полностью нивелирован. По расчетам автора, в рыбоводстве на постоянной основе на протяжении 5 лет занято в среднем 50-55 человек, привлекаются совместители и сезонные работники. В 2023 г. в связи с ростом потребности в кадрах число постоянных работников выросло до 74 человек.

Работодатели ранее не занимались вопросами обеспечения кадровой безопасности на перспективу и уклонялись от совместной работы с учебными заведениями. Доля выпускников образовательных учреждений Росрыболовства, которые пошли работать во все секторы РХК в 2020-2022 гг., составляет 8 % в высшем образовании и около 15 % в среднем. В настоящее время рынок труда разбалансирован.

Потребности работодателей вынудили ряд секторов отреагировать резким повышением зарплат и базовых ставок в 2024 г.

Устойчивое развитие региональной экономики требует достижения экологических критериев минимизации и нейтрализации опасных и вредных воздействий на водные биологические ресурсы, на которые оказывает влияние хозяйственная деятельность калининградских организаций [9]. В соответствии с законодательством, восстановительная аквакультура охватывает: акклиматизацию; мелиорацию; искусственное воспроизведение водных биологических ресурсов и компенсацию ущерба от строительства промышленных объектов; содержание и обеспечение гидротехнических сооружений¹. Работы по искусственному воспроизведству в Калининградской области проводятся тремя организациями: ФГБУ "Главрыбвод"

¹ ФГБУ "Главрыбвод" <https://glavrybvod.ru/>

(подведомственное учреждение Росрыболовства); ООО "Гудфиш" (ИНН 3906391623) и ООО "Полекс-Аква" (ИНН 3906386133).

Калининградский филиал ФГБУ "Главрыбвод" в рамках государственного плана на базе экспериментального рыбоводного цеха, расположенного на Куршской косе в пос. Лесной и функционирующего с 2009 г., проводит работы, направленные на сохранение и увеличение численности популяции сига Куршского залива. Работы финансируются из средств федерального бюджета и коммерческих организаций. В научных исследованиях по настоящее время часто ошибочно называют в качестве действующего ФГБУ "Запбалтрыбвод", которое в 2016 г. прекратило свою деятельность в связи с присоединением к ФГБНУ "АтлантНИРО". Последнее, в свою очередь, прекратило свою деятельность в 2019 г. в связи с присоединением к ФГБНУ "ВНИРО".

Ежегодными приказами Росрыболовства определяются юридические лица и ИП, с которыми заключаются договоры на выполнение работ по искусственному воспроизводству ВБР без предоставления ВБР в пользование. В 2021 г. в плане калининградский филиал "Главрыбвода" как источник получения посадочного материала для искусственного воспроизводства ВБР отсутствует. Вместе с тем, в закупках у других филиалов "Главрыбвода" и выпуске вне Калининградской области участвовали ОАО "Калининградский карьер", ИНН 3908001519 и северо-западный филиал (г. Калининград) ФГУП "Росморпорт". В последующий период зарыблялся только Куршский залив и только сигом (балтийским сигом): в 2022 г. за счет средств АО "Прибалтийский судостроительный завод "Янтарь" 11,3 тыс. штук; за счет средств ООО "Газпром инвест" (г. Санкт-Петербург) – 730 440 шт.; за счет средств северо-западного филиала ФГУП "Росморпорт" – 142 857 шт.

В 2023 г. за счет средств ООО "Газпром инвест" – 200 тыс. шт.; за счет ГБУ КО "Балтберегозащита" – 665 299 шт.; АО "ПСЗ "Янтарь" – 11 309 шт.; северо-западный филиал (г. Калининград) ФГУП "Росморпорт" – 266 667 шт.

В 2024 г. северо-западный филиал (г. Калининград) ФГУП "Росморпорт" – 375 тыс. шт.; ООО "Газпром инвест" – 143 тыс. шт.; АО "ПСЗ "Янтарь" – 11 309 шт.; ООО "ЛУКОЙЛ-КМН" (г. Калининград) – 1 408 333 шт.

В 2024 г. впервые в план в качестве компании, у которой должны осуществляться закупки, было включено калининградское ООО "Полекс-Аква", у него запланированы закупки ООО "Фертоинг" (г. Санкт-Петербург) – 5048 шт. сига для зарыбления Куршского залива. Вне вышеназванного плана ООО выполняло государственные контракты на зарыбление сигом Куршского залива по заказам: ГБУ "Балтберегозащита" от 30.09.2024 г. на 14 875 000 руб.; МБУ "Управление капитального строительства" городского округа "Город Калининград" от 11.12.2023 г. на 45 285 200 руб. и ГКУ КО "Управление дорожного хозяйства Калининградской области" от 26.09.2022 г. на 4 620 150 руб. В 2024 г. калининградский филиал ФГБУ "Главрыбвод" заключил договор с ООО "Полекс-Аква" на выполнение комплекса услуг по получению в

искусственно созданных условиях среды обитания водных биологических ресурсов, с последующим их выпуском в водный объект рыбохозяйственного значения (Извещение о закупке № 32413422678 от 25.03.2024 г.). До конца года было выпущено в Куршский залив 540 тыс. экз. балтийского сига. Стоимость договора составила 64,8 млн. руб. В 2024 г. филиал ФГБУ "Главрыбвод" также закупил 2500 тыс. экз. оплодотворенной икры проходной формы балтийского сига (*Coregonus lavaretus L.*) на стадии "пигментации глаз" у сигового питомника ООО "Форват". Стоимость договора составила 7 млн. руб.

На начало февраля 2025 г. в плане Росрыболовства по искусственному воспроизводству ВБР водоемов Калининградской области нет.

Воспроизводящая функция калининградского филиала "Главрыбвода" носит достаточно затратный характер. Помимо сметных затрат на функционирование, филиал в 2024 г. в ходе открытых торгов приобрел товарно-материальные ценности на сумму свыше 136,539 млн. руб. (в 2023 г. свыше 109,419 млн. руб.)¹.

Для обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации в качестве одной из стратегических задач предусмотрено обеспечение технологической независимости и формирование новых рынков по направлению "биоэкономика"². Этот термин впервые был использован в 1918 г. российским ученым, морским биологом Ф. И. Барановым, чтобы показать, что экономическая эксплуатация возобновляемых ресурсов (т. е. "рыбных ресурсов") должна соотноситься с экологическими пределами [11]. Экономическая отдача от аквакультуры в особых условиях Калининградской области, на взгляд автора, будет иметь скачкообразный характер и достигнет уровня доходности рыболовства, если государственный регулятор будет поощрять предпринимателей к применению в бизнесе биоэкономического подхода. Практическое воплощение такого подхода реализуется в проекте начатого в 2022 г. зарыбления заливов Калининградской области подрошенной молодью угря. Происходит пополнение естественных запасов – восстановление и сохранение на новом уровне популяции. Искусственное выращивание угря беспрецедентно в России, в настоящее время оно реализуется на базе ООО "Гудфиш". Работы финансируются из средств ЕС в рамках Плана восстановления угря, введенного в действие Постановлением Европейского Совета № 1100/2007 [10]. Программа рассчитана на 12 лет. В 2022 г. выпущено 430 тыс. штук угря; в 2023 г. – 1,163 млн.; в 2024 г. в Калининградский залив – 2,35 млн., в Куршский залив – 500 тыс. В товарных сетях Калининграда и на маркетплейсах начата реализация выращенного в регионе балтийского угря, являющегося символом региональной кулинарии.

¹ <https://zakupki.gov.ru>

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года".

Сопоставление доли аквакультуры (450 млн. руб., см. рисунок 3) с валовым региональным продуктом Калининградской области (466 392 млн. руб. [5]) в 2023 г. убедительно показывает низкое влияние отрасли на экономику региона. Геополитические и геоэкономические изменения, экономические процессы в рыбохозяйственном секторе России, насущная потребность суверенизации рынка водных биологических ресурсов и достижения национальных целей развития, включая рост экспорта продовольственных товаров, являются предпосылками роста производства в рыбоводстве Калининградской области [12]. Видна перспектива достижения рыбоводством уровня доходности рыболовства (см. рисунок 3), что выполнимо при увеличении промышленных мощностей рыбоводных хозяйств. Однако последнее возможно, если будет восстановлена инвестиционная привлекательность, что может быть обеспечено долгосрочной региональной политикой. Факторы зависимости от импорта генетических материалов и высококачественных кормов в настоящее время купируются федеральной политикой импортозамещения. Целесообразно продолжить оценку потенциала регионального рыбоводства в контексте глобальных и общероссийских процессов и тенденций, потребностей ухода от зависимости от иностранных поставщиков, с выявлением экономических угроз и точек роста, с использованием биоэкономических подходов и выработкой адаптивных моделей для разных видов товарного и восстановительного рыбоводства [13]. Последние должны с минимальной погрешностью определить социальные, экономические, бюджетные эффекты развития рыбоводства и позволить сформулировать научно обоснованные взвешенные предложения по совершенствованию региональной экономической политики в РХК с учетом значительных изменений в 2025 г. государственной налоговой, таможенной, ветеринарной, экологической и промышленной политики.

Список источников

1. Araujo G. S., Silva J. W. A., Cotas J., Pereira L. Fish Farming Techniques: Current Situation and Trends // Journal of Marine Science and Engineering, 2022;10: 1598.
2. Future Socio-political Scenarios for Aquatic Resources in Europe / K. G. Hamon, C. M. Kreiss, J. K. Pinnegar [et al.] // An Operationalized Framework for Marine Fisheries Projections. Frontiers in Marine Science.2021;8.
3. Хрусталев Е. И. Биологические основы пастбищной и индустриальной аквакультуры в Калининградской области: дис. ... докт. биол. наук: 03.02.06 / Хрусталев Евгений Иванович. Калининград, 2021. 533 с.
4. Прозрачный бизнес. Москва: Федеральная налоговая служба, 2025. URL:<https://pb.nalog.ru>.
5. Территориальное управление Росстата по Калининградской области. Калининград, 2025. URL: <https://39.rosstat.gov.ru>.

6. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Москва: Министерство связи и массовых коммуникаций РФ, 2025. URL: <https://www.fedstat.ru>.
7. Правительство Калининградской области. Калининград, 2025. URL: https://t.me/government_kgd/1775.
8. Федеральная налоговая служба. Москва, 2025. URL: <https://www.nalog.gov.ru>.
9. Труба А. С. Методический подход к оценке эффективности организационно-экономического механизма управления развитием пресноводной аквакультуры / А. С. Труба, Н. Ю. Кузичева, М. А. Труба // Вестник Мичуринского гос. аграр. ун-та. 2022. № 4(71). С. 244-249.
10. Чебан К. А., Хрусталев Е. И., Винокуров Ю. А. План по сохранению запасов европейского угря в Калининградском (Вислинском) заливе // Рыбное хозяйство. 2022. № 4. С. 4-14.
11. Кубышкин А. В. Теоретические подходы к регулированию биоэкономики // Lex Genetica. 2024;3(3):7-25.
12. Труба М. А. Совершенствование организационно-экономического механизма развития пресноводной аквакультуры: дис. ... канд. экон. наук / Труба Марина Анатольевна. Москва, 2023. 193 с.
13. Проблемы экономической безопасности: вызовы новой реальности / Е. В. Алексеева, В. В. Бехер, Т. А. Верезубова [и др.]. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2023. 732 с.

References

1. Araujo G. S., Silva J. W. A., Cotas J., Pereira L. Fish Farming Techniques: Current Situation and Trends // Journal of Marine Science and Engineering, 2022;10: 1598.
2. Future Socio-political Scenarios for Aquatic Resources in Europe / K. G. Hamon, C. M. Kreiss, J. K. Pinnegar [et al.] // An Operationalized Framework for Marine Fisheries Projections. Frontiers in Marine Science.2021;8.
3. Khrustalev E. I. Biological foundations of pasture and industrial aquaculture in the Kaliningrad region: dis. ... of Doctor of Biological Sciences: 02/03/06 / Khrustalev Evgeny Ivanovich. Kaliningrad, 2021. 533 p. (In Russ.).
4. Transparent Business. Moscow: Federal Tax Service, 2025. URL: <https://pb.nalog.ru>. (In Russ.).
5. Rosstat Territorial Administration for the Kaliningrad region. Kaliningrad, 2025. URL: <https://39.rosstat.gov.ru>. (In Russ.).
6. Unified Interdepartmental Information and Statistical System. Moscow: Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation, 2025. URL: <https://www.fedstat.ru>. (In Russ.).

7. The Government of the Kaliningrad region. Kaliningrad, 2025. URL: https://t.me/government_kgd/1775. (In Russ.).
8. Federal Tax Service. Moscow, 2025. <https://www.nalog.gov.ru>. (In Russ.).
9. Truba A. S., Kuzicheva N. Yu., Truba M. A. Methodological approach to assessing the effectiveness of the organizational and economic mechanism for managing the development of freshwater aquaculture // Bulletin of Michurinsk State Agrarian University 2022;4(71):244-249. (In Russ.).
10. Cheban K. A., Khrustalev E. I., Vinokurov Yu. A. A plan for the conservation of European eel stocks in the Kaliningrad (Vislinsky) Bay // Fisheries. 2022;4:4-14. (In Russ.).
11. Kubyshkin A. V. Theoretical Approaches to the Regulation of Bioeconomy// Lex Genetica. 2024;3(3):7-25. (In Russ.).
12. Truba M. A. Improving the organizational and economic mechanism of freshwater aquaculture development: dis. ... of Candidate of Economic Sciences / Truba Marina Anatolyevna. Moscow, 2023. 193 p. (In Russ.).
13. Problems of Economic security: Challenges of a new reality / E. V. Alekseeva, V. V. Beher, T. A. Verezubova [et al.]. Chelyabinsk: South Ural State University, 2023. 732 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С. М. Ежелый – старший преподаватель кафедры экономической безопасности ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the author

S. M. Ezheliy – senior lecturer of economic security department INOTEKU FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University".

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 46-63.
Baltic Economic Journal. 2025. No. 1(49). P. 46-63.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 69.05

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-1-46-63

Строительная отрасль Калининградской области – этапы большого пути. 2001 - 2024 годы

Светлана Александровна Любишина¹

Александр Юрьевич Михайлов²

^{1, 2} Калининградский государственный технический университет, Калининград,
Россия

¹ lubishina@mail.ru

² mixailov59@mail.ru

Аннотация. Выполнен краткий анализ научных публикаций по развитию строительной отрасли в современных условиях России и экономический обзор основных этапов ее развития в Калининградской области по материалам из открытых источников, опубликованных Росстатом за период с 2001 по 2024 год. В результате проведенного анализа установлено, что в рассматриваемый период строительная отрасль Калининградской области пережила ряд взлетов и падений по объемам производства строительной продукции, обусловленных совершенствованием законодательства на федеральном уровне, мировыми финансовыми кризисами, санкционным давлением ряда европейских стран и США, пандемией, ростом цен, оттоком кадров и другими причинами. На рубеже 2021-2022 годов строительная отрасль преодолела кризисные явления и по всем параметрам финансово-экономической деятельности вышла на рекордные показатели.

Ключевые слова: строительная отрасль, организация, капитальное строительство, производство, реформирование, свободная экономическая зона, кризисы, кадры, эффективность

Для цитирования: Любишина С. А., Михайлов А. Ю. Строительная отрасль Калининградской области – этапы большого пути. 2001 – 2024 годы // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 46-63. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-46-63>

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

The construction industry of the Kaliningrad region – the stages of a long journey. 2001 – 2024

Svetlana A. Liubishina¹

Aleksander Yu. Mikhailov²

^{1, 2} Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

¹lubishina@mail.ru

²mixailov59@mail.ru

Abstract. A brief analysis of scientific publications on the development of the construction industry in modern conditions of Russia and an economic overview of the main stages of its development in the Kaliningrad region based on materials from open sources published by Rosstat for the period from 2001 to 2024. As a result of the analysis, it was found that during the period under review, the construction industry of the Kaliningrad region experienced a number of ups and downs in terms of production of construction products due to improvements in legislation at the federal level, global financial crises, sanctions pressure from a number of European countries and the United States, a pandemic, rising prices, staff outflow and other reasons. At the turn of 2021-2022, the construction industry overcame the crisis and reached record levels in all parameters of financial and economic activity.

Keywords: construction industry, organization, capital construction, production, reform, free economic zone, crises, personnel, efficiency

For citation: Liubishina S. A., Mikhailov A. Yu. The construction industry of the Kaliningrad region – the stages of a long journey 2001 – 2024 // Baltic Economic Journal. 2025;1(49):46-63. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-46-63>

Анализируя научные публикации по состоянию строительной отрасли на современном этапе развития России, охватывающем четверть века за период с 2001 по 2024 год, отметим основные тенденции ее развития.

Батищева А. В., Фетюхина О. Н., Кузнецов А. С. в статье "Перспективы развития строительной отрасли в условиях трансформации экономики" проанализировали основные тенденции развития строительной отрасли, использование кадрового потенциала, преимущества использования цифровых технологий при ведении бизнеса и отмечают, что в строительной отрасли наблюдаются как негативные, так и позитивные тенденции. Среди негативных процессов – сокращение выпуска основных строительных материалов, начиная с 2022 года, и, соответственно, рост их стоимости, сокращение количества продаж вновь построенного жилья и существенный дефицит кадров. В то же время, как отмечают авторы статьи, главным фактором роста в отрасли стало увеличение бюджетных вложений в рамках нацпроектов, активно внедряются цифровые технологии. Временной период, рассматриваемый в данной статье, охватывает 2022-2023 годы [1].

Боркова Е. А., Изотова А. Г., Литвинова Н. А. в статье "Цифровая трансформация строительной отрасли в условиях макроэкономического шока COVID-19" проанализировали по официальным данным ассоциации "Национальное объединение строителей" (НОСТРОЙ), Росстата и Высшей школы экономики работу строительной отрасли в период пандемии. В работе обозначены проблемы строительной отрасли в данный период, дана оценка и предложены меры по выходу отрасли из кризисной ситуации. Макроэкономическую ситуацию 2020 года, обусловленную пандемией, авторы статьи охарактеризовали как макроэкономический шок. Используя статистические данные ассоциации НОСТРОЙ, отчет Высшей школы экономики "Деловой климат в строительных организациях России во втором квартале 2020 года" и собственно проведенный опрос "Влияние пандемии коронавируса на деятельность подрядчиков в строительстве", исследователи установили, что пандемия оказала крайне негативное влияние на рынок недвижимости и основные показатели работы строительной отрасли. В качестве одной из мер выхода из макроэкономического шока авторы исследования предлагают скорейшую цифровизацию строительной отрасли [2].

Комарова А. В. в своей работе "Развитие строительной отрасли на современном этапе" выполнила исследование результатов деятельности строительной отрасли в докризисный период и в условиях пандемии коронавируса. В статье отмечается, что с началом ввода экономических санкций в 2014 году и по 2018 год строительная отрасль находилась в упадке практически по всем показателям. После пяти лет стагнации отрасли, в 2019 году стали проявляться первые признаки положительной динамики, и уже в 2020 году строительная отрасль стала наращивать объемы производства и постепенно выходить на показатели уровня 2014 года. Автор статьи отмечает, что много проблем принесла с собой и пандемия. К основным проблемам отнесены снижение спроса на недвижимость, приостановка производственной деятельности многих подрядных, перерабатывающих, добывающих и торговых организаций, увеличение стоимости материалов, возникновение проблем с финансированием, острая нехватка рабочих кадров из-за закрытия границ и другие.

Экономический кризис, вызванный пандемией, по мнению автора статьи, не только негативно отразился на строительной отрасли, но и оказал помочь в развитии собственной производственно-сырьевой базы, а в долгосрочной перспективе – строительным компаниям, сохранившим свой бизнес, выйти на более высокие показатели в производственной деятельности [3].

В статье Соловьевой Е. В. и Бердниковой В. Н. "Строительная отрасль и пандемия COVID-19: новые вызовы и возможности" выполнен анализ проблем в строительной отрасли, обусловленных пандемией и санкционным давлением на нашу страну. Исследуя статистические данные Росстата, авторы статьи продемонстрировали динамику изменения индексов ВВП и объема ввода в

эксплуатацию объектов недвижимости за пятилетний срок действия экономических санкций с 2015 по 2020 год. Одной из важнейших проблем в рассматриваемый период, отмечают авторы, является неконтролируемый рост стоимости недвижимости на первичном рынке. Среди причин этого отмечается государственная поддержка строительной отрасли и удешевление ипотеки. Среди других немаловажных проблем они отмечают также низкую эффективность строительства [4].

В статье Тарасовой И. В. и Трудова В. Ю. "Строительная отрасль в период международного политического кризиса 2022 года" выполнено исследование особенностей функционирования строительной отрасли в условиях экономических санкций. Авторы определили свое исследование как дневник "событий, фактов и выводов о том, в какую сторону принял курс строительный рынок". Среди мер, предпринятых субъектами строительного рынка в начале 2022 года, как отмечают авторы статьи, оперативный пересмотр цен; приостановка продаж недвижимости; отмена или приостановка специальных условий для приобретения жилья; замедление сроков выхода построенных новых жилых комплексов на рынок и другие меры [5].

Из анализа научных публикаций о состоянии строительной отрасли в России за период с 2001 по 2024 год следует отметить, что отрасль прошла ряд этапов, которые характеризовались следующими признаками:

- в начале 2000-х наметился рост строительного производства, происходит стабилизация на финансовом рынке;
- 2008 год – острый финансовый мировой кризис, строительство откатывается до уровня 2000 года, но уже с 2009 года начинается рост по ее основным показателям;
- 2020 год из-за пандемии для строительной отрасли стал макроэкономическим шоком;
- 2021-2022 годы стали временем наилучших производственных показателей по всем направлениям строительной индустрии;
- с 2023 года происходит замедление темпов развития из-за санкционного давления, стали проявляться признаки острой нехватки кадров, роста стоимости строительной продукции и внедрение цифровизации.

Анализируя состояние строительной отрасли Калининградской области в период с 2001 по 2024 год, ее достижения и проблемы, следует отметить, что настоящая статья является завершающей публикацией цикла о становлении и развитии строительной отрасли, начиная с 1946 года и по настоящее время.

К 2000 году в Калининградской области происходит снижение объемов выпуска готовой строительной продукции, которое достигло критических показателей и составило более 400 % по сравнению с 1990 годом [6].

В то же время к началу 2000-х годов для строительной отрасли наметились положительные тенденции стабилизации, обусловленные совершенствованием федерального законодательства и улучшением

финансового микроклимата, стали постепенно появляться новые источники финансирования строительства, к которым стоит отнести:

- застройщиков индивидуальных жилых домов;
- инвесторов из числа индивидуальных торговцев, занимавшихся переоборудованием жилых помещений под магазины;
- инвесторов из числа представителей челночного бизнеса, которые занялись финансированием строительства крупных торговых комплексов или складов оптовой и розничной торговли;
- инвесторов долевого строительства;
- ипотечное кредитование;
- появление государственных инвестиций в строительство.

В конечном итоге, благодаря принятым мерам в начале 2000-х годов строительная отрасль Калининградской области начинает свое третье возрождение. Совершенствование законодательства в области строительства на федеральном уровне, разработка и оптимизация нормативной базы, а также дальнейшие изменения в особенностях функционирования режима Свободной экономической зоны в Калининградской области создали предпосылки к росту строительного производства и воссозданию строительной отрасли.

К основным недостаткам функционирования режима Свободной экономической зоны в этот период стоит отнести:

- нестабильность функционирования режима Свободной экономической зоны, что не привело к притоку ожидаемых иностранных инвестиций в экономику области;
- снижение таможенных ставок на ввозимые строительные материалы, что привело к сокращению производства продукции местными предприятиями строительной индустрии;
- введение в действие нового Налогового кодекса Российской Федерации с 1 января 2001 года, что привело к сокращению активности производственных предприятий, в том числе и в строительной отрасли, снижению объемов производства товаров и оказания услуг, уменьшению общего оборота розничной торговли;
- федеральное законодательство, действовавшее на тот период, создающее предпосылки к массовому уклонению от уплаты налогов;
- товары, беспошлинно ввозимые на территорию Свободной экономической зоны, которые в дальнейшем беспрепятственно вывозились под видом товаров, произведенных в Калининградской области.

Одной из попыток властей сохранить положительные преимущества режима Свободной экономической зоны и исправления выявленных недостатков в ее функционировании явилось введение квот на беспошлинный импорт отдельных видов товаров и снижение акцизов.

Так, в целях стабилизации социально-экономической ситуации в Калининградской области и содействия реализации мероприятий Федеральной

целевой программы развития особой экономической зоны в Калининградской области на 1998-2005 годы Правительством Российской Федерации принято Постановление от 14 июля 2000 г. № 526 "Об установлении на 2000-20005 годы количественных ограничений на отдельные виды товаров, ввозимых из других стран в таможенном режиме свободной таможенной зоны, действующей на территории Особой экономической зоны в Калининградской области" [7].

Перечень и объемы, в частности, строительных материалов и конструкций, беспошлинный ввоз которых ограничивался в Калининградскую область по годам, представлен в таблице 1. Так, например, объем ввозимого кирпича в рассматриваемый период оставался неизменным, а ввоз бетонных конструкций, наоборот, сокращался.

Таблица 1 – Перечень и объемы беспошлинного ввоза строительных материалов и конструкций в Калининградскую область

Table 1 – The list and volumes of duty-free import of building materials and structures to the Kaliningrad region

Наименование	Ед. изм.	Годы					
		2000	2001	2002	2003	2004	2005
Утеплитель пористый типа стиропол (пеноплекс)	т	250	250	250	250	250	250
Кирпич силикатный	млн. шт.	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5
Кирпич глиняный	млн. шт.	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5
Плитка тротуарная	тыс. м ²	10	5	5	5	5	5
Блоки бетонные	тыс. т	11,8	7,5	5	2,5	2,5	2,5
Прочие железобетонные изделия	тыс. т	7,5	7,5	5	1,5	1,5	1,5
Блоки дверные и оконные	тыс. т	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2

Новый Федеральный закон "Об особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" от 10 января 2006 года № 16-ФЗ был призван стать соглашением между особыми предложениями о введении статуса Калининградской области как заграничной территории РФ с предложением о введении небывалых экономических льгот. Как результат, новый закон вызвал приток не только иностранных, но и отечественных инвестиций, создал предпосылки к реализации на территории области крупнейших инвестиционных проектов. Инвестиции в основной капитал резидентов Особой экономической зоны в Калининградской области уже в 2012 году составили более 73, 5 млрд. руб. При этом 60 % инвестиций осуществлялось в обрабатывающие отрасли промышленности. Структура инвестиций по видам экономической деятельности представлена на рисунке 1.

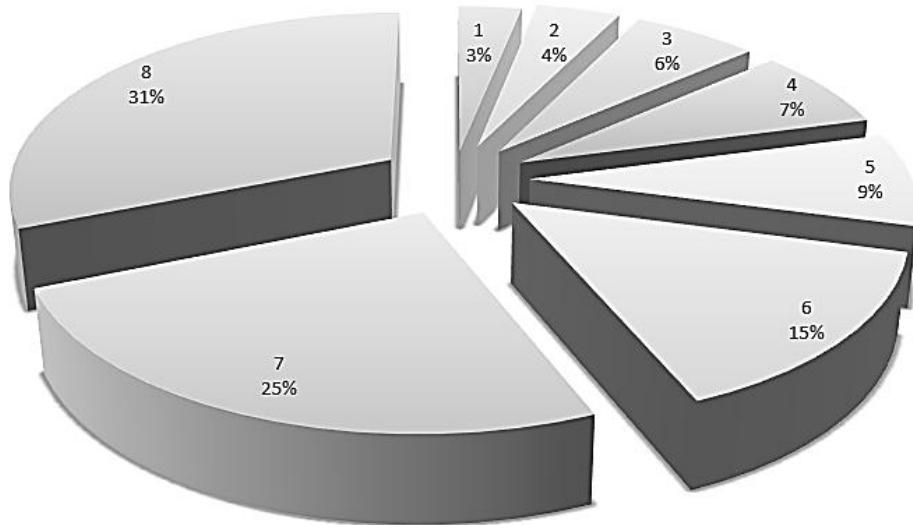

Рисунок 1 – Структура инвестиций по видам экономической деятельности:

1 – производство автомобилей; 2 – сельское хозяйство; 3 – производство строительных материалов; 4 – производство бытовой техники; 5 – химическое производство; 6 – девелопмент; 7 – транспорт; 8 – производство продуктов питания

Figure 1 – The structure of investments by type of economic activity:

1 – production of automobiles; 2 – agriculture; 3 – production of building materials; 4 – production of household appliances; 5 – chemical production; 6 – development; 7 – transportation; 8 – production of food products

В последующие годы инвестиционные льготы, введенные и опробованные на территории Калининградской особой экономической зоны, было предложено распространить и на территории других регионов России. В этих условиях инвесторам стало уже недостаточно мотивации размещать свое производство в Калининградской особой экономической зоне, учитывая дополнительные затраты на пересечение товаров через две границы на пути к рынкам сбыта, если подобные льготы можно получить, к примеру, в Липецке или Калуге. Данное обстоятельство послужило причиной фактического замораживания темпов привлечения инвестиций, а после 2016 года, когда завершился переходный период по льготному налогообложению, процесс закрытия предприятий на территории области ускорился.

Более чем 30-летняя история функционирования Калининградской особой экономической зоны является наглядной иллюстрацией ее противоречивости. Непродуманные меры федеральных властей о государственной поддержке фактически привели к созданию в области неоднозначной экономики, суть которой сводилась не к созданию здоровой и естественной конкуренции, а к стремлению получить максимальную прибыль из предоставляемых региону налоговых и таможенных льгот.

Чтобы лучше понимать масштабы катастрофического спада объемов производства строительных материалов, проследим этот процесс на примере производства кирпича в начале 2000-х годов, по сравнению с 1990-м годом [8].

Таблица 2 – Производство кирпича в Калининградской области, млн. шт.

Table 2 – Brick production in the Kaliningrad region, million pieces

Наименование	Годы						
	1990	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Кирпич всех видов	85	17,3	19,4	22,4	26,4	30,3	31,3

Анализируя таблицу 2, нетрудно заметить, что через 15 лет после раз渲ала СССР производство кирпича всех видов в Калининградской области составило лишь 36,8 % к уровню 1990 года. Беспошлинный ввоз кирпича в Особую экономическую зону составлял от 14,45 % (в 2000 г.) до 7,99 % (2005 г.) от объемов производства на предприятиях области.

В последующие годы каких-либо значимых изменений по увеличению производства кирпича не происходило. Исключение составило производство силикатного кирпича, когда в 2021 году его выпуск увеличился на 12,7 % по сравнению с 2020 годом, и тем самым потребности в кирпиче на внутреннем рынке практически были закрыты.

Доля отечественного производства кирпича в регионе на 2021 год составляла почти 95 %, а уже к 2022 году достигла почти 100 %.

Следует отметить, что основной причиной достаточно низких темпов увеличения объемов производства кирпича является его низкая рентабельность, более дорогой сам процесс строительства жилых и общественных зданий, по сравнению с альтернативными методами: монолитного железобетонного, мелкоблочного, каркасного или деревянного домостроения.

К 2021 году производство керамического и силикатного кирпича почти сравнялось и составляло 49,5 и 50,5 % соответственно, этот баланс продолжает оставаться и в настоящее время. При этом силикатный кирпич вновь, как и в 50-60-е годы XX столетия, становится все более популярным на строительном рынке, по сравнению с керамическим кирпичом, из-за простоты производства и доступности сырья.

В 2023 году в Калининградской области введен в эксплуатацию новый завод по производству силикатного кирпича, полностью оснащенный отечественным оборудованием, мощностью 12 млн. шт. условного кирпича в год. Сыревая база местных строительных материалов полностью обеспечивает потребности в производстве керамического кирпича, термоблоках, а также в производстве силикатного кирпича, добыче песка и песчано-гравийных смесей.

В Калининградской области разведано 19 месторождений глины с промышленными запасами в 51,4 млн. м³. В разработке находятся 5 месторождений, добываемые глины пригодны для производства полнотелого и пустотелого кирпича, керамзитового гравия, дренажных труб и черепицы.

Строительные пески разведаны на 27 месторождениях с суммарным запасом свыше 80 млн. м³, в настоящее время разрабатывается 20 месторождений. Запасы песчано-гравийных смесей разведаны на 29 месторождениях и составляют свыше 260 млн. м³, разработка осуществляется

на 18 месторождениях. Степень освоения некоторых месторождений составляет 50-60 %. Ежегодно для нужд строительной отрасли в Калининградской области добывается около 5 млн. т песка, гравия – свыше 820 тыс. т, щебня – около 200 тыс. т. При этом следует отметить, что перспективы обнаружения новых крупных месторождений в области сильно ограничены.

К 2022 году распределение строящихся зданий в Калининградской области по разновидности стеновых материалов имело следующую картину (таблица 3):

Таблица 3 – Стеновые материалы строящихся зданий

Table 3 – Wall materials of building under construction

Материал стен	Строящиеся здания		Совокупная площадь	
	шт.	%	м ³	%
Монолит – кирпич	115	49,8	966 334	62,8
Кирпич	97	42,0	457 804	29,7
Блоки	9	3,9	61 572	4,0
Панели	8	3,5	34 282	2,2
Монолит	2	0,9	19 081	1,2
Итого	231	100	1 539 073	100

Таким образом, несмотря на возникшие трудности с поставками некоторых групп строительных материалов и конструкций, в восстановлении объемов производства местных строительных материалов наметилась положительная тенденция, что и способствовало деловой активности в сфере жилищного строительства. По данным Росстата, объемы ввода в эксплуатацию жилых и нежилых зданий в Калининградской области с 2000 по 2023 год представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Ввод в эксплуатацию жилых и нежилых зданий по годам

Table 4 – Commissioning of residential and non-residential buildings by year

Наименование	Годы											
	2001	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Количество введенных зданий, ед.	352	553	720	2773	2494	1744	1722	2140	3043	4164	4367	4384
В том числе жилые здания	323	438	589	2699	2463	1701	1612	1969	2886	4110	4285	4294
Общая площадь жилых зданий, м ³	201,6	324,3	631,4	1482	1547	1290	1414	1404	1710	1622	1666	1579

Анализируя таблицу 4, следует отметить, что приведенные в ней данные учитывают суммарный объем жилой площади, введенной в эксплуатацию, в том числе и индивидуальными застройщиками. В 2022 году введено в эксплуатацию 4285 жилых домов, или свыше 16 тыс. квартир общей площадью более 1,3 млн. м², что на 3,7 % выше по сравнению с 2021 годом. Индивидуальные застройщики ввели в эксплуатацию свыше 3,7 жилых домов общей площадью

более 614 тыс. м², что составило 46,6 % от общего объема жилой площади, построенной в 2022 году.

На земельных участках, принадлежащих гражданам и предназначенных для ведения садоводства и огородничества, построено 1052 жилых дома общей площадью 128 тыс. м², или на 10 % больше по сравнению с 2021 годом. В 2023 году на каждого жителя региона построено 1,28 кв. м жилой площади, что почти в 1,8 раза больше, чем в среднем по Российской Федерации – 0,7 кв. м. По объемам строительства жилья из расчета на каждого жителя Калининградская область стабильно входит в десятку по стране.

В то же время следует заметить, что объем вводимого жилья по сравнению с 1990 годом, когда было построено 426 тыс. м² без учета индивидуального строительства, был достигнут лишь к 2006 году. То есть, на преодоление утраченных позиций в области строительства потребовалось целых полтора десятилетия [9].

Подрядные строительные организации региона в 2022 году выполнили строительно-монтажных работ в объеме свыше 93 млрд. руб., или на 17,5 % выше по сравнению с предыдущим годом. В среднем по Российской Федерации этот показатель составил 105,2 %, а по Северо-Западному федеральному округу – 89,5 % к уровню 2021 года (рисунок 2).

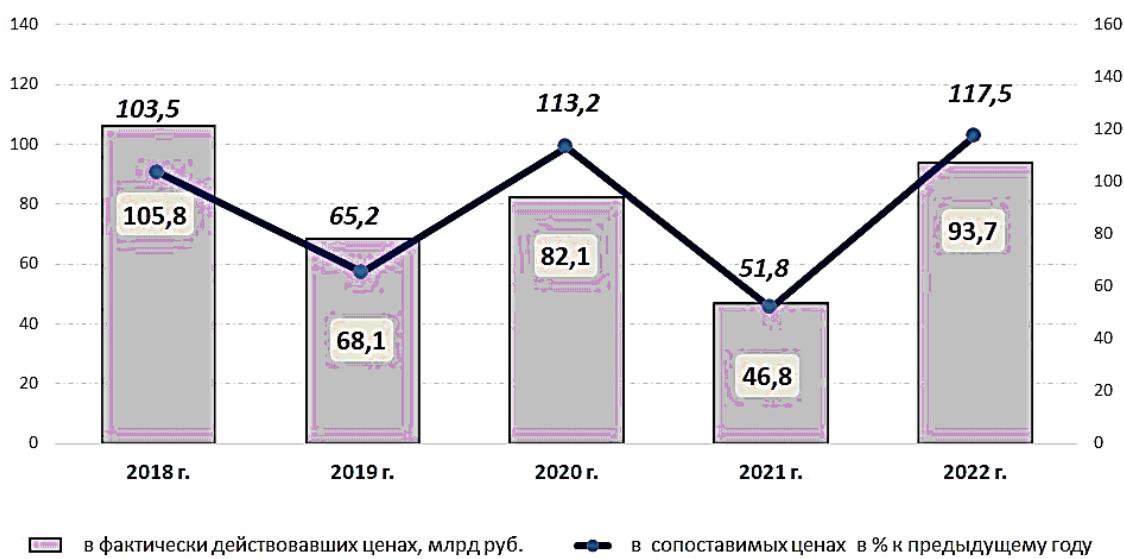

Рисунок 2 – Выполненные объемы работ по строительству
Figure 2 – Completed volumes of construction work

По результатам аналитических данных финансового института "Дом РФ", по состоянию на апрель 2024 года в Калининградской области строился 171 многоквартирный дом на 24 тыс. квартир, или 1,2 млн. м² жилой площади.

Лидером по объемам строительства жилья в регионе является компания "Расцвет" – общая площадь строящихся квартир превышает 70 тыс. м². В топ-5 компаний по объему строительства входят "СК МПК" (68 тыс. м²), "СпецСтройКубань" (60 тыс. м²), "Калининградский Строительный Концерн"

(58 тыс. м²). По темпам строительства калининградские застройщики занимают лишь 31 место среди других субъектов России.

На портале Единый ресурс застройщиков приведены данные о том, что в Калининградской области средний срок возведения многоквартирного жилого дома составляет 758 дней [10].

Анализируя деятельность строительной отрасли Калининградской области в 2000-е годы и этапы ее восстановления, нельзя обойти вниманием и то, какую важную роль при этом сыграла последовательная законодательная деятельность федеральных органов власти. Перечень важнейших документов представлен в таблице 5.

Таблица 5 – Перечень федеральных нормативных актов

Table 5 – List of federal regulations

Наименование	Год	Аннотация
Постановление Российской Федерации "О лицензировании отдельных видов строительной деятельности"	От 11.02.2002 г.	С 01.01.2009 выдача лицензий прекращена
Федеральный закон "О техническом регулировании"	От 27.12.2002 г. ФЗ № 184	Своды правил, СНиП, ГОСТ, ГОСТ Р, в отношении которых выполняется технический регламент, с 1 сентября 2011 года должны применяться добровольно
Градостроительный кодекс Российской Федерации	От 29.12.2004 г. ФЗ № 190 (с изм. с 01.05.2024 г.)	Устанавливает взаимоотношения участников строительного рынка
Федеральный закон "О саморегулируемых организациях"	От 01.12.2007 г. ФЗ № 315	Надзорные функции перекладываются с государства на участников строительного рынка
Постановление Правительства РФ "О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию"	От 16.02.2008 г. № 87	Устанавливает перечень и состав разделов проектной документации
Федеральный закон "Технический регламент о безопасности зданий и сооружений"	От 30.12.2009 г. № 384-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г.)	Устанавливает уровни ответственности и классы надежности зданий и сооружений
Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации	От 30.12.2009 г. № 624 (с изм. от 23.2010 г. № 294)	Устанавливает требования к порядку выдачи свидетельств о допуске к видам работ в строительстве, которые оказывают влияние на безопасность объектов строительства
Постановление Правительства Российской Федерации	От 21.06.2010 г. № 468	Определяет порядок проведения строительного контроля
Гражданский кодекс Российской Федерации	От 21.10.1994 г. № 194-ФЗ (с изм. от 11.03.2024 г.)	Устанавливает виды договоров подряда, поставки материалов, оборудования и аренды
Переиздаются актуализированные СНиП (Своды правил), ГОСТ, ГЭСН и другие нормативные документы	2011-2024 гг.	По всем направлениям строительной деятельности

В Ассоциации Некоммерческое партнерство "Саморегулируемая Организация" Строительный союз Калининградской области" с момента ее создания в 2009 году было зарегистрировано свыше 1100 организаций. В последующем около 400 организаций были ликвидированы (около 27,5 %).

Для области с населением в один миллион человек такое значительное количество строительных организаций свидетельствует об их явном переизбытке, что, в конечном счете, является одной из причин недостаточности материально-технических ресурсов и кадров. При этом следует отметить, что активной деятельностью заняты около 100 производственных компаний [11].

В таблице 6 представлены данные по количественному составу компаний, занятых в сфере строительства в Калининградской области на конец 2024 года.

Таблица 6 – Количественный состав организаций строительной отрасли
Table 6 – The quantitative composition of the organizations in the construction industry

Назначение	Численность юридических лиц
Строительные компании	97
Проектные организации (бюро)	31
Организации, занимающиеся отделочными работами	24
Инженерные компании	17
Компании, предоставляющие в аренду строительную технику	19
Компании, занимающиеся экспертизой	8
Компании, занимающиеся изготовлением или поставкой строительных материалов и конструкций	45

Численность сотрудников десяти ведущих строительных компаний региона составляет свыше 300 человек, остальные имеют численность до 50 человек [12].

К сравнению, в 1990 году в строительной отрасли Калининградской области числилась 91 подрядная организация с численностью рабочих в 42 тыс. человек (таблица 7).

Таблица 7 – Количество строительных организаций и число работающих
Table 7 – The number of construction organizations and number of employees

Наименование	1990 г.
Количество трудоспособного населения в области, тыс. чел.	435,3
в т. ч. строителей, тыс. чел.	42
Всего в % от общего количества трудоспособного населения	9,6
Количество подрядных организаций	91

При существующих темпах строительства строительная отрасль Калининградской области в 2024 году столкнулась с острой нехваткой специалистов с высшим и средним профессиональным образованием первичного управленческого звена (мастеров, инженеров ПТО, инженеров строительного

контроля и прорабов). В дальнейшем такая ситуация будет только усугубляться, и к 2027 году нехватка специалистов в строительной отрасли достигнет пиковых значений, обусловленных общей демографической ситуацией в регионе [12].

Подготовку специалистов с высшим и средним профессиональным образованием в Калининградской области осуществляют два вуза и пять колледжей. Многие годы в регионе подготовку специалистов с высшим образованием по направлению "Строительство" двух профилей осуществлял только Калининградский государственный технический университет. За тридцать лет существования строительного образования в регионе подготовлено свыше трех тысяч специалистов. С 2013 года подготовку специалистов с высшим образованием для строительной отрасли осуществляет также Балтийский федеральный университет им. И. Канта, который подготовил более 300 специалистов (около 10 % выпускников–строителей КГТУ). При этом следует отметить, что в процентном отношении количество студентов, поступивших и окончивших учебные заведения по направлению "Строительство" остается достаточно низким (таблица 8).

Таблица 8 – Количество студентов, поступивших и окончивших учебные заведения по направлению "Строительство" в 2017–2022 гг.

Table 8 – The number of students who entered and graduated from educational institutions in the field of "Construction" in 2017–2022

Год	Поступившие, чел.	Окончившие, чел.	% окончивших
2017	508	306	60,2
2018	473	298	63,0
2019	482	297	61,6
2020	447	284	63,5
2021	493	265	53,8
2022	497	258	51,9

Из анализа таблицы 8 следует, что количество выпускников, окончивших учебные заведения с профильным строительным образованием, за период с 2017 по 2022 год в среднем составляет 59,0 % и не превышает 63,0 %. Это обстоятельство свидетельствует об устойчиво сложившейся динамике среди поступивших и окончивших учебные заведения. Учебные заведения Калининградской области в 2023 году подготовили 84 выпускника по программам высшего образования направления "Строительство" и 264 по программам среднего профессионального образования, максимальное снижение количества выпускников пришлось на 2022 год.

В то же время в строительной отрасли региона наметилась неоднозначная ситуация: при существующем дефиците кадров первичного управленческого состава отмечается их высокая текучесть. Проблема текучести кадров инженерного состава в строительных организациях была проанализирована по

материалам площадки Центра по оценке квалификаций при Калининградском государственном техническом университете.

Из 960 человек, прошедших процедуру сдачи экзамена в течение 2023–2024 годов на включение в реестр специалистов НОСТРОЯ, данные о трудовой деятельности методом случайного отбора изучены у 100 человек специалистов среднего и высшего управленческого звена: инженеры ПТО, Инженеры технического надзора, главные инженеры, руководители проектов и директора строительных организаций. Данные о результатах такого исследования в процентах схематично представлены на рисунке 3.

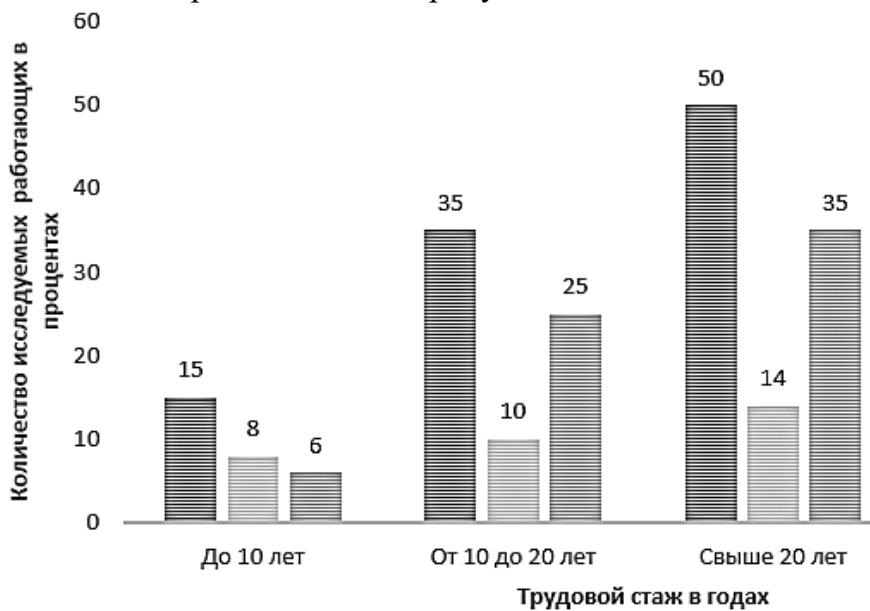

Рисунок 3 – Количество работающих в % с учетом трудового стажа
Figure 3 – The number of employees in %, taking into account the length of service

На рисунке количество работающих с трудовым стажем по годам в процентах: 1-й ряд – всего работающих, 2-й ряд – работающие без перерыва, 3-й ряд – работающие с перерывами.

Таким образом, можно констатировать, что проблема укомплектованности строительных фирм кадрами с высшим и средним профессиональным образованием является не только личной проблемой работника, но и переходит в общегосударственную проблему, которая заключается в недоимках бюджета по налогам и сборам, а также отражается и на других сферах производства. Среди причин, приводящих к перерывам в работе инженерно-технических работников, следует выделить: сезонность; несбалансированный портфель заказов; большое количество маломощных строительных организаций и другие.

Еще одним немаловажным аспектом успешной производственной деятельности строительных организаций является их материально-техническое обеспечение основными машинами и механизмами (таблица 9).

Для сравнения, в ОАО "Строймеханизация" к июню 1996 года было в наличии 250 единиц строительной техники, из них башенных кранов всего 9 [13].

Таблица 9 – Наличие строительных машин, шт.

Table 9 – Availability of construction machines, in pcs.

Наименование	Годы					
	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Экскаваторы						
Краны на гусеничных шасси	138	191	153	138	128	184
Автогрейдеры	-	7	6	5	6	8
Бульдозеры	17	6	3	5	4	9
Краны башенные	32	44	40	31	41	41
Краны на автомобильных шасси	29	27	36	30	44	45
Тракторы гусеничные	31	15	4	6	8	10
Катки дорожные самоходные	45	23	21	17	16	20

Примечание: в настоящей таблице приведены данные, которые не учитывают предприятия малого бизнеса и арендуемую технику.

Следует отметить, что спрос и предложение на рынке новостроек в Калининградской области к середине 2024 года продолжали оставаться несбалансированными, предложение существенно превышало покупательную способность населения. В 2023 году объемы жилищного строительства существенно упали (на 7,7 % по сравнению с 2022 годом). Бум на рынке жилья остался позади.

По официальным данным Росстата по Калининградской области, индекс предпринимательского доверия в сфере строительства в IV квартале 2023 года составлял -18 %. Средняя обеспеченность заказами составила 6 мес., финансирование – 4 мес.

По данным опроса руководителей строительных организаций, основными факторами, ограничивающими производственную деятельность, являются:

- высокая стоимость строительных материалов и конструкций (на что указали 54 % опрошенных);
- высокая конкуренция на рынке строительных услуг (28 %);
- высокий некомплект квалифицированных рабочих (26 %).

И только 5 % опрошенных руководителей (входящих в топ-10) не видят никаких проблем или ограничений в работе [8].

Таким образом, основные итоги функционирования строительной отрасли Калининградской области в период с 2001 по 2024 год:

1. Совершенствование законодательства в области строительства на федеральном уровне, разработка и оптимизация нормативной базы, а также дальнейшие изменения в особенностях функционирования режима СЭЗ в Калининградской области в условиях либерально-рыночных отношений создали предпосылки к воссозданию и росту строительной отрасли. В 2006 году по всем показателям производственной деятельности отрасль достигла уровня 1990 года.

2. Строительная отрасль Калининградской области, как и в целом по России, развивается неравномерно, скачкообразно. Периоды стабилизации и роста строительного производства последовательно сменяются падением ее основных показателей. Мировой финансовый кризис 2008 года,

макроэкономический шок 2020 года из-за пандемии и небывалое санкционное давление на нашу страну в начале 2022 года стали основными причинами негативных тенденций в экономике.

3. Начиная с 2023 года, в строительной отрасли наметилась острая нехватка трудовых ресурсов, пиковые значения которой ожидаются к 2027 году. Нехватка квалифицированной рабочей силы обусловлена ужесточением миграционного законодательства, нехватка специалистов с высшим и средним профессиональным образованием – избыточным количеством строительных организаций, состоящих в саморегулируемой организации "Строительный союз Калининградской области", и другими причинами.

4. К сдерживающему фактору, ограничивающему производственную деятельность многих строительных организаций в регионе, может быть отнесена низкая обеспеченность строительства заказами, высокая стоимость строительных материалов и конкуренция.

Таким образом, в заключение следует отметить, что в настоящее время строительная отрасль Калининградской области после взлетов и падений по основным показателям производственной деятельности находится на третьем этапе своего развития и возрождения, начиная с 1946 года.

Список источников

1. Батищев А. В., Фетюхина О. Н., Кузнецов А. С. Перспективы развития строительной отрасли в условиях трансформации экономики // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series Socio-Economic Sciences. 2023;16(5):102-115.
2. Боркова Е. А., Изотова А. Г., Литвинова Н. А. Цифровая трансформация строительной отрасли в условиях макроэкономического шока COVID-19 // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 4. С. 2129-2140.
3. Комарова А. В. Развитие строительной отрасли на современном этапе // Экономика нового мира. 2020. Т.5, № 3(18). С. 28-38.
4. Соловьева Е. В., Бердникова В. Н. Строительная отрасль и пандемия COVID-19: новые вызовы и возможности //BENEFICIUM. 2021. № 3(40). С. 35-42.
5. Тарасова И. В., Трудов В. Ю. Строительная отрасль в период международного политического кризиса 2022 года // Вопросы студенческой науки. 2022. Вып. 6(70). С. 378-381.
6. Любишина С. А., Михайлов А. Ю. Строительная отрасль Калининградской области – этапы большого пути. 1991 – 2000 годы // Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 86-100.
7. Постановление Правительства РФ "Об установлении на 2000-2005 годы количественных ограничений на отдельные виды товаров, ввозимых из других

стран в таможенном режиме свободной таможенной зоны, действующей на территории Особой экономической зоны в Калининградской области".

8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rosstat.gov.ru>

9. Любишина С. А., Михайлов А. Ю., Строительная отрасль Калининградской области – этапы большого пути. 1946 – 1991 годы // Балтийский экономический журнал. 2024. № 2(46). С. 18-29.

10. Единый ресурс застройщиков. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.Erzrf.ru>

11. Отчет Ассоциации Некоммерческое партнерство "Саморегулируемая организация "Строительный союз Калининградской области (АНП "СРО "ССКО"). [Электронный ресурс] URL: <https://www.ripssko.ru./home/stateregister/> (дата обращения: 22.08.2024).

12. Любишина С. А., Михайлов А. Ю. Актуальные вопросы кадрового обеспечения строительной отрасли специалистами с высшим и средним профессиональным образованием // Известия БГА РФ. 2023. № 4(66). С. 86-93.

13. На крутом изломе: строительный комплекс Калининградской области в новых условиях работы / М. П. Нетреба, А. С. Войтов, А. Р. Матвеев [и др.]. Книга вторая (1991-2010 гг.). Калининград, 2013. 477 с.

References

1. Batishchev A. V., Fetyukhina O. N., Kuznetsov A. S. Prospects for the development of the construction industry in the context of economic transformation // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Sciences. 2023;16(5):102-105. (In Russ.).
2. Borkova E. A., Izotova A. G., Litvinova N. A. Digital transformation of the construction industry in the context of the macroeconomic shok COVID-19 // Issues of informative economics. 2020;10,4:2129-2140. (In Russ.).
3. Komarova A. V. Development of the construction industry at the present stage // Economics of the New World. 2020;5.3(18):28-38. (In Russ.).
4. Solovyova E. V., Berdnikova V. N. The construction industry and the COVID-19 pandemic: new challenges and opportunities // BENEFICIUM. 2021;3(40):35-42. (In Russ.).
5. Tarasova I. V., Trudov V. Yu. The construction industry during the international political crisis of 2022 // Questions of student science. 2022;6(70):378-381. (In Russ.).
6. Lyubishina S. A., Mikhailov A. Yu. The construction industry of the Kaliningrad region – the stages of a long journey 1991–2000 // Baltic Economic Journal. 2024;3(47):86-100. (In Russ.).

7. Resolution of the Russian Federation No. 526 of July 14, 2000 "On the establishment for 2000-2005 of quantitative restrictions on certain types or goods imported from other countries in the customs regime of the free customs zone operating on the territory of the Special Economic Zone in the Kaliningrad region". [Electronic resource] Access mode: <https://www.glavbukh.ru> (In Russ.).

8. The territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kaliningrad region. [Electronic resource] Access mode: <https://www.rosstat.gov.ru> (In Russ.).

9. Lyubishina S. A., Mikhailov A. Yu. The construction industry of the Kaliningrad region – the stages of the great journey 1946–1991 // Baltic Economic Journal. 2024;2(46):18-29. (In Russ.).

10. A single resource for developers. [Electronic resource] Access mode: <https://www.erzrf.ru> (In Russ.).

11. The report of the Association Non-profit Partnership :Self-regulating organization "Construction Union of the Kaliningrad region" (ANP "SRO "SSC") [Electronic resource] URL: <https://www.npssko.ru/home/stateregister/> (date of access:08/22/2024). (In Russ.).

12. Lyubishina S. A., Mikhailov A. Yu. Actual issues of staffing the construction industry with specialists with higher and secondary vocational education // Izvestiya BGA RF. 2023;4(66):86-93. (In Russ.).

13. On a step bend: The construction complex of the Kaliningrad region in new working conditions / M. P. Netreba, A. S. Voitov, F. R. Matveev [et al.]. Book two (1991-2010). Kaliningrad, 2013. 477 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С. А. Любшина – канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

А. Ю. Михайлов – канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the authors

S. A. Liubishina – Candidate of ped. sciences, associate professor of FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University".

A. Yu. Mikhailov – Candidate of ped. sciences, associate professor of FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University".

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 18.02.2025.

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 64-73.
Baltic Economic Journal. 2025. No. 1(49). P. 64-73.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.43

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-1-64-73

Роль и значение аквакультуры в системе обеспечения продовольственной безопасности

Елена Александровна Мишуро́вская

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

alena_mi@inbox.ru

Аннотация. В статье отмечается, что аквакультура как часть рыбного хозяйства России является важной составляющей системы продовольственной безопасности РФ. Цель исследования – определение места аквакультуры в системе продовольственной безопасности России, изучение причин снижения потребления рыбы в РФ для разработки комплекса мер, направленных на повышение эффективности работы предприятий аквакультуры. Проанализированы тенденции в части объемов производства продукции аквакультуры в мире и в России, объемов потребления рыбы и рыбопродуктов на душу населения. Проведенный анализ показал, что рыбоводная отрасль России имеет возможности для обеспечения населения достаточным объемом рыбной продукции. По результатам анализа сформулированы причины, которые обусловливают снижение потребления рыбы, в том числе рост цен на рыбную продукцию. Проанализированы основные составляющие, способствующие эффективной работе рыбоводной отрасли, а также необходимые меры государственного воздействия на указанные составляющие на примере аквакультуры Калининградской области.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, рыбоводство, аквакультура, рыбная продукция, потребление рыбы

Для цитирования: Мишуро́вская Е. А. Роль и значение аквакультуры в системе обеспечения продовольственной безопасности // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 64-73. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-64-73>

The role and importance of aquaculture in the food security system

Elena A. Mishurovskaya

INOTEKU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

alena_mi@inbox.ru

Abstract. The article notes that aquaculture, as part of the Russian fisheries industry, is an important component of the food security system of the Russian Federation. The purpose of the study is to determine the place of aquaculture in the food security system of Russia, to study the reasons for the decrease in fish consumption in Russia in order to develop a set of measures aimed at increasing the efficiency of aquaculture enterprises. Analyzed trends in terms of volumes of aquaculture production in the world and in Russia, volumes of consumption of fish and fish products per capita. The analysis showed that the Russian fish farming industry has the ability to provide the population with a sufficient volume of fish products. Based on the results of the analysis, the reasons are formulated that determine the decrease in fish consumption in Russia, including the increase in prices for fish products. The main components contributing to the effective operation of the fish farming industry, as well as the necessary measures of government influence on these components, are analyzed using the example of aquaculture in the Kaliningrad region.

Keywords: food security, fish farming, aquaculture, fish products, fish consumption

For citation: Mishurovskaya E. A. The role and importance of aquaculture in the food security system // Baltic Economic Journal. 2025;1(49):64-73. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-64-73>

Введение

Продовольственная безопасность является одним из важных направлений обеспечения национальной безопасности страны и значимой составляющей социально-экономической политики.

Основные положения обеспечения продовольственной безопасности РФ сформулированы в Доктрине продовольственной безопасности России (далее – Доктрина) и, согласно ей, "направлены на решение задач обеспечения продовольственной независимости (самообеспечения), физической и экономической доступности для населения безопасных пищевых продуктов в объемах, которые соответствуют установленным рациональным нормам потребления" [1].

Таким образом, основным требованием продовольственной безопасности является бесперебойное обеспечение населения продовольствием в достаточном количестве. Для этого страна должна иметь собственное производство необходимых продуктов питания. Воспроизводственный процесс особо актуален в условиях санкционного политического давления недружественных стран. Сложившаяся в России ситуация открывает для российских предприятий новые возможности, в том числе в части замещения импортной продукции и получения государственной поддержки для развития данного сектора экономики.

Аквакультура как часть рыбного хозяйства России является важной составляющей системы продовольственной безопасности, что отмечено в Доктрине. Согласно Доктрине, долгосрочной задачей государства в области продовольственной безопасности является снабжение населения качественными продуктами питания, в т. ч. через обеспечение стабильного развития рыбного хозяйства. Этому будут способствовать "расширение и более интенсивное использование потенциала объектов товарной аквакультуры и новых технологий их выращивания" [1].

Материалы и методы

Для определения, каким образом решаются задачи обеспечения продовольственной безопасности в рыбоводной отрасли России, проанализируем состояние и тенденции развития аквакультуры, в сравнении с состоянием аквакультуры в мире.

В последнее время на мировом рынке аквакультуры наблюдается устойчивый рост. На рисунке 1 приведена динамика показателей объема производства аквакультуры по материалам ФГБНУ "ВНИРО".

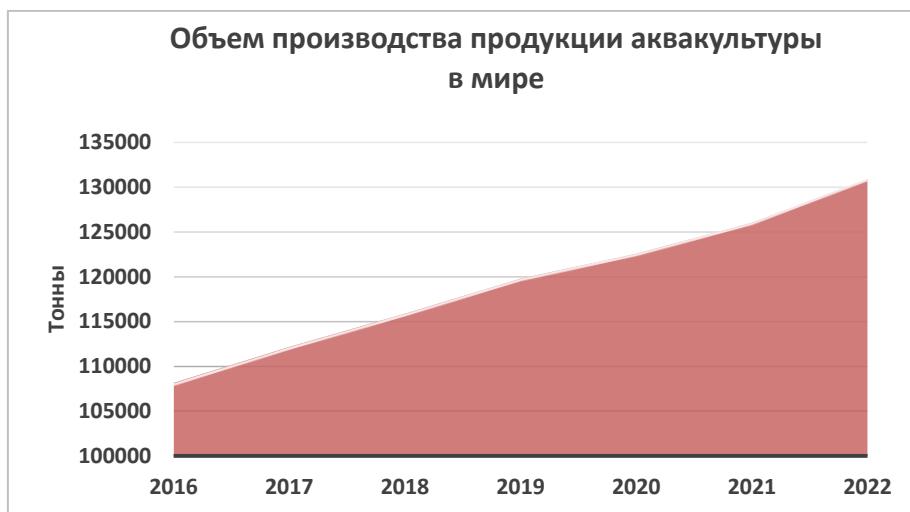

Рисунок 1 – Производство продукции аквакультуры в мире, 2016-2022 годы [2, 3, 4]
Figure 1 – World aquaculture production, 2016-2022 [2, 3, 4]

Как видно из диаграммы, имеется положительная динамика объемов производства аквакультуры в мире. Если в 2016 г. объем мирового производства продукции аквакультуры составил 108 161 тыс. тонн, в 2022 г. он увеличился до 130 918 тыс. тонн, таким образом, прирост составил 21,04 % за шесть лет. При этом аквакультура занимает существенное место в производстве пищевых продуктов из водных биоресурсов, а доля ее в производстве рыбной продукции каждый год увеличивается, что подтверждается данными Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединенных Наций (далее – ФАО) (рисунок 2).

Рисунок 2 – Доля аквакультуры в производстве рыбной продукции в мире, % [5]
 Figure 2 – Share of aquaculture in global fish production, % [5]

По прогнозам ФАО, производство рыбы будет расти за счет аквакультуры. При этом рынок аквакультуры будет расти на 4-5 % в год, что приведет к увеличению мировой сельскохозяйственной добычи рыбы на треть к 2030 году [5].

В отношении аквакультуры России необходимо отметить, что географическое положение и природные особенности благоприятны для ее развития. Однако в нашей стране на протяжении всего XX века основным источником рыбной продукции служило рыболовство: вначале во внутренних морях, а затем в Мировом океане. Развитию рыбоводства отводилась второстепенная роль. Результатом этого стало слабое развитие современной отечественной аквакультуры, которое не соответствует её потенциальным возможностям.

В последнее время государство проводит ряд мер, направленных на стимулирование развития аквакультуры, которые дают свои результаты. Объемы производства аквакультуры в России составили 348 187 т в 2022 г., в сравнении с 173 981 т в 2016 г. Динамика является положительной (рисунок 3).

Рисунок 3 – Производство продукции аквакультуры в России, 2016-2022 годы [6]
 Figure 3 – Aquaculture production in Russia, 2016-2022 [6]

Результаты и обсуждение

Динамика объемов производства аквакультуры в России говорит о наличии потенциала данной отрасли, а, значит, имеются возможности для достижения ее основных целей деятельности. В связи с тем, что аквакультура, как было указано выше, является составляющей системы продовольственной безопасности, основная ее цель – обеспечение населения достаточным объемом рыбной продукции по доступным ценам для различных уровней доходов.

Рыбные продукты имеют огромную пользу, они содержат белок с незаменимыми аминокислотами, жиры, витамины, минералы и другие полезные вещества. Их регулярное употребление способствует поддержанию здоровья и препятствует появлению многих болезней.

Анализ объемов потребления рыбы в России показывает негативную динамику (линии тренда) (рисунок 4). По информации Росстата [6], годовое потребление рыбной продукции не превышало в 2023 году 22,6 кг на душу населения и значительно отстает от минимально рекомендованных Минздравом России 28 кг на человека [7].

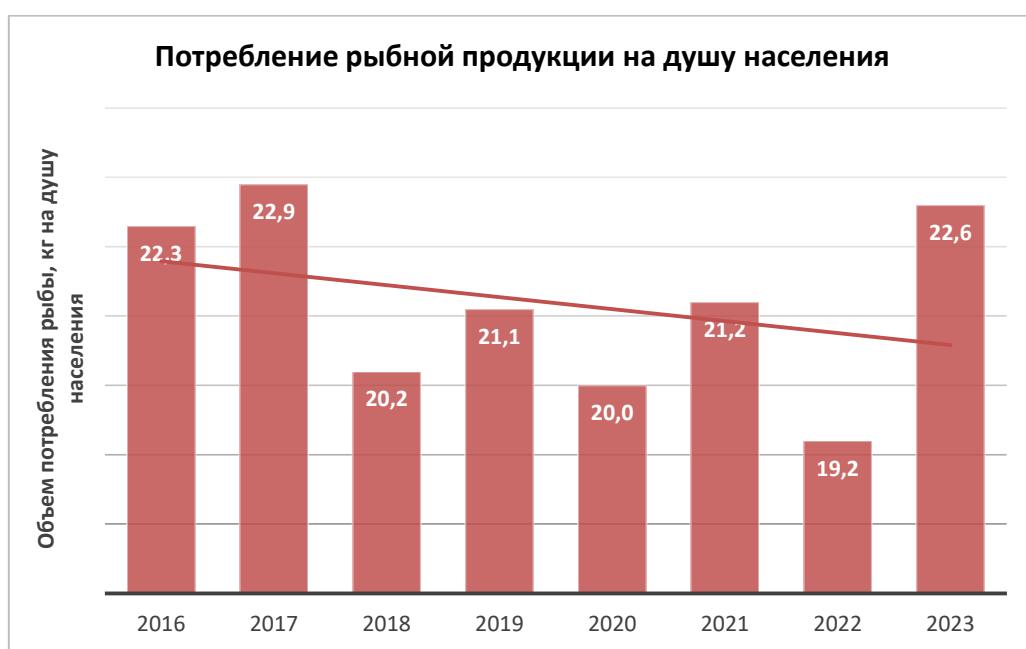

Рисунок. 4 – Потребление рыбы и рыбопродуктов в живом весе (весе сырца),
кг на душу населения, 2016-2023 (по информации Росстата [7])

Figure 4 – Consumption of fish and fish products in live weight (raw weight),
kg per capita, 2016-2023 (according to Rosstat [7])

Динамика основных показателей розничных продаж рыбы и морепродуктов также свидетельствует о снижении спроса на рыбную продукцию (таблица 1).

Таблица 1 – Объем розничных продаж рыбы и рыбной продукции в 2021-2023 гг.
 Table 1 – Volume of retail sales of fish and fish products in 2021-2023

Наименование продукции	Объем розничных продаж, млн. руб.			Объем розничных продаж в % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Рыба, ракообразные и моллюски	746935,8	836758,4	904387,8	97,9	96,0	102,2
Консервы из рыбы и морепродуктов	160976,3	187997,2	196662,9	94,4	98,7	98,7
Удельный вес рыбы, ракообразных и моллюсков в обороте розничной торговли пищевыми продуктами, %	4,9	4,9	4,8	-	-	-

Составлено по материалам Росстата [6].

Как видно из таблицы 1, объемы розничных продаж в процентах к предыдущему году составляют менее 100 % (кроме объемов продажи рыбы, ракообразных и моллюсков в 2023 г.), что свидетельствует о падении объемов продаж по сравнению с предыдущим периодом. Удельный вес рыбной продукции в обороте розничной торговли пищевыми продуктами не достигает и 5 %.

Каковы причины низкого спроса на рыбную продукцию? Необходимо отметить, что поведение потребителей зависит от множества условий: ассортимент, легкость в приготовлении, цена, качество, но основным фактором для российского рынка, по нашему мнению, является цена. Как видно из таблицы 2, наблюдается постоянный рост цен на рыбную продукцию в 2020-2023 гг. Минимальный прирост цен на рыбную продукцию за 2020-2023 гг. составил 25 % (кроме лососевых пород), по лососевым породам – 49,44 %.

Таблица 2 – Средние потребительские цены на рыбную продукцию в 2020-2023 гг.

Table 2 – Average consumer prices for fish products in 2020-2023

Рыбная продукция	Средняя потребительская цена, руб. / кг				Прирост цен 2023/2020, %
	2020	2021	2022	2023	
Рыба живая и охлажденная	209,39	244,19	269,66	287,47	37,29
Рыба соленая, маринованная, копченая	453,54	525,66	597,77	629,34	38,76
Соленые и копченые деликатесные продукты из рыбы	1 652,41	1 763,43	2 155,36	2 206,00	33,50
Креветки мороженые неразделанные	697,19	747,65	907,95	918,65	31,76
Кальмары мороженые	293,06	353,67	443,10	485,00	65,50
Рыба мороженая разделанная (кроме лососевых пород)	233,63	249,48	276,99	293,38	25,57
Рыба охлажденная и мороженая разделанная лососевых пород	738,50	875,94	1 076,14	1 103,61	49,44
Рыба мороженая неразделанная	181,08	192,61	207,56	227,37	25,56
Филе рыбное	370,34	406,57	470,36	514,47	38,92

Составлено по материалам Росстата [8].

При этом в 2023 г. средние потребительские цены на мясную продукцию составили: свинина – 344,82 руб. / кг, курица – 227,58 руб. / кг, что влияет на выбор потребителя между рыбной и мясной продукцией в сторону последней.

Цели государства по обеспечению продовольственной безопасности страны в части продукции аквакультуры будут достигнуты при обеспечении рыбоводными предприятиями насыщения рынка качественной рыбной продукцией по приемлемым ценам в объемах, которые соответствуют установленным рациональным нормам потребления. Для реализации указанных целей необходимо принимать меры, обеспечивающие улучшение доступности рыбы для потребителя. Такие меры должны быть направлены, в первую очередь, на повышение эффективности работы рыбной отрасли, в частности, аквакультуры.

По нашему мнению, эффективность отрасли зависит от трех основных составляющих:

1. Наличие сырья, производственных и интеллектуальных ресурсов.
2. Наличие достаточного числа потребителей.
3. Инвестиционная привлекательность отрасли.

Для повышения эффективности аквакультуры представляется целесообразным принятие государством комплекса мер, направленных на поддержание развития трех основных составляющих отрасли. Проанализируем вышеуказанные составляющие на примере аквакультуры Калининградской области.

В отношении проблем, существующих в части сырья, производственных и интеллектуальных ресурсов аквакультуры Калининградской области, мы писали в статье "Меры финансово-экономической поддержки развития аквакультуры Калининградской области" [9]. Так, имеется дефицит предприятий, занимающихся товарным рыбоводством. При ограниченном количестве предприятий аквакультуры невозможно обеспечить население достаточным объемом рыбной продукции. Кроме того, отсутствует достаточное количество высококвалифицированных специалистов в этой отрасли. Таким образом, для повышения эффективности работы рыбоводной отрасли необходим комплекс мер, направленных на увеличение предприятий аквакультуры, включая подготовку специалистов, обладающих знаниями передовых технологий и современного оборудования рыбоводной отрасли, которые будут востребованы на таких предприятиях.

Что касается достаточного числа потребителей рыбной продукции, здесь также имеется дефицит. Это связано, прежде всего, с тем, что потребитель из России находится очень далеко, сложная логистика Калининградской области увеличивает цену продаваемой рыбы, что заставляет предприятия аквакультуры ориентироваться на внутренний рынок. По данным информации о социально-экономическом развитии Калининградской области, размещенной на официальном сайте Правительства Калининградской области [10], численность

постоянного населения Калининградской области по состоянию на 1 января 2024 года составила 1 033 914 чел. Однако туристический потенциал Калининградской области к 2030 году оценивается в 5,4 млн. туристических поездок [11]. Таким образом, максимальный объем потенциальных потребителей к 2030 г. достигнет 6 млн. чел., что является положительным фактором. При этом проведение со стороны государства мероприятий по популяризации рыбы среди населения, как среди взрослого, так и детей и подростков, будет содействовать увеличению количества фактических потребителей рыбной продукции.

В части инвестиционной привлекательности аквакультуры Калининградской области необходимо отметить наличие определенных сложностей. В Калининградской области имеется небольшое количество озер и водохранилищ, в связи с чем перспективным направлением развития аквакультуры является индустриальная аквакультура. Предприниматели, которые могли бы запускать предприятия аквакультуры в Калининградской области, испытывают недостаток средств для финансирования расходов на строительство и подвод коммуникаций, приобретение технологического оборудования. Эта отрасль требует больших капитальных затрат, однако эти вложения малопривлекательны в силу высокого риска и длительного срока окупаемости. В таких условиях для повышения инвестиционной привлекательности целесообразно государственное воздействие на инвестиционный процесс.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать выводы, что аквакультура играет значительную роль в обеспечении продовольственной безопасности России и имеет большой потенциал для развития. В свете глобальных экономических тенденций, связанных с усилением с 2022 года внешнего геополитического и санкционного давления на развитие российской экономики, снижения потребления рыбы населением, возникает необходимость разработки мер повышения экономической эффективности предприятий аквакультуры. Это будет способствовать устойчивому росту российской экономики и обеспечивать продовольственную безопасность страны.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 "Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации".
2. Мировое производство аквакультуры в 2016-2020 гг. Москва: ВНИРО, 2022. 252 с.
3. Мировое производство аквакультуры в 2017-2021 гг. Москва: ВНИРО, 2023. 266 с.

4. Мировое производство аквакультуры в 2018-2022 гг. Москва: ВНИРО, 2024. 285 с.
5. ФАО. Состояние мирового рыболовства и аквакультуры – 2024. "Голубая трансформация" в действии. <https://www.fao.org/publications/home/fao-flagship-publications/the-state-of-world-fisheries-and-aquaculture/ru>
6. Российский статистический ежегодник. 2024: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2024.630 с.
7. Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, утвержденные приказом Минздрава России от 19.08.2016 г.
8. Цены в России. 2024: Стат. сб./ Росстат. Москва, 2024. 163 с.
9. Мишуринская Е. А. Меры финансово-экономической поддержки развития аквакультуры Калининградской области // Финансы и кредит. 2017. Т. 23, вып. 10. С. 599–608.
10. Информация о социально-экономическом развитии Калининградской области. <https://gov39.ru/working/ekonomy/situation/demografiya>
11. "Калининградская область заняла третье место в СЗФО по объему турпотока". Новый Калининград. <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24098901-kaliningradskaya-oblazt-zanyala-trete-mesto-v-szfo-po-obemtu-turpotoka>.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 21.01.2020 No. 20 "On approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation". (In Russ.).
2. World aquaculture production 2016-2020. Moscow: VNIRO, 2022. 252 p. (In Russ.).
3. World aquaculture production 2017-2021. Moscow: VNIRO, 2023. 266 p. (In Russ.).
4. World aquaculture production 2018-2022. Moscow: VNIRO, 2024. 285 p. (In Russ.).
5. FAO. The State of World Fisheries and Aquaculture – 2024. The Blue Transformation in Action // <https://www.fao.org/publications/home/fao-flagship-publications/the-state-of-world-fisheries-and-aquaculture/ru>
6. Russian statistical yearbook. 2024: Statistical collection/Rosstat. Moscow, 2024. 630 p. (In Russ.).
7. Recommendations on rational standards for the consumption of food products that meet modern requirements for a healthy diet, approved by order of the Ministry of Health of Russia dated August 19, 2016. (In Russ.).
8. Prices in Russia. 2024: Stat. Sat. / Rosstat. Moscow, 2024. 163 p. (In Russ.).
9. Mishurovskaya E. A. Measures of financial and economic support for the development of aquaculture in the Kaliningrad region // Finance and Credit. 2017;23, 10:599–608. (In Russ.).

10. Information on the socio-economic development of the Kaliningrad region
<https://gov39.ru/working/ekonomy/situation/demografiya/#:~:text> (In Russ.).

11. "The Kaliningrad region took third place in the Northwestern Federal District in terms of tourist flow". New Kaliningrad. <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24098901-kaliningradskaya-oblazt-zanyala-trete-mesto-v-szfo-po-obemu-turpotoka.html> (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Мишуро́вская – доцент ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the author

E. A. Mishurovskaya – Associate Professor, INOTEKU FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University".

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 21.02.2025; принята к публикации 24.02.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 21.02.2025; accepted for publication 24.02.2025.

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 73-83.

Baltic Economic Journal. 2025. No. 1(49). P. 73-83.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.2

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-1-73-83

Тенденции развития инвестиционной политики в сфере рыболовства Калининградской области

Альберт Гургенович Мнацаканян¹

Полина Андреевна Белоусова²

^{1, 2} ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

¹ mag@klgtu.ru

² belousova.polina.99@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются макроэкономические процессы, происходящие в отрасли рыболовства в настоящее время. Проводится исследование динамики рыбного промысла в соотношении с уровнем выделенных квот, а также приводятся доводы по поводу предпосылок различного характера, повлиявших

на уровень вылова. Использованная методика проведения опроса позволила проанализировать качество условий деятельности моряков в региональном промысле и привести примеры решений по модернизации деятельности. В статье также проведен анализ инвестиционных процессов, в сфере частных и государственных инвестиций, что дает предпосылки для изучения условий повышения эффективности капиталовложений в отрасль рыболовства.

Ключевые слова: рыбохозяйственный комплекс, рыболовство, инвестиционная стратегия, модернизация

Для цитирования: Мнацаканян А. Г., Белоусова П. А. Современные макроэкономические условия и тенденции развития инвестиционной политики в сфере рыболовства Калининградской области // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 73-83. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-73-83>

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

Trends in the development of investment policy in the field of fisheries in the Kaliningrad region

Albert G. Mnatsakanyan¹

Polina A. Belousova²

^{1, 2} INOTEKU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

¹ mag@klgtu.ru

² belousova.polina.99@mail.ru

Abstract. This article examines the macroeconomic processes currently taking place in the fishing industry. The study examines the dynamics of fishing in relation to the level of allocated quotas, and also provides arguments regarding the prerequisites of various natures that influenced the level of catch. The survey methodology used allowed us to analyze the quality of the conditions for the work of seafarers in the regional fishery and provide examples of solutions for modernizing the activity. The article also analyzes investment processes in the field of private and public investment, which provides prerequisites for study of the conditions for increasing the efficiency of capital investments in the fishing industry.

Keywords: fisheries complex, fisheries, investment strategy, modernization

For citation: Mnatsakanyan A. G., Belousova P. A. Modern macroeconomic conditions and trends in the development of investment policy in the field of fisheries in the Kaliningrad region // Baltic Economic Journal. 2025;4(49):73-83. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-73-83>

Введение

Модернизация рыбохозяйственного комплекса в Калининградской области является актуальной тематикой, соответствующей программе Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года и Стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года, в том числе в области рыболовства. Так, в

Стратегии 2030 часть основных задач, направленных на ее реализацию, включает развитие уровня инвестирования в отрасль. Приведем некоторые задачи из стратегии:

- 1) увеличение суммарного объема частных инвестиций до 613 млрд. руб.;
- 2) увеличение общего количества рабочих мест в рыбохозяйственном комплексе на 24,5 тыс.;
- 3) рост производительности труда в 1,4 раза к 2030 году по сравнению с 2018 годом;
- 4) разработка и внедрение национальной системы экологической сертификации добытых (выловленных) водных биологических ресурсов и произведенной из них рыбной и иной продукции;
- 5) увеличение до 3 млн. т в год объемов грузообработки отечественной рыбной и иной продукции из водных биологических ресурсов через российские морские порты;
- 6) увеличение до 80 % доли обслуживания отечественных судов рыбопромыслового флота в российских портах.

Именно поэтому анализ тенденций, сложившихся в последнее время в сфере рыболовства Калининградской области, является актуальной тематикой, соответствующей реализации стратегии.

Целью данного исследования является обобщение тенденций развития отрасли рыболовства Калининградской области, а также условий, влияющих на уровень регионального промысла, в соответствии с динамикой инвестиций в отрасль.

Материалы и методы

Теме развития рыбохозяйственного комплекса посвящено множество статей и научных исследований. Многие авторы отражают свое видение процесса развития комплекса, в частности, его сообразности с государственными стратегическими документами [6, 7, 9].

На состояние промысла в регионе влияет множество факторов, от экологических до административных. Данному аспекту также посвящено большое количество исследований [1, 2, 12, 12]. Так, Н. Н. Яркина и Н. А. Логунова справедливо отмечают в своем исследовании, что устойчивое развитие отрасли рыбохозяйственного комплекса невозможно без анализа сложившихся тенденций и систематизации факторов отраслевого развития, так как понимание предпосылок исследуемых явлений формирует базис для построения стратегии развития отрасли в целом [13].

Многие авторы также ссылаются на необходимость развития рыбохозяйственного комплекса при помощи инвестиций в его модернизацию [3, 5, 12]. Так, Л. И. Сергеев утверждает, что "для Калининградской области в настоящее время становится важным вопрос актуализации существующей инвестиционной стратегии, а также других эффективных практик, с целью

обеспечения благоприятного инвестиционного климата и повышения уровня инвестиционной привлекательности, что позволит обеспечить опережающую динамику инвестиций в основной капитал области" [10].

Г. А. Волошин отметил следующие тенденции изменений отечественного рыбохозяйственного комплекса в соответствии с внешнеэкономической ситуацией и реализуемым санкционным давлением на отрасль: "Учитывая сложившуюся практику распределения российской продукции, произведённой из российских уловов водных биоресурсов, по её объёму и стоимости в мировом обороте рыбной продукции, разрыв устоявшихся логистических цепочек также окажет негативное влияние на результаты внешнеэкономической деятельности организаций рыбохозяйственного комплекса" [4]. При этом данный процесс не только воздействует на торговую составляющую рыбохозяйственного комплекса, но и косвенно – на сам процесс вылова, так как закрытие иностранных портов в Балтийском море, традиционно задействованных в хозяйственных процессах, усложняет хозяйственную деятельность для регионального промысла.

Для целей анализа тенденций, сложившихся в отрасли рыболовства Калининградской области, были использованы следующие методики: прогнозирование на основе экстраполяции данных, предоставляемых агентством по рыболовству Калининградской области; метод опроса экспертных групп при помощи анкетирования, включая метод балльных оценок; оценка темпов роста показателя, рассчитанных цепным методом.

Результаты и обсуждение

В Калининградской области существует несколько бассейнов, в которых происходит вылов рыбы. Среди них: Балтийское море, Калининградский (Вислинский) залив, Куршский залив и Виштынецкое озеро. Данные водоемы являются основными зонами добычи рыбы, а для ведения добывающей деятельности предприятиям предоставляются квоты на вылов рыбы.

Рассмотрим, как изменился уровень вылова рыбы в Калининградской области в соотношении с выделенными квотами (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика уровня вылова рыбы в Калининградской области в соотношении с выделенными квотами в 2020–2023 гг.

Table 1 – Dynamics of the level of fish catch in the Kaliningrad region in relation to allocated quotas in 2020–2023.

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Вылов, т	68309,0	64612,0	64434,3	61400
Квота, т	84920,9	82415,7	76995,1	78316,3
Уровень освоения квоты, %	80	78	84	78

Как указано в таблице 1, объем вылова рыбы в 2020–2023 гг. в целом по Калининградской области ежегодно сокращался в среднем на 3 % в год. Так, в 2023 году он составил 90 % от уровня 2020 года, или 61,4 тыс. тонн. При этом

выделенная суммарная квота на вылов также сокращалась в 2020-2022 гг., несколько повысившись в 2023 году. По итогу в 2023 году она составила 92 % от уровня 2020 года, или 78,3 тыс. тонн.

Уровень освоения квоты за все годы в среднем составил 80 %, что свидетельствует о достаточности выделенной квоты на вылов, несмотря на тенденцию сокращения.

Среди причин, повлиявших на снижение объемов вылова, можно назвать ухудшение экологической ситуации и снижение биоразнообразия в Балтийском море, а также возникшие административные барьеры, которые препятствуют промыслу и экспортной деятельности. Таким административным барьером стала санкционная политика, выражаяющаяся в закрытии иностранных портов для калининградских компаний. Другим проявлением проблемы данного рода является законодательство свободной таможенной зоны в Калининградской области. В качестве пояснения можно привести мнение председателя Совета директоров группы компаний "За Родину": "Сейчас получается, что если рыболовецкая компания купила иностранное судно и растаможила его на область, то оно должно ходить исключительно по территории нашей ОЭЗ. Однако это невозможно, поскольку Балтийское море в нее не входит. При этом судно по-прежнему осуществляет свою деятельность в экономической зоне России". Несмотря на то, что калининградским рыболовецким компаниям выдавали соответствующие разрешения на многократное пересечение государственной границы, связанное с промысловым ловом, возникают противоречия, связанные с Таможенным кодексом ЕАЭС. Эта проблема находится на стадии проработки, которая может занимать достаточно продолжительное время.

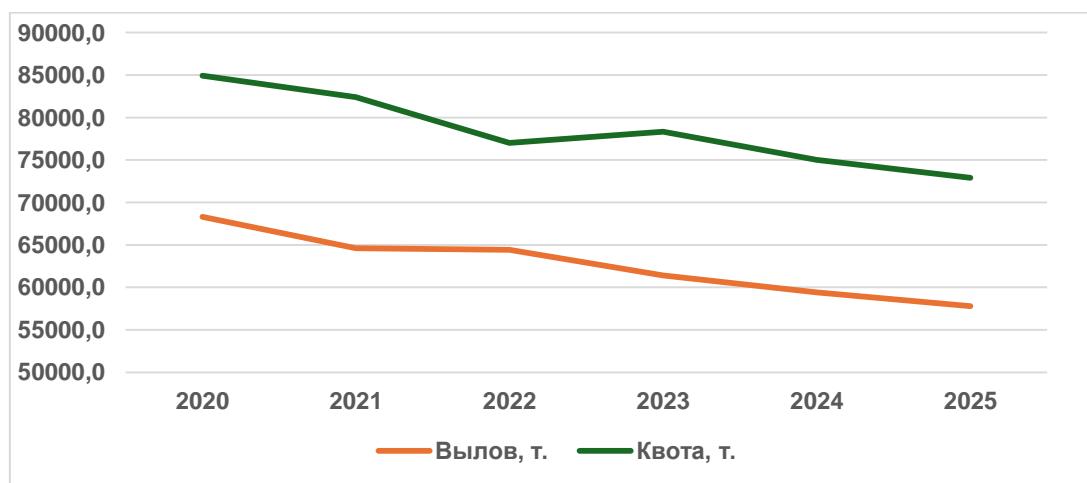

Рисунок 1 – Прогноз уровня вылова рыбы в Калининградской области в соотношении с выделенными квотами в 2024–2025 гг.

Figure 1 – Forecast of the level of fish catch in the Kaliningrad region in relation to allocated quotas in 2024–2025.

Рисунок 1 отображает прогноз значений в 2024–2025 гг. методом экстраполяции тренда. Это значит, что при сохранении действующих тенденций объем вылова и величина квоты будут снижаться в последующие годы. Так, объем вылова в 2025 году может составить 85 % от уровня 2020 года, а объем квоты – 86 % соответственно.

Эффективность вылова снижается также за счет падения качества средств добычи, а именно возраста судов, качества условий работы моряков и сопутствующих факторов. В этих целях был проведен опрос двух групп участников производственного процесса, задействованных в региональном и международном рыбном промысле. После этого было проведено сравнение результатов опроса первой группы с группой участников, задействованных в иностранных компаниях, но являющихся гражданами России. Более подробно результаты опроса приведены в материалах Международной научно-практической конференции ФГБОУ ВО "Керченский государственный морской технологический университет".

В опросе были выделены 5 параметров, позволяющих оценить качество работы с различных сторон. Среди них: рабочее оборудование, программное обеспечение, технологии производственного процесса, условия размещения и расходные материалы.

Внутри группы респондентов, которая работает в компаниях Калининградской области, были выделены следующие взаимосвязи:

1. Условия размещения респондентов устраивают наилучшим образом, они же являются наименее обновляемым параметром.
2. Состояние рабочего оборудования также отмечено как хорошее и активно обновляется.
3. Технологии производственного процесса не склонны к значимым изменениям, их состояние оценивается как удовлетворительное.
4. Состояние расходных материалов является удовлетворительным, они обновляются относительно своевременно.
5. Программное обеспечение является параметром, набравшим наименьший средний балл по оценке качества, и оно имеет средние темпы обновления.

По результатам опроса при сравнении ответов обеих групп участников были сформированы следующие выводы:

1. Роль повышения квалификации у моряков, работающих в региональных компаниях, выше, чем в иностранных. В региональных компаниях сильнее отражается зависимость между высокой оценкой текущих параметров и регулярностью повышения квалификации, тогда как в иностранных компаниях такую взаимосвязь проследить невозможно. Необходимо отметить важность мероприятий по повышению квалификации и инструктажу, так как они позволяют более эффективно использовать оборудование в работе и повышают общую удовлетворенность условиями деятельности.

2. Что касается количества внедряемых инноваций, то в региональных компаниях в совокупности было набрано 13 утвердительных ответов, а наиболее обновляемой категорией является обновление оборудования. В иностранных компаниях нововведения внедряются заметно чаще: 27 утвердительных ответов, наиболее популярные – рабочее оборудование и программное обеспечение.

3. В сравнении качества внедряемых нововведений отставание сократилось значительно. Респонденты, работающие в региональных компаниях, дали 19 утвердительных ответов, а самой популярной категорией является повышение удобства и меньшее количество затрачиваемых усилий. Респонденты из иностранных компаний дали 22 утвердительных ответа, и самой популярной категорией является меньшее количество затрачиваемых усилий.

4. Средняя совокупная оценка качества текущего состояния параметров среди региональных компаний составила 3,69 балла, а среди иностранных – 4,13 балла. Наиболее высоко оцениваемыми элементами среди респондентов из региональных компаний являются условия размещения (3,8 балла), а также технологии производственного процесса и рабочее оборудование (3,78 балла). Респондентами из иностранных компаний наиболее высоко оценены такие параметры как рабочее оборудование, программное обеспечение и расходные материалы (4,22 балла). Средняя оценка указывает на общую удовлетворенность у сотрудников условиями работы, что способствует удержанию кадров в компании. На данный момент в иностранных компаниях совокупная оценка выше, а также наблюдается отток специалистов в иностранные рыбопромысловые компании.

5. В иностранном промысле компании широко применяют беспилотные летательные аппараты для проведения морских исследований и мониторинга морской среды, используют такое оборудование как рыбонасос, новейшие материалы и улучшенное навигационное оборудование.

Ежегодно в Калининградской области реализуются государственные программы по развитию и поддержке регионального АПК и рыбохозяйственного комплекса. В частности, реализуется подпрограмма "Развитие рыбохозяйственного комплекса". Согласно сводному отчету, программа в 2023 году по своим результатам являлась высокоэффективной.

Согласно сводному годовому докладу о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Калининградской области, по итогам 2023 года на финансирование мероприятий подпрограммы было предусмотрено 206 945,50 тыс. руб., кассовое исполнение расходов составило 206 940,10 тыс. руб. (99,98 % от плановых назначений), в том числе за счет средств федерального бюджета – 80,50 тыс. руб. и 206 859,60 тыс. руб. – за счет средств областного бюджета, что позволяет сделать вывод о том, что основная часть финансирования происходит за счет собственных ресурсов региона.

В 2023 году были предоставлены субсидии двум предприятиям на модернизацию четырех судов. Общий объем предоставленных инвестиций составил 150 млн. руб.

Частные инвестиции играют значимую роль в процессе модернизации рыболовства. Таблица 2 отражает динамику инвестирования за счет собственных средств в Калининградской области.

Таблица 2 – Инвестиции в рыболовство за счет собственных средств в 2021–2023 гг.

Table 2 – Investments in fisheries from own funds in 2021–2023

Показатель	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Собственные средства, тыс. руб.	389 616	463 375	660 274
Темп роста, %	100,0	118,9	142,5

Динамика частных инвестиций в период 2021–2023 гг. является положительной. Прирост показателя в 2022 году составил 18,9 % относительно уровня 2021 года и 42,5 % относительно уровня 2022 года.

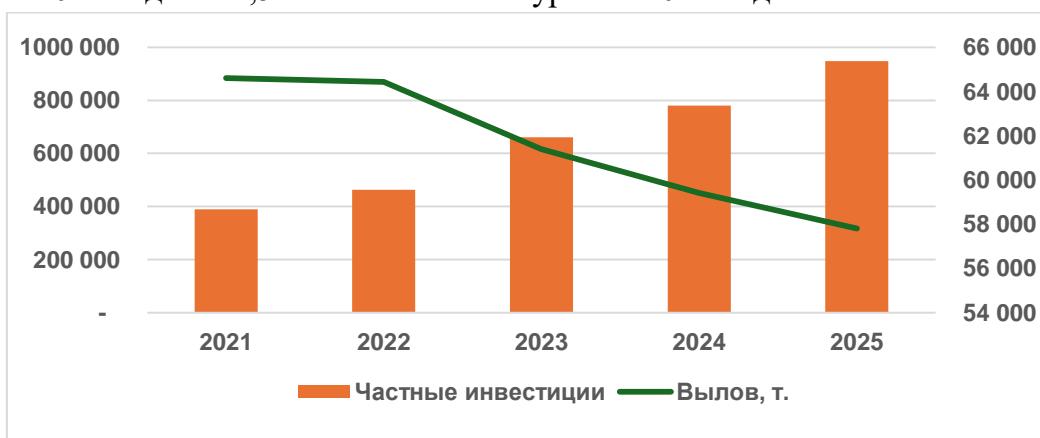

Рисунок 2 – Прогноз уровня вылова рыбы в Калининградской области в соотношении с инвестициями в 2024–2025 гг.

Figure 2 – Forecast of the level of fish catch in the Kaliningrad region in relation to investments in 2024–2025.

При сопоставлении динамики инвестиций за счет собственных средств организаций и уровня вылова выявляется, что уровень вылова снижается, несмотря на рост частных инвестиций. Это продемонстрировано на рисунке 2. При прогнозировании тренда методом экстраполяции данная тенденция сохраняется в прогнозном промежутке 2024–2025 гг.

Заключение

Объем вылова рыбы в регионе снижается на промежутке 2020–2023 гг., а параллельно с объемом вылова снижается совокупная величина выделенной квоты. На уровень вылова влияют как экологические факторы, характеризующие ухудшение биоразнообразия в Балтийском море, так и факторы административные, повышающие издержки для предприятий и препятствующие промыслу. Именно поэтому со стороны административных органов необходимо

максимально сопутствовать снижению этих издержек, устранивая противоречия, как, например, те, которые возникли в области таможенного регулирования.

Опрос качества условий работы среди моряков показал отставание в оценках качества по всем исследованным параметрам группы регионального промысла, по сравнению с группой международного промысла. При этом отмечена более значимая роль проведения мероприятий по повышению квалификации в региональной группе. Предлагаемые участниками опроса меры по внедрению инноваций заслуживают внимания и дальнейшего анализа возможности их реализации.

В том числе, отмечается положительная динамика инвестиций в рыболовство за счет собственных средств предприятий. Также предоставляются региональные субсидии на развитие рыболовства и рыбохозяйственного комплекса в целом. Объем федеральных субсидий в 2023 году был низким – 3 % от общего объема выделенных средств. Прослеживается противоречие: снижение объема вылова водных ресурсов, несмотря на рост инвестиций, что является предпосылкой для более глубокого изучения проблематики и обоснования предложений по возможной корректировке региональных государственных программ субсидирования отрасли рыболовства.

Список источников

1. Амосова В. М., Зезера А. С., Голубкова Т. А. Влияние факторов среды на величины запасов рыб в Балтийском море // Труды ВНИРО. 2022. Вып. 187. С. 110-127.
2. Аношина Ю. Ф., Наумкина Т. В. Государственное регулирование рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации в современных условиях // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2020. № 2. С. 102–107.
3. Артюхина Е. А., Квон Г. М. Некоторые аспекты исследования инвестиционной политики в регионе // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2021. № 07.
4. Волошин Г. А. Комплексный инструментарий управления рыбной отраслью в условиях новой экономической политики России // Труды ВНИРО. 2022. Вып. 188. С. 174-181.
5. Дмитриев Н. Д., Дубаневич Л. Э. Генерирование базовых инвестиционных целей предприятия в стратегической перспективе // Вестник Сургутского гос. ун-та. 2020. № 1(27). С. 33–41.
6. Дусаева Е. М., Труба А. С., Курманова А. Х. Обеспечение устойчивого развития рыбохозяйственного комплекса России в условиях цифровизации // Вопросы рыболовства. 2021. № 22(3). С. 125-139.
7. Колончин К. В., Аварский Н. Д., Серегин С. Н. Рыбохозяйственный комплекс России: приоритеты, цели, задачи, достижение стратегических

ориентиров развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2020. № 7(64). С. 17–40.

8. Самсонов А. В., Сергеев Л. И. Инвестиционное стратегирование рыбной и янтарной отрасли эксклавного региона // Балтийский экономический журнал. 2023. № 4(44). С. 147–155.

9. Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Калининградской области по итогам 2023 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d19/otchetnost_o_hode_realizacii_gos_programm_rf/svodnye_godovye_doklady_o_hode_realizacii_i_ocenke_effektivnosti_gos_programm_rf/

10. Сергеев Л. И., Самсонов А. В. Развитие методической базы построения эффективной инвестиционной стратегии Калининградской области с учетом применения актуальной мировой практики // Балтийский экономический журнал. 2022. № 1(37). С. 40–55.

11. Сергеев Л. И. Обобщение положений и параметров стратегического развития рыбной отрасли // Труды ВНИРО. 2021. Вып. 184. С. 169–189.

12. Харин А. Г. Экономическая оценка устойчивости рыболовства в Балтийском море // Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(46). С. 116–134.

13. Яркина Н. Н., Логунова Н. А. Устойчивое развитие рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации: факторы и тенденции // Труды ВНИРО. 2023. Вып. 192. С. 192–201.

References

1. Amosova V. M., Zezera A. S., Golubkova T. A. Influence of environmental factors on the size of fish stocks in the Baltic Sea // Proceedings of VNIRO. 2022;187:110-127.
2. Anoshina Yu. F., Naumkina T. V. State regulation of the fisheries complex of the Russian Federation in modern conditions // State and municipal administration. Scientific notes. 2020;2:102–107.
3. Artyukhina E. A., Kwon G. M. Some aspects of the study of investment policy in the region // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2021;7.
4. Voloshin G. A. Comprehensive tools for managing the fishing industry in the context of the new economic policy of Russia // Proceedings of VNIRO. 2022;188: 174–181.
5. Dmitriev N. D., Dubanovich L. E. Generating basic investment goals of an enterprise in a strategic perspective // Bulletin of Surgut State University. 2020;1(27): 33–41.
6. Dusaeva E. M., Truba A. S., Kurmanova A. Kh. Ensuring sustainable development of the fisheries complex of Russia in the context of digitalization // Fisheries issues. 2021;22(3):125–139.

7. Kolonchin K. V., Avarska N. D., Seregin S. N. The fisheries complex of Russia: priorities, goals, objectives, achievement of strategic development guidelines // Economy, labor, management in agriculture. 2020;7(64):17–40.
8. Samsonov A. V., Sergeev L. I. Investment strategizing of the fish and amber industry of the exclave region // Baltic Economic Journal. 2023;4(44):147–155.
9. Consolidated annual report on the progress of implementation and evaluation of the effectiveness of state programs of the Kaliningrad region based on the results of 2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d19/otchetnost_o_hode_realizacii_gos_programm_rf/svodnye_godovye_doklady_o_hode_realizacii_i_o_cenke_effektivnosti_gos_programm_rf/
10. Sergeev L. I., Samsonov A. V. Development of a methodological base for constructing an effective investment strategy for the Kaliningrad region, taking into account the application of current world practice // Baltic Economic Journal. 2022;1(37):40-55.
11. Sergeev L. I. Generalization of the provisions and parameters of strategic development of the fishing industry // Proceedings of VNIRO. 2021;184:169–189.
12. Kharin A. G. Economic assessment of the sustainability of fisheries in the Baltic Sea // Baltic Economic Journal. 2024;346):116–134.
13. Yarkina N. N., Logunova N. A. Sustainable development of the fisheries complex of the Russian Federation: factors and trends // Proceedings of VNIRO. 2023;192:192–201.

Информация об авторах

- А. Г. Мнацаканян** – доктор экон. наук, профессор, директор Института экономики и управления ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".
- П. А. Белоусова** – аспирант кафедры экономики и финансов ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the authors

- A. G. Mnatsakanyan** – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics and Management of the Kaliningrad State Technical University.
- P. A. Belousova** – Postgraduate Student of the Department of Economics and Finance of the INOTEKU of the Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 08.02.2025; одобрена после рецензирования 09.02.2025; принята к публикации 11.02.2025.

The article was submitted 08.02.2025; approved after reviewing 09.02.2025; accepted for publication 11.02.2025.

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 84-97.
Baltic Economic Journal. 2025. No. 1(49). P. 84-97.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 331.5

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-1-84-97

К вопросу о развитии института самозанятых в России

Виктория Владимировна Мосейко

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

vimoseiko@gmail.com

Аннотация. В целях сокращения теневой занятости с 2019 г. и сроком на десять лет был запущен эксперимент по уплате налога на профессиональный доход. Через легализацию самостоятельной индивидуальной трудовой деятельности появился институт самозанятости. Новый налоговый режим оказался востребованным у россиян, однако вскрыл целый ряд сложностей и нерешенных вопросов. По прошествии пяти лет эксперимента по введению налога на профессиональный доход можно подвести некоторые промежуточные итоги. Цель данной работы – провести анализ института самозанятости с момента учреждения и до настоящего времени, выявить трудности современного этапа и перспективы развития в будущем. В статье охарактеризована эволюция недавно введенного института самозанятых. Рассмотрена деятельность самозанятых в России и Калининградской области: проанализированы изменение численности лиц, уплачивающих налог на профессиональный доход, выручка; охарактеризованы сферы деятельности самозанятых и др. Автором выделены некоторые трудности развития института самозанятых, среди которых сохранение сложности определения правовой природы самостоятельной индивидуальной трудовой деятельности; вероятность прекаризации труда; отсутствие социального страхования для самозанятых и другие. Высказано предположение, что распространение социального страхования на самозанятых будет сопровождаться усилением налогового бремени и может стать причиной обратного ухода в теневой сектор. Автором предполагается, что в дальнейшем по окончании эксперимента произойдет существенное изменение института самозанятых, связанное с повышением ставок налога; сокращением видов деятельности; более четким ограничением самозанятости от предпринимательства и наемного труда; распространением социального и, в том числе, пенсионного страхования на самозанятых.

Ключевые слова: институт самозанятости, самозанятые, самозанятость

Для цитирования: Мосейко В. В. К вопросу о развитии института самозанятых в России // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 84-97. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-84-97>

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

On the development of the self-employed institution in Russia

Viktorija V. Moseiko

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

vimoseiko@gmail.com

Abstract. In order to reduce shadow employment from 2019 and for a period of ten years, the experiment of professional income tax was launched. Through the legalization of independent self-employment, the institution of self-employment appeared. The new tax regime proved to be in demand among Russians, but revealed a number of difficulties and unresolved issues. After five years of experiment on the introduction of tax on professional income, we can summarize some intermediate results. The purpose of this paper is to analyze the institute of self-employment from the moment of its establishment to the present time, to identify the difficulties of the current stage and the prospects for future development. In the presented article the evolution of the recently introduced institute of the self-employed is characterized. The activity of the self-employed in Russia and the Kaliningrad region is considered: the changes in the number of persons paying tax on professional income, revenues are analyzed; the spheres of self-employed activity are characterized, etc. The author highlights some difficulties in the development of the institute of self-employment since its establishment. The author identifies some difficulties in the development of the institute of the self-employed, among which there are difficulties in determining the legal nature of independent individual labor activity; the probability of precarization of labor; the lack of social insurance for the self-employed and others. It is suggested that the extension of social insurance to the self-employed will be accompanied by an increase in the tax burden and may cause a return to the shadow sector. The author assumes that in the future, after the end of the social insurance system, there will be no social insurance for the self-employed.

Keywords: self-employment institute, self-employed, self-employment

For citation: Moseiko V. V. On the development of the self-employed institution in Russia // Baltic Economic Journal. 2025;4(49):84-97. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-84-97>

Введение

Учреждение института самозанятых стало одним из наиболее интересных и значимых экспериментов в современном налоговом администрировании. Введение налогового режима "Налог на профессиональный доход" позволило легализовать деятельность миллионов индивидов в России. Вместе с тем, актуализировалось множество других нерешенных проблем, связанных с дискриминацией наемных работников и прекаризацией их труда, вовлечением самозанятых в программы социального и пенсионного страхования и др.

Цель статьи – проследить эволюцию института самозанятых в России и Калининградской области и выявить, возникшие проблемы в ходе его становления и возможные способы их устранения.

Экономико-правовая природа самозанятости в России

В самом общем виде самозанятость можно охарактеризовать как индивидуальную деятельность по оказанию услуг или продаже товаров, направленную на получение личной выгоды (дохода) [12, с. 148]. В экономической и юридической литературе самозанятость нередко отождествляется с другими видами деятельности: индивидуальным предпринимательством, работой по найму [12, с. 149-152; 20; 21], неформальной занятостью [28], трудовыми отношениями [2], нестандартной занятостью [27, р. 65-98].

Отсюда возникают расхождения в учете самозанятых, количество которых по разным оценкам разнится от 3,5 млн. чел. [24] до 16 млн. чел. [19; 26] – 20 млн. чел. [18, с. 67], доходя до четверти от всего занятого населения [26].

Большая часть научных работ о самозанятых посвящена проблематике легализации их деятельности [6; 21]. Первые шаги в легальном определении самозанятости начались в 2017 г., когда были внесены поправки в Гражданский кодекс, предусматривающие разграничение предпринимательской деятельности и деятельности без регистрации индивидуального предпринимателя (ИП) (ст. 23). В 2018 г. появился специальный Закон "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" (далее НПД) [16], который позволил получать статус самозанятых как физическим лицам, так и индивидуальным предпринимателям.

В широком смысле, самозанятость включает в себя все виды индивидуальной формальной и неформальной деятельности по оказанию услуг или продаже товаров. Важно отметить, что для России характерна высокая доля неформальных самозанятых [20].

В узком смысле самозанятость определяется в соответствии с российским законодательством. В 2018 г. с принятием Закона "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" [16] самозанятые стали определяться как плательщики НПД. Иначе говоря, численность самозанятых редуцируется до тех, кто легализовал свой статус. В соответствии с данными ФНС, в 2019 г. их было всего 338 тыс. чел., а в 2024 г. – свыше 12 млн. чел. (таблица 1).

Таблица 1 – Численность лиц, уплачивающих налог на профессиональный доход, и полученная выручка

Table 1 – Number of persons paying professional income tax and the revenue received

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Количество, уплачивающих НПД, тыс. чел.	338	1604	3862	6561	9279	12145
Выручка, млн. руб.	6132	40463	86060	125765	186019	217031

Составлено автором по данным ФНС [24].

Поэтому в науке по-прежнему актуален вопрос, как называть тех, кто занимается самостоятельной трудовой деятельностью, но не зарегистрирован в качестве самозанятого и, соответственно, не уплачивает НПД.

Одним из наиболее сложных вопросов является определение характера возникающих правовых отношений. Самозанятость нередко представляется как деятельность, основанная на личном трудовом участии [6, с. 109] вне наемных отношений, формируемых между работодателем и работником. Р. И. Анисимов обращает внимание на то, что работник выступает одновременно как работодатель и как наемный работник [2, с. 79]. С этой точки зрения можно говорить об особой разновидности трудовых отношений.

Одновременно ряд авторов подчеркивает связь между самозанятостью и предпринимательством [6, с. 110; 12, с. 150; 18, с. 65]. В работе [6, с. 110] указывается, что самозанятый гражданин соединяет в себе и предпринимателя, и работника, устранив тем самым противоречие между капиталом и наемным трудом. В работе [21] обращается внимание на то, что самозанятость представляет собой промежуточное положение между наемным работником и предпринимателем.

Рассуждения о связи самозанятости с предпринимательством и наемной деятельностью указывает на тот факт, что самозанятость по своей правовой природе находится на стыке двух отраслей права: гражданского и трудового.

Вместе с тем, существует и другое мнение. Ряд авторов предлагает разделять понятия индивидуального предпринимательства и самозанятости [11], в том числе из-за невозможности использовать категорию "прибыль" в отношении доходов самозанятых [10].

Законодатель пошел по пути разграничения трудовых и гражданских отношений. На сегодняшний день деятельность самозанятого регулируется отдельным законом [16], а взаимоотношения самозанятых с покупателями их товаров/услуг оформляются гражданско-правовыми договорами. Распространение налогового режима "Налог на профессиональный доход" на трудовые отношения запрещено.

Современное положение самозанятых в России

Законом [16] определены лица, имеющие право быть самозанятыми (ст. 4), виды деятельности (ст. 4, 6) и ставки налога (ст. 10).

В соответствии с Законом [16], самозанятыми могут быть граждане РФ, а также граждане Украины или стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – Киргизии, Казахстана, Армении и Беларуси, не имеющие штатных сотрудников и не осуществляющие деятельность, не предусмотренную законодательством РФ о самозанятости. Распространение закона на граждан Евразийского экономического союза позволяет России активнее продвигать интеграционные процессы в регионе.

Статьей 4 Закона [16] установлено, что самозанятые не могут реализовывать товары, подлежащие обязательной маркировке¹, и подакцизные товары, за исключением сахаросодержащих напитков; перепродавать товары или имущественные права, за исключением личных вещей; заниматься добычей и реализацией природных ресурсов; иметь в штате работников, с которыми они состоят в трудовых отношениях; вести предпринимательскую деятельность в интересах другого лица на основе договоров поручения, договоров комиссии либо агентских договоров; оказывать услуги по доставке товаров с приемом платежей в интересах других лиц; совмещать НПД с другим налоговым режимом; осуществлять майнинг цифровой валюты, получать в год больше 2,4 млн. руб.²

Статьей 6 Закона [16] также дополнено, что НПД не применяется в отношении продажи недвижимости и транспорта; передачи имущественных прав на недвижимость, кроме аренды или найма жилья; реализации долей в уставном капитале, паев в паевых фондах кооперативов и ПИФов, ценных бумаг и производных финансовых инструментов; выполнения услуг и работ по гражданско-правовому договору, в которых заказчиком выступает нынешний или бывший³ работодатель; уступки прав требований; арбитражного управления, деятельности медиатора, оценочной деятельности, деятельности нотариуса, занимающегося частной практикой, адвокатской деятельности.

Некоторые виды деятельности, с точки зрения своей природы, не слишком подпадают под доктринальное определение самозанятости как индивидуальной трудовой деятельности, например, аренда или наем жилья. Здесь, скорее, стояла задача легализации этих видов деятельности с последующей переквалификацией по окончании эксперимента.

Ст. 10 установлены ставки НПД на весь срок эксперимента, они составляют: 4 % при работе с физлицами; 6 % – с юрлицами и ИП [16].

Надо отметить, что установленные ставки значительно меньше, чем ставка подоходного налога физических лиц, работающих по найму. Виды налогов и налоговые ставки для индивидуальных предпринимателей разнятся в зависимости от выбранного налогового режима и субъекта в РФ. Отсюда, думается, по прошествии эксперимента ставки НПД будут увеличены. Важной особенностью является уплата страховых взносов, которую за наемного работника осуществляет работодатель, предприниматель это делает самостоятельно.

Самозанятые не включены в полноценное финансирование социального страхования. В соответствии со ст. 146 Бюджетного кодекса, 37 % доходов от уплаты НПД зачисляются в фонд медицинского страхования и 63 % – в

¹ Ожидается расширение этого перечня товаров уже в 2025 г.

² Ожидается повышение максимального дохода в 2025 году до 3,6 млн. руб.; в 2026 году – до 3,8 млн. руб.; в 2027 году – до 4 млн. руб.; в 2028 году – до 4,2 млн. руб.

³ Бывшим считается работодатель, от которого самозанятый уволился менее двух лет назад.

региональный бюджет [4]. Следовательно, услуги государственного здравоохранения предоставляются самозанятым так же, как и наемным работникам.

Распространение института самозанятости происходило постепенно. В целях легализации граждан, получающих доход не по трудовому договору и не уплачивающих налоги, с 1 января 2019 г. начал реализовываться эксперимент по введению режима налогообложения "Налог на профессиональный доход" [16] в 4 российских регионах: Москве, Московской области, Калужской области и Республике Татарстан. В 2020 г. к эксперименту добавились еще 19 регионов России. С 1 июля 2020 г. внедрение НПД началось в других субъектах РФ.

На сегодняшний момент НПД распространен на территории всей страны, а также в федеральной территории Сириус и в городе Байконур.

Как видно, численность самозанятых, уплачивающих НПД, с каждым годом растет. Привлекательность нового налогового режима, прежде всего, объясняется низкими ставками НПД, упрощенным взаимодействием с налоговой службой [19, с. 60-61] и отсутствием обязательной необходимости уплачивать страховые взносы.

Опираясь на данные таблицы 1, с уверенностью можно сказать об эффективности эксперимента по введению налога на профессиональный доход: количество самозанятых в 2024 г. выросло в три раза с тех пор, когда в течение 2020 г. экспериментом была охвачена вся страна, и более чем в 30 раз в сравнении с 2019 г., когда эксперимент начался в первых четырех регионах.

В соответствии с современным законодательством, самозанятыми могут быть физические лица и индивидуальные предприниматели, в 2024 г. более 95 % всех самозанятых приходилось на физические лица [25]. Как видно, законодатель позволил ИП оформлять статус самозанятых, однако это не пользуется большим спросом.

По данным ФНС, 50 % самозанятых – это новые лица в правовом поле, ранее они не декларировали доходы [3]. Для привлечения новых самозанятых используются различные программы стимулирования и поддержки. Так, в период пандемии COVID-19 самозанятые могли получить разовую поддержку в сумме 12 130 руб.; в настоящее время для них доступны налоговый вычет в размере 10 000 руб. и региональные кредитные программы. Помимо денежной помощи, оказывается информационная и образовательная поддержка.

ФНС предоставляет данные о рейтинге отраслей деятельности самозанятых. В 2019 г. в топ-5 отраслей вошли ремонт, авто-, ИТ-сфера, прочее, аренда; в 2020-2024 гг. топ-5 сфер не менялся, в рейтинг входили: ремонт, авто-, ИТ-сфера, красота, информационные услуги [24].

В 2024 г. больше всего самозанятых насчитывалось в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае и Республике Татарстан [24].

За время действия специального налогового режима доходы самозанятых превысили 5,2 трлн. руб., а начисленные налоги составили более 219 млрд. руб.

Средний возраст самозанятого в 2024 г. составил 36 лет, самому молодому было 14 лет, а самому возрастному – 84 года. 40 % от общего числа самозанятых – женщины, 60 % – мужчины [3].

Российские экономисты пристально исследуют особенности самозанятости в России и отмечают преобладание молодых групп населения; меньшее участие женщин [7, с. 45]; более низкие, в сравнении с наемными работниками, доходы [7, с. 48; 8]; нестабильность выплат; часто вынужденный характер труда [7, с. 48; 19, с. 57], совмещение с работой по найму [19, с. 57].

Одновременно с легализацией самозанятых и установлением низких налоговых ставок появилась еще одна немаловажная проблема: перевод наемных работников в статус самозанятых. Обращается внимание, что такая ситуация характеризуется лжесамозанятостью [2, с. 80], а для самих работников может обернуться прекаризацией труда [2, с. 83].

Для предотвращения трансформации трудовых отношений в гражданско-правовые законом установлен запрет на работу самозанятых с текущим или бывшим работодателем, после увольнения должно пройти не менее двух лет.

При обнаружении несоответствия договору выполняемых функций есть риск переквалификации отношений из гражданских в трудовые. Для анализа деятельности учитываются характер, объем и периодичность выплат в отношении самозанятых; доля доходов, полученных от конкретной организации, в общей массе доходов самозанятого; предыдущие места работы самозанятых; связи текущих заказчиков самозанятых с их предыдущими работодателями и др. [9].

Учитывая остроту и актуальность данного вопроса, ожидается усиление мер контроля за работодателями. В будущем нарушением будет считаться такая ситуация, когда предприниматель работает с более чем 35 самозанятыми, платит им в среднем больше 35 тыс. руб., и это составляет основную долю их дохода, поскольку это может быть попыткой обойти трудовое законодательство [22].

П. 2 ст. 1 Федерального закона определено, что эксперимент проводится до 31 декабря 2028 года включительно [16]. Это означает, что с 2029 г. изменится правовой статус самозанятых. По всей видимости, следует ожидать изменения перечня видов деятельности, с доходов которых может уплачиваться НПД; увеличения ставок НПД; распространения мер социального страхования; расширения пенсионных прав самозанятых и т. д.

Наиболее обсуждаемыми сегодня темами являются вопросы вовлечения самозанятых в финансирование пенсий [8] и других программ обязательного социального страхования [13]. В настоящее время самозанятые могут участвовать в финансировании пенсий на добровольных началах как в системе государственного, так и частного пенсионирования. При отказе от формирования пенсии страхового и/или накопительного характера самозанятые могут претендовать на социальную пенсию.

Представляется, что введение страховых взносов на пенсии – мера довольно рисковая. Пенсионные институты оказывают разностороннее влияние на трудовую деятельность россиян [14]. С одной стороны, финансирование пенсий позволит распространить пенсионное страхование и на самозанятых, но, с другой стороны, может привести к снижению интереса к этой форме деятельности из-за увеличения налогового бремени. Поскольку одной из причин популярности самозанятости является низкая ставка налогов, рост налоговой нагрузки может стать основанием возврата в теневой сектор занятости. К тому же, учитывая невысокий размер доходов большинства самозанятых и их нерегулярный характер, введение страховых взносов может не решить их пенсионный вопрос.

Также исследуются условия труда: отмечаются как сложности в виде распространения ненормированного рабочего дня у самозанятых [7, с. 49], так и преимущества в виде гибкого режима работы (самостоятельная организация труда), возможности самостоятельного выбора деятельности (заказа, проекта и др.) [19, с. 57]. С этой точки зрения самозанятость может быть использована для легального оформления новых видов деятельности, появляющихся в условиях распространения цифровой экономики.

Самозанятость как самостоятельный вид деятельности сопряжена также с творчеством и большей свободой, и отсюда может оказаться более востребованной молодыми поколениями, отрицающими рутинизацию трудовых процессов.

Развитие института самозанятых в Калининградской области

Калининградская область ввела НПД в июле 2020 г. [15]. Большая доля самозанятых приходится на физических лиц (в 2024 г. почти 95 %, и только чуть более 5 % приходится на предпринимателей) [25] (таблица 2).

Таблица 2 – Численность лиц, уплачивающих налог на профессиональный доход в Калининградской области

Table 2 – Number of persons paying tax on professional income in the Kaliningrad region

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Количество уплачивающих НПД в Калининградской области, тыс. чел.	–	8,925	27,655	46,035	67,763	91,092
Доля уплачивающих НПД в Калининградской обл., % от общего количества уплачивающих НПД в России	–	0,56	0,72	0,70	0,73	0,75

Составлено автором по данным ФНС [24].

Уже в 2020 г. самозанятые отразили в информационном ресурсе "Мой налог" 370 млн. руб. в качестве доходов: более 65 % получено от оказания услуг физическим лицам; 28 % – оказания услуг юридическим лицам; 5 % – сумма

дохода на оказание услуг иностранным юридическим лицам. В 2020 г. в топ-10 видов деятельности по количеству налогоплательщиков НПД вошли: водители, перевозка пассажиров, аренда квартир, репетиторство, торговля самостоятельно произведенным товаром, услуги маникюра и педикюра, информационные услуги (маркетинг, реклама), а также верстка и дизайн, ремонт квартир [5].

С принятием в Калининградской области Закона [15] были запущены программы поддержки самозанятых. В 2021 г. впервые проведены обучающие программы для самозанятых граждан согласно федеральному перечню "Легкий старт: от идеи до самозанятого" и "Обучающая онлайн-программа "Бизнес на дому". По результатам прохождения программы самозанятые могли получить микрозаем-10 по 0,5 %. Скидкой воспользовалось 7 самозанятых [17].

С 2020 г. в Калининградской области действует программа "Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами". Фактически программа начала действовать с 2021 г. (таблица 3).

Таблица 3 – Показатели регионального проекта "Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами" [17]
Table 3 – Indicators of the regional project "Creating favorable conditions for the implementation of activities by self-employed citizens" [17]

Показатели программы	2020	2021	2022	2023
Численность лиц, получивших комплекс информационно-консультационных и образовательных услуг, чел.	Нет данных	262	616	981
Сумма льготных займов, млн. руб.	Нет данных	10,94	4,1	5,79

Составлено автором по данным [17].

Как было сказано ранее, самозанятые участвуют в пенсионном страховании только на добровольной основе. В 2024 г. 978 самозанятых граждан добровольно уплачивали страховые взносы в Отделение Социального фонда России по Калининградской области [1], это чуть более 1 % всех самозанятых.

Заключение

Учреждение института самозанятости является реакцией государства на изменения социально-экономического развития. В условиях распространения новых стандартов занятости установление налога на профессиональный доход было запоздалым, но верным решением в отношении налогообложения лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью.

Главным результатом принятия Закона "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" стала легализация деятельности миллионов индивидов, занимающихся самостоятельной деятельностью.

С введением режима "Налог на профессиональный доход" актуализировались другие проблемы самозанятых. Среди них: вынужденный характер труда; давление работодателей на наемных работников с целью

переквалификации трудовых отношений в гражданско-правовые; отсутствие некоторых социальных гарантий: страхование по болезни, страхование по старости и др.; низкое налоговое бремя в сравнении с наемными работниками и другие.

Эта сфера требует самого пристального наблюдения как с точки зрения новых мер государственного регулирования в отношении самозанятых, так и с позиции реакции на них индивидов, уплачивающих НПД.

Список источников

1. 978 самозанятых в Калининградской области самостоятельно уплачивают страховые взносы для формирования будущей пенсии. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/kaliningrad/news~2024/08/21/266227> (дата обращения 05.05.2025).
2. Анисимов Р. И. Динамика занятости в России (2018 – середина 2023 г.) // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 73-84.
3. Более 12 млн. самозанятых зарегистрировались в России. https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (дата обращения 05.01.2025).
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025).
5. В Калининградской области зарегистрировались 6692 самозанятых. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn39/news/smi/10139083/> (дата обращения 05.05.2025).
6. Грабова О. Н., Суглобов А. Е. Проблемы выхода "из тени" самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 10(6). С. 108–116.
7. Жукова Т., Миркин М. Финансы самозанятых в новой экономике России // Мир новой экономики. 2021. № 15(3). С. 38-55.
8. Жукова Т. В. Самозанятые и их влияние на современную архитектуру пенсионных систем // Финансы, деньги, инвестиции. 2020. № 3. С. 21–26.
9. Как исключить риски переквалификации договоров ГПХ с самозанятыми в трудовые. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15446623/ (дата обращения 05.01.2025).
10. Костюк И. В. Занятость и самозанятость как форма доходной деятельности граждан // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 2 (11). С. 202–206.
11. Крюкова Е. С., Рузанова В. Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий // Законы России: Опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 21–26.

12. Макеев П. А. Самозанятость в России: теоретическое определение, практическое измерение и законодательное регулирование // ЭКО. 2018. № 11. С.148-157.

13. Минтруд предложил провести эксперимент с 2026 года по выдаче больничных самозанятым. URL: <https://iz.ru/1815273/2024-12-27/mintrud-predlozhil-provesti-eksperiment-s-2026-goda-po-vydache-bolnichnykh-samozaniatym> (дата обращения 05.01.2025).

14. Мосейко В. В. Российские пенсионеры и трудовая деятельность // Балтийский экономический журнал. 2020. № 3(31). С. 72-79.

15. О введении на территории Калининградской области в действие специального налогового режима "Налог на профессиональный доход": Закон Калининградской области от 27.04.2020 г. № 407.

16. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход": Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ.

17. Отчеты по исполнению программы Калининградской области "Модернизация экономики". URL: <https://economy.gov39.ru/deyatelnost/predprinimatelstvo/mery-podderzhki/otchety-po-ispolneniyu-programmy/> (дата обращения 05.01.2025).

18. Покида А. Н., Зыбунская Н. В. Регулирование деятельности самозанятых граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020 № 1. С. 60–85.

19. Покида А. Н., Зыбунская Н. В., Газиева И. А. Развитие самозанятости на современном рынке труда // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29, № 1. С.56-63.

20. Покида А. Н., Зыбунская Н. В. Динамика теневой занятости российского населения // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 2. С. 60–87.

21. Покида А. Н., Зыбунская Н. В. Самозанятость на российском рынке труда // Социально-трудовые исследования. 2019. № 3. С. 18-29.

22. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации "О внесении изменений в перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации" от 28 ноября 2024 г. № 640н.

23. Рынок услуг самозанятых граждан. Институт государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/442787036.pdf> (дата обращения 04.09.2025).

24. Самозанятые. Платформа поставки данных ФНС России. URL: <https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment> (дата обращения 04.01.2025).

25. Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим "Налог на профессиональный доход". Официальный сайт ФНС России. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 04.01.2025).

26. Соцопрос РАНХиГС: в России около 17 млн. самозанятых – четверть от работающего населения. URL: https://prim.ranepa.ru/news/novosti_510.html (дата обращения 05.01.2025).

27. OECD. Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing, Paris, 2019. 222 p.

28. Report of the XVII International Conference of Labour Statisticians. Geneva, 2003. 154 p. URL: <https://webapps.ilo.org/public/english/standards/relm/gb/docs/gb289/pdf/icls-17.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

References

1. 978 self-employed individuals in the Kaliningrad Region independently pay insurance premiums to form their future pension. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/kaliningrad/news~2024/08/21/266227> (accessed on 05.05.2025). (In Russ.).
2. Anisimov R. I. Employment dynamics in Russia (2018 - mid-2023) // Sociological studies. 2024;1:73-84. (In Russ.).
3. More than 12 million self-employed registered in Russia. https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (accessed on 05.01.2025). (In Russ.).
4. Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998. No 145-FZ (as amended on December 26, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2025). (In Russ.).
5. 6,692 self-employed registered in Kaliningrad Oblast. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn39/news/smi/10139083/> (accessed on May 5, 2025). (In Russ.).
6. Grabova O. N., Suglobov A. E. Problems of self-employed persons coming out of the shadows in Russia: risks and ways to overcome them // Economy. Taxes. Law. 2017;10(6):108–116. (In Russ.).
7. Zhukova T., Mirkin M. Finances of the self-employed in the new economy of Russia // The world of the new economy. 2021;15(3):38-55. (In Russ.).
8. Zhukova T. V. The self-employed and their impact on the modern architecture of pension systems // Finance, money, investments. 2020;3:21-26. (In Russ.).
9. How to eliminate the risks of reclassification of civil-law contracts with the self-employed into labor contracts. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15446623/ (date of access 05.01.2025). (In Russ.).

10. Kostyuk I. V. Employment and self-employment as a form of income-generating activity of citizens // Russian Journal of Legal Research. 2017;2(11):202–206. (In Russ.).
11. Kryukova E. S., Ruzanova V. D. Individual entrepreneur and self-employed citizen: the relationship between concepts // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018;3:21–26. (In Russ.).
12. Makeev P. A. Self-employment in Russia: theoretical definition, practical measurement and legislative regulation // ECO. 2018;11:148–157. (In Russ.).
13. The Ministry of Labor proposed to conduct an experiment from 2026 on issuing sick leave to the self-employed. URL: <https://iz.ru/1815273/2024-12-27/mintrud-predlozhil-provesti-eksperiment-s-2026-goda-po-vydache-bolничных-samozaniatym> (date of access 05.01.2025). (In Russ.).
14. Moseyko V. V. Russian pensioners and labor activity // Baltic Economic Journal. 2020;3(31):72-79. (In Russ.).
15. On the introduction of a special tax regime "Tax on professional income" in the Kaliningrad Region: Law of the Kaliningrad Region dated 27.04.2020 No. 407. (In Russ.).
16. On conducting an experiment to establish a special tax regime "Tax on professional income": Federal Law dated 27.11.2018 No 422-FZ. (In Russ.).
17. Reports on the implementation of the Kaliningrad Region program "Modernization of the Economy". URL: <https://economy.gov39.ru/deyatelnost/predprinimatstvo/mery-podderzhki/otchety-po-ispolneniyu-programmy/> (date of access 05.01.2025). (In Russ.).
18. Pokida A. N., Zybunskaya N. V. Regulation of the activities of self-employed citizens // Issues of public and municipal administration. 2020;1:60–85. (In Russ.).
19. Pokida A. N., Zybunovskaya N. V., Gazieva I. A. Development of Self-Employment in the Modern Labor Market // Economic Development of Russia. 2022; 29,1:56–63. (In Russ.).
20. Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. Dynamics of Shadow Employment of the Russian Population // Economic Policy. 2021;16,2:60–87. (In Russ.).
21. Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. Self-Employment in the Russian Labor Market // Social and Labor Research. 2019;3:18–29. (In Russ.).
22. Draft order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation "On Amendments to the List of Risk Indicators for Violation of Mandatory Requirements in the Exercise of Federal State Control (Supervision) over Compliance with Labor Legislation and Other Regulatory Legal Acts Containing Labor Law Standards, approved by order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated November 30, 2021 No. 838n" URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=151315> (accessed on January 4, 2025). (In Russ.).

23. he Market for Services of Self-Employed Citizens. Institute of Public and Municipal Administration, National Research University Higher School of Economics. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/442787036.pdf> (accessed on 09/04/2025). (In Russ.).

24. Self-employed. Data delivery platform of the Federal Tax Service of Russia. URL: <https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment> (accessed on 01/04/2025). (In Russ.).

25. Information on the number of self-employed citizens who have recorded their status and apply the special tax regime "Tax on professional income". Official website of the Federal Tax Service of Russia. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (accessed on 01/04/2025). (In Russ.).

26. RANEPA sociological survey: there are about 17 million self-employed people in Russia - a quarter of the working population. URL: https://prim.ranepa.ru/news/novosti_510.html (date of access 05.01.2025). (In Russ.).

27. OECD. Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing, Paris, 2019. 222 p.

28. Report of the XVII International Conference of Labour Statisticians. Geneva, 2003. 154 p. URL: <https://webapps.ilo.org/public/english/standards/relm/gb/docs/gb289/pdf/icls-17.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

Информация об авторе

В. В. Мосейко – канд. экон. наук, доцент ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the author

V. V. Moseiko – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the INOTEKU of the Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 25.02.2025.

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 98-115.
Baltic Economic Journal. 2025. No. 1(49). P. 98-115.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338:331

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-1-98-115

Оценка технологических факторов цифровой трансформации рыбохозяйственной экономики

Оксана Геннадьевна Огий

ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет",

Калининград, Россия

oksana.ogij@klgtu.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования динамики процессов цифровизации основных секторов рыбохозяйственной экономики: рыболовства, рыбоводства и переработки водных биологических ресурсов. Методической основой выступают специально сформированные показатели и рассчитанные по ним тематические субиндексы. Сопоставительный анализ с их значениями, рассчитанными для экономики в целом, позволил определить уровень рыбохозяйственного комплекса в использовании сквозных цифровых технологий и программных средств управления бизнес-процессами. Представлены результаты анализа препятствий в использовании цифровых технологий, с которыми сталкиваются рыбопромышленные предприятия. Определено воздействие цифровых технологий на различные аспекты эффективности их деятельности. Даны краткие рекомендации по повышению результативности цифровизации с целью обеспечения эффективности цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, отраслевая экономика, цифровые технологии, управление бизнес-процессами, рыбохозяйственный комплекс

Для цитирования: Огий О. Г. Оценка технологических факторов цифровой трансформации рыбохозяйственной экономики // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 98-115. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-98-115>

**Assessment of technological factors of digital transformation
of fisheries economy**

Oksana G. Ogiy

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

oksana.ogij@klgtu.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the dynamics of digitalization processes in the main sectors of the fisheries economy: fisheries, fish farming and processing of aquatic biological resources. The methodological basis is specially formed indicators and thematic subindices calculated based on them. A comparative analysis with their values calculated for the economy as a whole made it possible to determine the level of the fisheries complex in the use of end-to-end digital technologies and business process management software. The article presents the results of an analysis of obstacles in the use of digital technologies faced by fishing enterprises. The impact of digital technologies on various aspects of their performance is determined. Brief recommendations are given for improving the effectiveness of digitalization in order to ensure the effectiveness of digital transformation.

Keywords: digitalization, digital transformation, industry economics, digital technologies, business process management, fisheries complex

For citation: Ogiy O. G. Assessment of technological factors of digital transformation of fisheries economy // Baltic Economic Journal. 2025;1(49):98-115. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-98-115>

Введение

Цифровая трансформация является сложным и всепроникающим явлением с масштабными и глубокими экономическими последствиями, которые могут сделать организации более успешными, но и стать источником проблем и неудач. Расширение спектра доступных цифровых технологий и их интенсивное обновление сделали цифровизацию неотъемлемой частью любой экономической деятельности, вне зависимости от её вида, отрасли или сектора реализации, и это обуславливает "всепроникающий" характер цифровой трансформации.

Сложность этого процесса детерминирована множественностью и разнородностью влияющих факторов. Это технологические и производственные факторы [1, 2]; качество бизнес-процессов и организационная структура [3]; организационная культура и лидерство [4, 5]; стратегия и качество менеджмента [6, 7]; человеческий капитал и готовность к инновациям [8-10].

По оценкам экспертов BCG [11] и других исследователей [12], не более 30 % компаний успешно осуществляют цифровую трансформацию.

Цифровая трансформация открывает большие возможности для более успешной реализации рыночной стратегии и бизнес-модели компаний, оптимизации организационной структуры и совершенствования операционных

процессов [13-15]. Она повышает эффективность работы, а также способствует сокращению сроков и повышению прозрачности поставок. Принимаемые управленческие решения становятся более обоснованными, поскольку опираются на большие массивы данных, анализ которых позволяет прогнозировать результативность, выявлять закономерности и определять направления оптимизации [16, 17].

Возможность оставаться конкурентоспособными в условиях интенсивного технологического развития зависит от способности бизнеса интегрировать цифровые технологии в свои стратегии [16, 18].

Вместе с тем, цифровая трансформация сопряжена с проблемами сопротивления изменениям; недостаточности цифровых навыков и компетенций руководства и персонала; готовности к инновациям и постоянному обучению [19, 20] и рискам [21-23]. Компании, потерпевшие неудачу, как правило, концентрировались только на цифровизации, не учитывая, что технологии являются предпосылкой цифровой трансформации. Для получения выгод от неё нужно работать с целой системой факторов [24].

Рыболовство и аквакультура – довольно значимые сегменты мировой экономики и продовольственной безопасности, а их цифровизация сформировала довольно мощный тренд развития мирового агропромышленного комплекса. Только в Европе, согласно дайджесту рыболовства и аквакультуры ФАО, реализуется около 30 крупных проектов цифровизации для обеспечения устойчивого рыболовства.

Сегодня в промышленно развитых странах цифровые технологии рыболовства и аквакультуры представлены интеллектуальными системами кормления рыбы, мониторинга водной среды. Используются цифровые двойники для моделирования систем аквакультуры, биоинформационные технологии для геномных исследований рыб, водная робототехника для мониторинга в индустриальном рыболовстве и марикультуре. Неоценимое значение для управления рыболовством и водными ресурсами имеют дистанционное зондирование и геоинформационные системы (ГИС). Спутниковые снимки и другие инструменты ГИС помогают составлять карты, осуществлять мониторинг важнейших местообитаний, отслеживать изменения качества воды и оценивать последствия изменения климата [25]. Алгоритмы машинного обучения нашли применение в изучении закономерностей в поведении рыб, помогая на ранних стадиях выявлять болезни. Прогнозная аналитика, основанная на искусственном интеллекте, используется для прогнозирования характера роста рыбы, вспышек болезней, а также рыночных тенденций рыбохозяйственной экономики [25, 28]. Блокчейн позволяет регистрировать и формировать реестр транзакций от промыслового судна до "тарелки", обеспечивая прозрачность всей цепочки поставок, и получать данные

о ННН-промышлене¹ [26, 27], снижении транзакционных издержек финансирования рыбохозяйственной деятельности [28]. Облачные платформы открыли масштабные возможности для хранения, обработки и анализа множества собираемых из различных источников данных для принятия более обоснованных управленческих решений [29].

Стратегия развития отечественного агропромышленного и рыбохозяйственного комплекса, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2567-р, обозначает в качестве одной из стратегических целей "Цифровую трансформацию", предусматривающую создание единой цифровой платформы АПК и РХК; Ситуационного цифрового центра; приближение мониторинговых мероприятий к режиму "в реальном времени"; увеличение в 5 раз собираемых отраслевых показателей с 20 000 в 2025 году до 100 000 к 2030 году. Позиционирование цифровой трансформации как одной из национальных целей свидетельствует о признании на государственном уровне важности этого процесса в развитии экономики. Однако очевидно и то, что без глубокой вовлеченности рыбохозяйственного бизнеса эта цель недостижима.

Реализация внутрифирменных политик по использованию цифровых технологий является ключевым фактором цифровой трансформации рыбохозяйственного комплекса, а на прибрежных территориях, где рыболовство является основным сектором экономики, – еще и региональных экономических систем. Представляется актуальным исследование уровня цифровизации и характера использования цифровых технологий предприятиями основных секторов рыбохозяйственной экономики. Также отметим, что проблемы, с которыми в ходе цифровизации сталкиваются предприятия рыбохозяйственного комплекса, остаются недостаточно изученными.

В этой работе представлены результаты анализа трехлетней динамики с сопоставлением со среднероссийским уровнем ряда параметров, характеризующих содержание и активность цифровизации предприятий основных секторов рыбохозяйственной экономики: промышленного рыболовства, рыбоводства и переработки ВБР. Показатели и индексы рассчитаны по данным официальной статистики по разделу "Цифровые технологии" и отчетности организаций по форме ФСН 3-информ "Сведения об использовании цифровых технологий и производства связанных с ними товаров и услуг" за 2021, 2022, 2023 годы². Исследование проводилось при помощи специально сформированных тематических индексов, характеризующих ключевые факторы цифровизации. Более подробно с методикой можно ознакомиться в источнике [30].

¹ Незаконный, несообщаемый и нерегулируемый промысел.

² Доступны в электронном виде на официальном сайте Росстата по ссылке <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>

Использование сквозных цифровых технологий

Цифровизация – это процесс, основывающийся на оцифровке данных и использовании цифровых технологий. Она является необходимым этапом, предшествующим цифровой трансформации [6, 31], и во многом характеризует её и определяет потенциал успешности. Сегодня более 85 % всей мировой цифровой экономики приходится на промышленную цифровизацию [17].

Отечественный рыбохозяйственный комплекс является важным промышленным сегментом экономики. Высокий уровень технологичности производственных процессов свойствен всем его секторам: промышленному рыболовству, товарной аквакультуре и переработке ВБР. Поэтому анализ интенсивности их цифровизации, с последующим сравнением с общероссийскими показателями, позволит оценить её внутриотраслевую динамику, позицию РХК в национальной цифровой экономике, а также определить степень готовности к цифровой трансформации.

С этой целью были рассчитаны показатели (таблица 1), характеризующие использование сквозных цифровых технологий за период с 2021 по 2023 г. по статистике ОКВЭД 2: 114.АГ (экономика в целом – ЭЦ), 03.1 (рыболовство – РЛ), 03.2 (рыбоводство – РВ), 10.2 (переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков – ПК).

Таблица 1 – Динамика значений показателей использования сквозных технологий цифровой экономики по основным секторам РХК

Table 1 – Dynamics of the values of indicators of the use of end-to-end (cross-cutting) digital technologies in the main sectors of the fishing complex

Показатель	Сектор	2021	2022	2023
1	2	3	4	5
Удельный вес организаций, использующих:				
цифровые платформы	РЛ	0,056	0,082	0,141
	РВ	0,061	0,045	0,088
	ПК	0,088	0,086	0,204
	ЭЦ	0,180	0,187	0,213
технологии сбора, обработки и анализа больших данных	РЛ	0,386	0,309	0,141
	РВ	0,190	0,130	0,068
	ПК	0,365	0,374	0,197
	ЭЦ	0,315	0,381	0,190
технологии искусственного интеллекта	РЛ	0,033	0,036	0,041
	РВ	0,007	0,013	0,014
	ПК	0,036	0,115	0,044
	ЭЦ	0,069	0,083	0,062
облачные сервисы	РЛ	0,381	0,314	0,327
	РВ	0,252	0,240	0,354
	ПК	0,307	0,381	0,292
	ЭЦ	0,331	0,362	0,332
интернет вещей	РЛ	0,149	0,091	0,127
	РВ	0,102	0,091	0,095
	ПК	0,139	0,158	0,175
	ЭЦ	0,167	0,125	0,139

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
технологии радиочастотной идентификации объектов (rfid)	РЛ	0,153	0,105	0,100
	РВ	0,109	0,058	0,082
	ПК	0,117	0,129	0,139
	ЭЦ	0,144	0,120	0,113
цифровые двойники	РЛ	0,023	0,005	0,014
	РВ	0,007	0,006	0,001
	ПК	0,044	0,029	0,036
	ЭЦ	0,017	0,016	0,018
промышленных роботов / автоматизированные линии	РЛ	0,060	0,059	0,077
	РВ	0,014	0,006	0,027
	ПК	0,131	0,165	0,161
	ЭЦ	0,054	0,033	0,034
аддитивные технологии	РЛ	0,019	0,014	0,018
	РВ	0,014	0,006	0,048
	ПК	0,044	0,036	0,051
	ЭЦ	0,018	0,017	0,023

Согласно данным таблицы 1, наиболее используемой цифровой технологией как в рыбохозяйственном комплексе, так и в России в целом, являются облачные сервисы, которые в среднем использует около трети всех предприятий. В анализируемый период росла популярность цифровых платформ, а технологии работы с большими данными, напротив, стали использоваться меньшим количеством предприятий. Наименее используемыми цифровыми технологиями в рыбохозяйственном комплексе и в целом по экономике являются цифровые двойники, промышленные роботы и аддитивные технологии. Наблюдается рост интереса к платформенным решениям, облачным сервисам и интернету вещей, хотя в целом уровень использования цифровых технологий остается низким. Следует отметить, что по уровню цифровизации госуправления Россия входит в топ-10 стран по рейтингу Всемирного банка GovTech Maturity Index¹, в то время как цифровизация бизнеса, как мы видим, пока значительно уступает.

Для более точного сопоставительного анализа динамики рассчитанные показатели были нормированы при помощи минимаксной нормализации, после чего был вычислен субиндекс "Использование сквозных технологий цифровой экономики" в каждом рассматриваемом году по всем исследуемым секторам по формуле (1):

$$I^s = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \frac{\tilde{x}_i^s - \tilde{x}_i^{\min}}{\tilde{x}_i^{\max} - \tilde{x}_i^{\min}}, \quad (1)$$

где I^s – субиндекс s -го сектора рыбохозяйственной экономики; n – число показателей, отнесённых к субиндексу; \tilde{x}_i^s – значение i -го показателя в s -м секторе; \tilde{x}_i^{\max} – максимальное значение i -го показателя, отнесённого к

¹ Дашборд доступен по адресу: <https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2022/10/21/govtech-maturity-index-gtmi-data-dashboard>

субиндексу; \tilde{x}_i^{\min} – минимальное значение i -го показателя, отнесённого к субиндексу.

Сравнительная динамика субиндекса "Использование сквозных технологий цифровой экономики" представлена на рисунке 1.

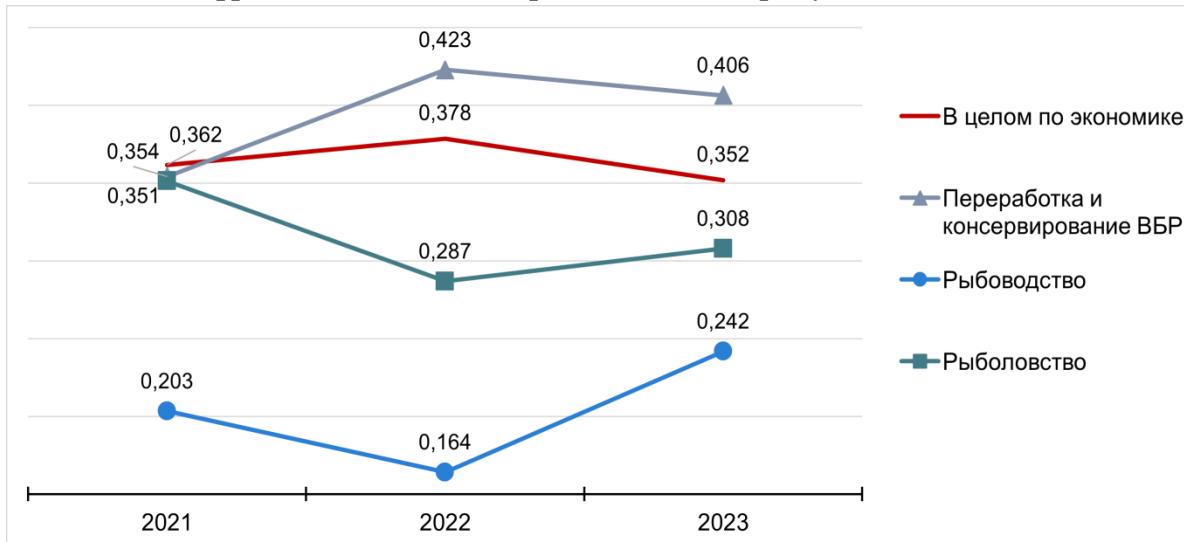

Рисунок 1 – Динамика значений субиндекса "Использование сквозных технологий цифровой экономики"

Figure 1 – Dynamics of the values of the subindex "Use of end-to-end (cross-cutting) digital technologies"

Наиболее интенсивно сквозные цифровые технологии используются предприятиями сектора переработки ВБР, которые в 2022 и 2023 годах продемонстрировали уровень выше среднероссийского. Интенсивность использования цифровых технологий в промышленном рыболовстве снизилась к концу 2023 года и имеет значение ниже, чем в среднем по экономике. В секторе рыбоводства самый низкий уровень использования цифровых технологий. Вместе с тем, его динамику можно считать положительной на фоне обнадеживающей наметившейся тенденции к росту.

Цифровизация управления производством и бизнес-процессами

Не менее важное значение, чем технологии, для цифровой трансформации имеет цифровизация управления производством и организации бизнес-процессов [5, 6, 16]. Для этих целей используются специализированные программные средства: CRM, ERP, SCM, PLM/PDM CAD/CAE/CAM¹ системы, а также программное обеспечение для продажи товаров (работ, услуг) по Интернету, другим ГИС. Для оценки уровня цифровизации управления

¹ CRM (Customer Relationship Management) – управление взаимоотношениями с клиентами; ERP (Enterprise Resource Planning) – система автоматизированного управления ресурсами и бизнес-процессами организации; SCM (Supply Chain Management) – система автоматизированного управления поставками; PLM (Product Lifecycle Management)/ PDM (Product Data Management) – автоматизированное управление жизненным циклом продукции/данными о продукции (изделии); CAD (Computer Aided Design)/CAE (Computer-Aided Engineering)/CAM (Computer-Aided Manufacturing) – системы автоматизации проектирования, подготовки и управления технологическими процессами и производствами.

производством и бизнес-процессами в рыбохозяйственном комплексе мы определили удельный вес предприятий, использующих специализированные программные средства (таблица 2), и рассчитали значение субиндекса "Цифровизация управления производством и бизнес-процессами" в каждом анализируемом году по формуле (1).

Таблица 2 – Динамика значений показателей цифровизации управления производством и бизнес-процессами по основным секторам РХК

Table 2 – Dynamics of digitalization indicators for production and business process management in the main sectors of the fishing complex

Показатель	Сектор	2021	2022	2023
Удельный вес организаций:				
использующих CRM-системы	РЛ	0,065	0,208	0,186
	РВ	0,012	0,168	0,129
	ПК	0,099	0,222	0,226
	ЭЦ	0,200	0,322	0,258
использующих ERP-системы	РЛ	0,136	0,301	0,236
	РВ	0,035	0,168	0,122
	ПК	0,225	0,333	0,292
	ЭЦ	0,206	0,322	0,255
использующих SCM-системы	РЛ	0,082	0,235	0,177
	РВ	0,012	0,150	0,122
	ПК	0,054	0,205	0,190
	ЭЦ	0,073	0,210	0,153
использующих PLM/PDM-системы	РЛ	0,043	0,186	0,141
	РВ	0,002	0,142	0,109
	ПК	0,054	0,188	0,175
	ЭЦ	0,053	0,166	0,118
использующих CAD/CAE/CAM/CAO-системы	РЛ	0,109	0,235	0,205
	РВ	0,024	0,133	0,109
	ПК	0,081	0,205	0,175
	ЭЦ	0,150	0,249	0,193
осуществляющих продажу товаров (работ, услуг) по Интернету, другим ГИС	РЛ	0,149	0,323	0,368
	РВ	0,048	0,182	0,305
	ПК	0,226	0,453	0,583
	ЭЦ	0,201	0,374	0,467

Следует отметить, что за анализируемый период во всех секторах рыбохозяйственного комплекса, и в экономике в целом, выросла доля предприятий, которые продают свои товары, работы, услуги с использованием Интернета (таблица 2). В секторе переработки ВБР доля таких компаний приближается к 60 %. Наиболее распространенными программными средствами являются CRM- и ERP-системы. В секторе рыболовства к ним добавляются еще CAD/CAE/CAM/CAO-системы, что, вероятно, вызвано масштабной модернизацией рыбопромыслового флота и портово-причальной инфраструктуры.

Вместе с тем, уровень программной автоматизации процессов управления остается низким, и с 2021 года снижался во всех исследуемых сегментах, кроме аквакультуры (рисунок 2).

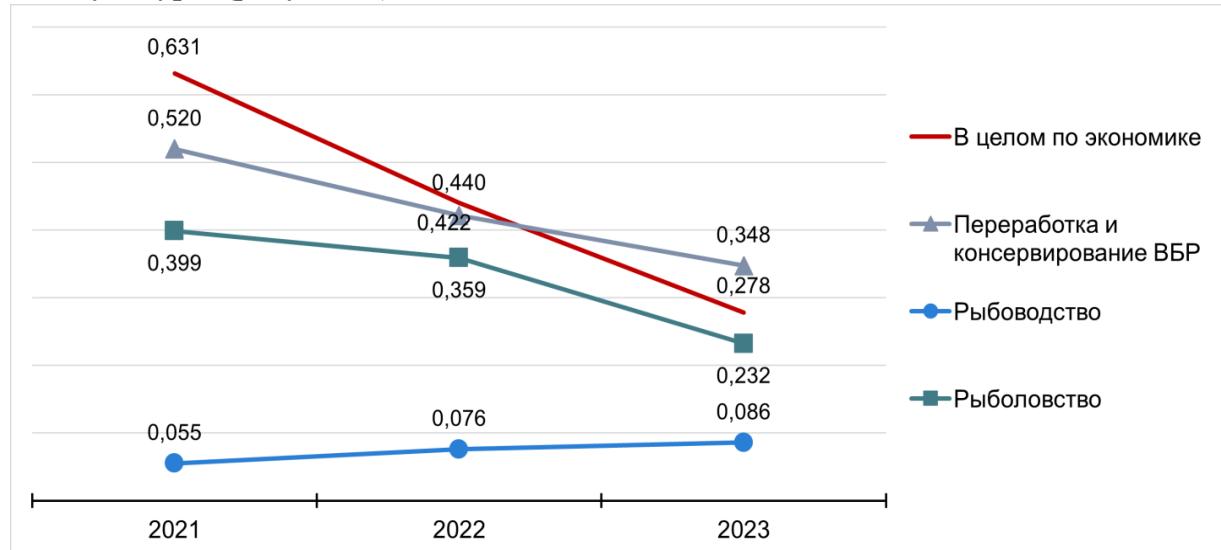

Рисунок 2 – Динамика значений субиндекса "Цифровизация управления производством и бизнес-процессами"

Figure 2 – Dynamics of the values of the subindex "Digitalization of production and business process management"

На графиках рисунка 2 видно, как пик (2021 г.) цифрового "пандемийного бума", когда без программного обеспечения многие процессы не могли исполняться (локдаун, ограничительные режимы, дистанционная работа и др.), сменился ниспадающим трендом. Особенно эта тенденция проявляется в снижении в 2,3 раза общекономического значения субиндекса. В меньшей степени снизилась цифровизация управления производством и бизнес-процессами у "переработчиков" – в 1,5 раза, в секторе промышленного рыболовства – в 1,7 раза. В рыбоводном секторе, где её уровень является очень низким, наблюдаем растущий тренд, вызванный скорее инерцией интенсивно растущего рынка товарной аквакультуры, где наращивание производственных мощностей и структурное увеличение рынка механически вызывают рост сопутствующих показателей, в данном случае удельный вес предприятий, использующих специализированное программное обеспечение.

Вместе с тем, на фоне общего снижения интенсивности цифровизации бизнес-процессов мы регистрируем рост активности рыбохозяйственных предприятий в сфере цифровой дистрибуции. Ранее мы отметили устойчивый рост продаж по Интернету, с использованием веб-сайтов, EDI-систем (таблица 2). Целесообразно проанализировать структурный характер реализации такого "цифрового посредничества".

На рисунке 3 представлен результат оценки распределения организаций по интенсивности использования Интернета, веб-сайтов, EDI-систем как цифровых посредников в продажах. Дополнительно в качестве бэнчмарка мы добавили в выборку данные по предприятиям, занимающимся оптовой

торговлей рыбой и морепродуктами, распределение которых послужит ориентиром для сравнения.

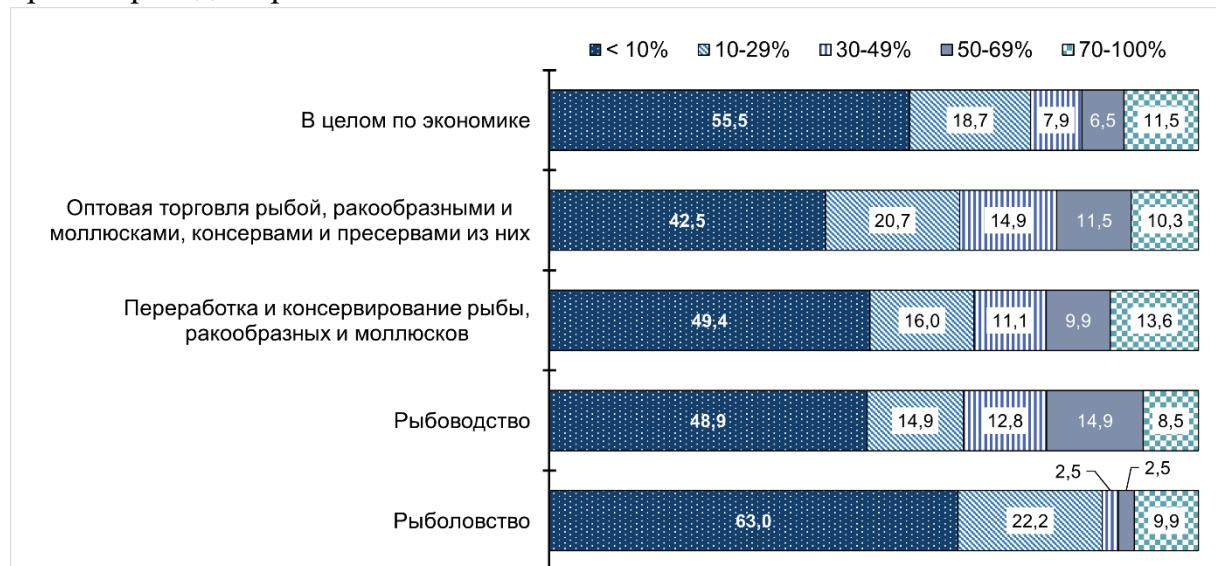

Рисунок 3 – Распределение организаций, осуществлявших продажу товаров (работ, услуг) по заказам, переданным (полученным) по Интернету, с использованием веб-сайтов, EDI-систем, по доле таких продаж, %

Figure 3 – Distribution of organizations that sold goods (works, services) by orders sent (received) via the Internet, using websites, EDI systems, by share of such sales, %

Как видно из рисунка 3, в сфере цифровой дистрибуции лидирующие позиции занимают сектор рыбоводства и переработчики ВБР. Структура их распределения по доле продаж с цифровым посредничеством соответствует структуре предприятий оптовой торговли. Уровень интенсивности их цифровой дистрибуции выше, чем в целом по экономике. Следует отметить, что доля предприятий с высоким уровнем использования цифрового посредничества (доля продаж от 70 до 100 %) во всех исследуемых секторах и в целом по экономике различается незначительно и колеблется от 8,5 до 13,6 %. Даже в секторе с самым низким уровнем цифрового взаимодействия с потребителем – рыболовстве 9,9 % предприятий 70-100 % своих продаж осуществляют через цифровых посредников. Таким образом, вне зависимости от вида и специализации экономической деятельности, доля предприятий – лидеров цифровой дистрибуции приблизительно одинакова.

Препятствия цифровизации и воздействие на эффективность

Анализ использования цифровых технологий и программных средств для управления бизнес-процессами показал невысокий уровень цифровизации предприятий рыбохозяйственного комплекса. Это, в свою очередь, делает актуальной задачу поиска причин такого положения и возможных барьеров цифровой трансформации отрасли, поскольку без высокого уровня использования цифровых технологий, активной цифровизации успешная цифровая трансформация невозможна [1, 6].

На рисунке 4 представлена оценка предприятиями основных секторов рыбохозяйственного комплекса препятствий в использовании топ-3 цифровых технологий: анализа больших данных, искусственного интеллекта, интернета вещей, а также других цифровых технологий.

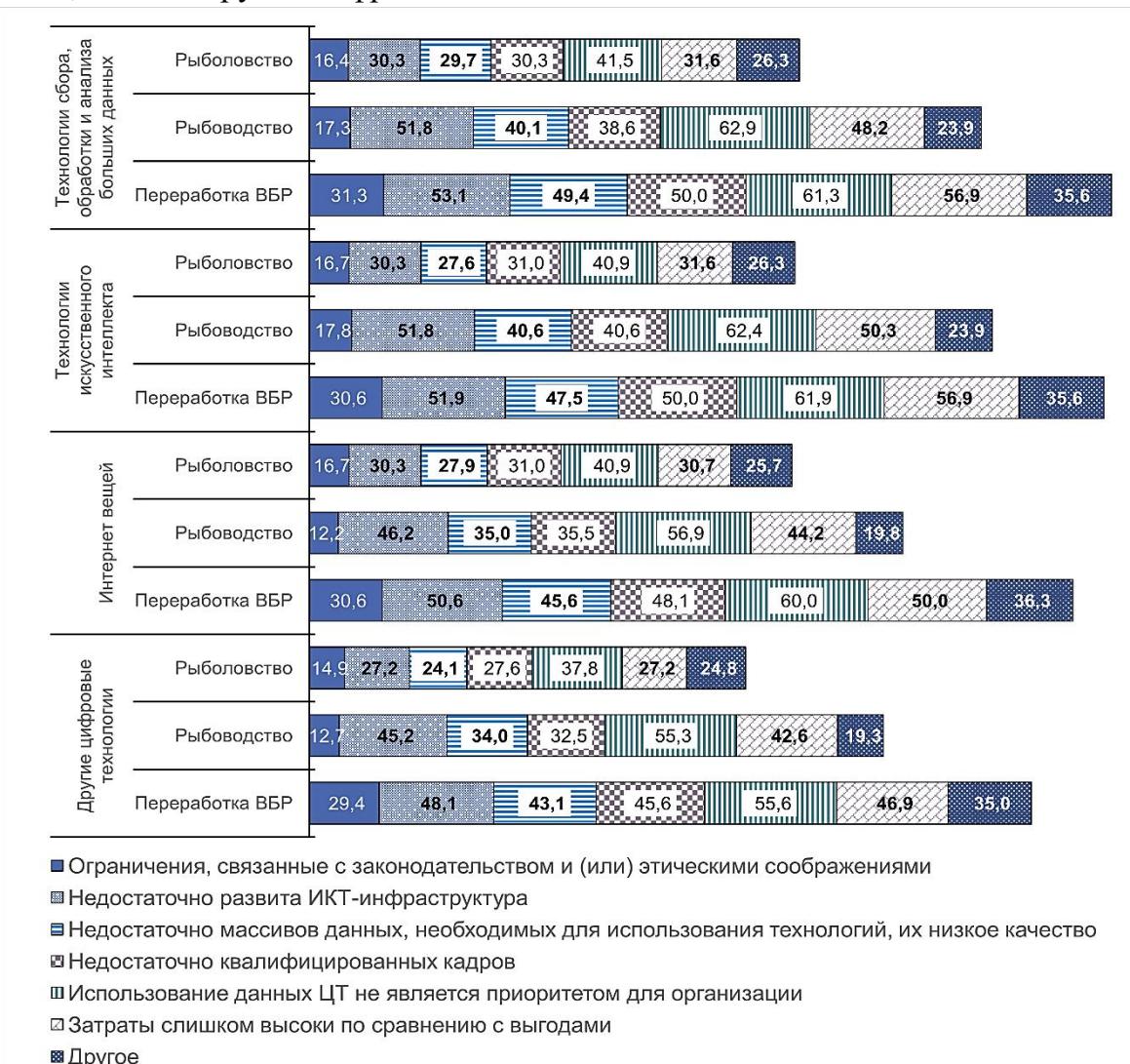

Рисунок 4 – Препятствия для использования цифровых технологий рыболовственными организациями, %¹
Figure 4 – Barriers to the use of digital technologies by fisheries organizations, %

Вне зависимости от вида технологии, наиболее часто во всех трех рыбохозяйственных секторах препятствием цифровизации является то, что использование цифровых технологий не является приоритетом для организации, а значит, отсутствует как элемент её стратегии. Также препятствием выступает неэффективность затрат, которые, по мнению половины переработчиков и рыбоводов и трети рыбаков, слишком высоки в сравнении с выгодами от

¹ Для сравнения секторов между собой и определения сектора с наибольшими барьерами результаты оценки препятствий не приравнивались к 100 % (по каждому препятствию рассчитывалась доля в секторе), и для интерпретации использовалась линейчатая диаграмма с накоплением.

внедрения цифровых технологий, при этом все они отмечают неразвитость ИКТ-инфраструктуры. Такая ситуация не является спецификой отечественного рыболовства. Ряд исследований подтверждает [13, 17], что эффект масштаба существенно влияет на эффективность инвестиций в цифровизацию и успешность цифровой трансформации. Примечательно, что самый активный в цифровизации сектор рыбохозяйственной экономики – переработчики ВБР наиболее часто сталкивается с препятствиями.

Для оценки воздействия рассматриваемых групп цифровых технологий на эффективность деятельности предприятий рыбохозяйственного комплекса был рассчитан индекс воздействия по формуле:

$$I_{impact} = \frac{(+1)a + (0)b + (-1)c}{N} = \frac{a - c}{N}, \quad (2)$$

где a – число отраслевых предприятий, указавших на "положительное воздействие" технологии; b – число предприятий, указавших "отсутствие воздействия"; c – число предприятий, указавших "отрицательное воздействие"; N – общее число предприятий.

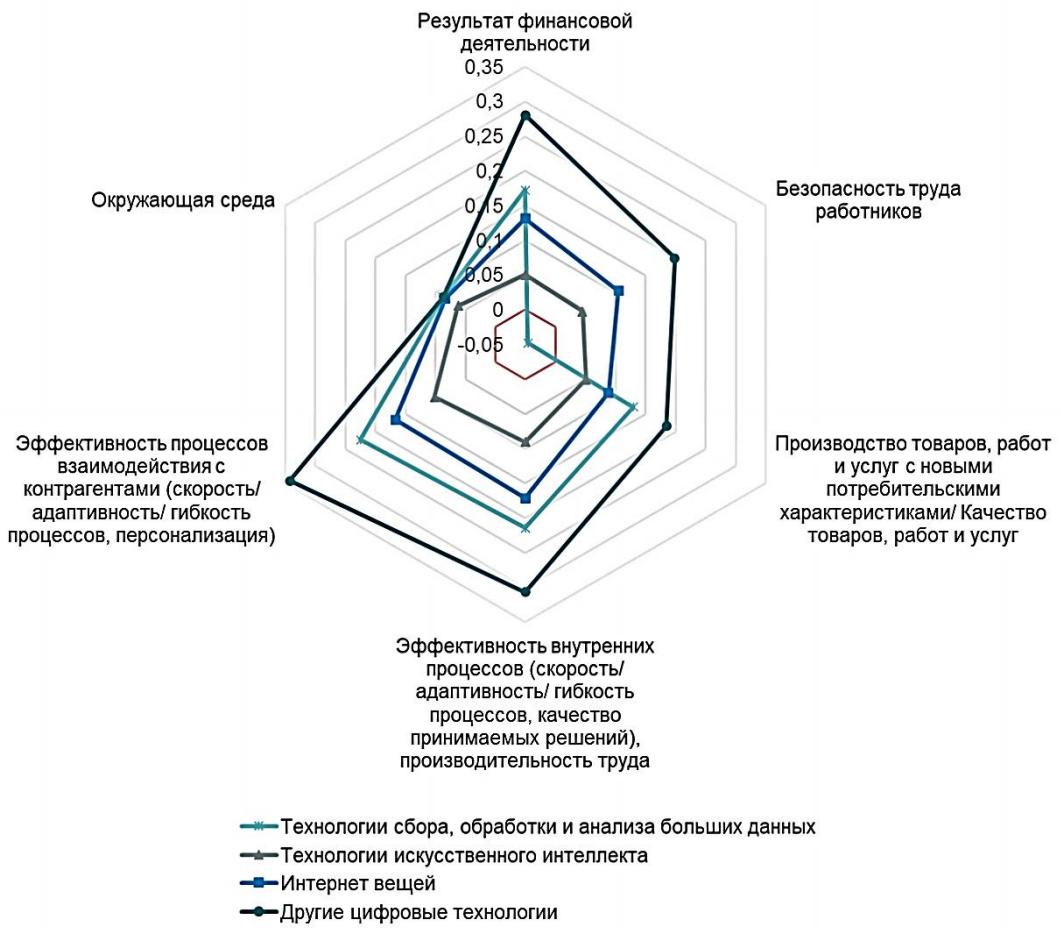

Рисунок 5 – Воздействие цифровых технологий на предприятия рыболовства

Figure 5 – Impact of digital technologies on fisheries enterprises

В целом воздействие цифровых технологий на различные аспекты эффективности рыболовственных предприятий довольно слабое – все

значения ниже 0,35 при $I_{max}=1$ (рисунок 5). Наименьшее положительное влияние оказывают технологии искусственного интеллекта. Наибольшее положительное воздействие цифровые технологии оказывают на эффективность взаимодействия с контрагентами, качество внутренних процессов и производительность, а также на финансовые результаты. Отрицательное воздействие на деятельность рыбопромышленников в контексте безопасности труда работников оказывают технологии сбора, обработки и анализа данных (-0,457). Наименее чувствительными сферами рыбохозяйственного комплекса для воздействия цифровых технологий являются окружающая среда, а также потребительские свойства и качество продукции.

Заключение

Цифровизация является важным этапом, предшествующим цифровой трансформации. Проявляя себя в доступных для наблюдения сферах: в использовании цифровых технологий и специальных программных средств, в рыбохозяйственной деятельности она остается довольно слабо исследованной. Недостаточно эмпирических данных, которые позволили бы более точно и глубоко определить характер, интенсивность и результативность цифровизации отрасли, оценивать её динамику и формировать прогнозы.

Анализ динамики основных секторов рыбохозяйственной экономики и её сопоставление с экономикой в целом позволяют сделать вывод, что большинство рыбохозяйственных компаний вне зависимости от вида деятельности находится на ранних стадиях цифровизации. Небольшие компании обладают более низким ИТ-опытом. Даже наиболее передовой в цифровизации сектор рыбохозяйственной экономики – переработчики ВБР, достигнув уровня использования цифровых технологий, превышающего среднероссийский, сталкивается со многими препятствиями на фоне слабого воздействия цифровизации на эффективность деятельности.

Для рыбохозяйственного комплекса интеграция цифровых технологий, даже на уровне предприятия, все еще остается сложной задачей и требует изменения внутренней среды, более активных внешних связей. На отраслевом уровне существенными барьерами могут стать диспропорциональность цифровизации, слабая связность в процессах цифровой трансформации, а также низкий уровень согласованности технологий и стратегий. Возможность мониторинга всей отраслевой системы является важным фактором для проектирования и управления процессами цифровизации, поэтому комплексная система управления информацией становится насущной потребностью.

Как уже отмечалось, цифровизация является важным процессом цифровой трансформации, но не единственным фактором, влияющим на нее. Поэтому исследования в области организации, стратегии, человеческого капитала, эффективности затрат необходимы для повышения результативности цифровой

трансформации и её влияния на эффективность всех видов рыбохозяйственной деятельности.

Список источников

1. Цифровая трансформация: ожидания и реальность: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский [и др.]. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 221 с.
2. Rowan N. J. The role of digital technologies in supporting and improving fishery and aquaculture across the supply chain – Quo Vadis? // Aquaculture and Fisheries. 2023;8,4:365-374.
3. Mikalef P., Parmiggiani E. Digital Transformation in Norwegian Enterprises. -Springer International Publishing, 2022. 196 p.
4. Mittal S., Khan M. A., Romero D., Wuest T. Building blocks for adopting smart manufacturing // 47th SME North American Manufacturing Research Conference. 2019;34:978–985.
5. Schumacher A., Nemeth T., Sihn W. Road mapping towards industrial digitalization based on an Industry 4.0 maturity model for manufacturing enterprises // 12th CIRP Conference on Intelligent Computation in Manufacturing Engineering. 2019;79:409–414.
6. Henderson J. C., Venkatraman N. Strategic Alignment: A Model for Organizational Transformation via Information Technology // Information Technology and the Corporation of the 1990s: Research Studies. New York, 1994. P. 202–220.
7. Matt C., Hess T., Benlian A. Digital transformation strategies // Business and Information Systems Engineering. 2015;57(5):339–343.
8. Obermayer N., Csizmadia T., Banász Z. Companies on Thin Ice Due to Digital Transformation: The Role of Digital Skills and Human Characteristics // International and Multidisciplinary Journal of Social Sciences. 2022;11(3):88-118.
9. Огий О. Г., Каева А. И. Организационно-экономические факторы формирования будущего человеческого капитала рыбохозяйственного комплекса// Балтийский экономический журнал. 2024. № 4(48). С. 73-89.
10. Smith R. R. Building digital-ready culture // People Matters. 2021. Available at: https://ink.library.smu.edu.sg/lkcsb_research/6860
11. BCG's Approach to Driving a Digital Transformation. Available at: <https://www.bcg.com/capabilities/digital-technology-data/digital-transformation/overview>
12. Akkerman D. Digital Transformation: What's in It for Your Business? // PECB Insights. 2021. Available at: <https://insights.pecb.com/digital-transformation-whats-for-your-business>

13. Critical factors affecting digital transformation in manufacturing companies / K. Chirumalla, P. Oghazi, R. E. Nnewuku [et al.] // International Entrepreneurship and Management Journal. 2025;21:54.
14. Copestake A., Estefania-Flores J., Furceri D. Digitalization and Resilience // IMF Working Paper. International Monetary Fund, 2022. 52 p.
15. Digital transformation: what is new if anything? Emerging patterns and management research / G. Lanzolla, A. Lorenz, E. Miron-Spektor [et al.] // Academy of Management Discoveries. 2020;6(3):341-350.
16. Schilirò D. Digital Transformation and its Impact on Organizations // International Journal of Business and Management. 2024;19,6:71-81.
17. Sun L., Zhang L., Jiang Q., Zhao Z. Digitalization and Operational Efficiency in Fisheries: Evidence from China // Israeli Journal of Aquaculture-Bamidgeh. 2024;76(4):157-168.
18. Saarikko T., Westergren U. K., Blomquist T. Digital transformation: Five recommendations for the digitally conscious firm // Business Horizon. 2020; 63(6):825-839.
19. Sanders A., Elangeswaran C., Wulfsberg J. Industry 4.0 implies lean manufacturing: Research activities in industry 4.0 function as enablers for lean manufacturing // Journal of Industrial Engineering and Management. 2016;9(3):811–833.
20. Kane G. The technology fallacy: People are the real key to digital transformation // Research-Technology Management. 2019;62(6):44–49.
21. Городнова Н. В. Оценка и минимизация рисков человека в цифровой среде // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 7. С. 1977-1994.
22. Труба А. С., Братарчук Т. В. Тенденции, возможности и риски цифровизации в современных условиях // Инновации и инвестиции. 2024. № 5. С. 202-204.
23. Янченко Е. В. Гиг-экономика: риски прекаризации занятости // Экономика труда. 2022. № 5. С. 909-930.
24. Vogelsang K., Liere-Netheler K., Packmohr S., Hoppe U. Success factors for fostering a digital transformation in manufacturing companies // Journal of Enterprise Transformation. 2018;8(1-2):121–142.
25. Information Technology in Fisheries and Aquaculture ? Ed. by Parvaiz Ahmad Ganie, Ravindra Posti Pramod Kumar Pandey. Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2025. 293 p.
26. Larissa S., Parung J. Designing supply chain models with blockchain technology in the fishing industry in Indonesia // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2021;1072.
27. Blockchain and big data integration design for traceability and carbon footprint management in the fishery supply chain / A. Alwi, N. A. Sasongko, R. Saputra [et al.] // Egyptian Informatics Journal. 2024;26.

28. Chung K. H. Y, Adriaens P. Blockchain Technology for Pay-For-Outcome Sustainable Agriculture Financing: Implications for Governance and Transaction Costs // Environmental Research Communications. 2024;6.
29. Langmead B., Nellore A. Cloud computing for genomic data analysis and collaboration // Nature Reviews Genetics. 2018;19(4):208-219.
30. Огий О.Г. Интегральная оценка цифровой трансформации основных секторов рыбохозяйственной экономики // Труды ВНИРО. 2024. Вып. 198(1). С. 148-159.
31. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda / P. C. Verhoef, Th. Broekhuizen, Y. Bart [et al.] // Journal of Business Research. 2021;122:889-901.

References

1. Digital transformation: expectations and reality: report to the XXIII Yasin (April) international scientific conference on the problems of economic and social development, Moscow, 2022 / G. I. Abdrakhmanova, S. A. Vasilkovsky, K. O. Vishnevsky [et al.]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2022. 221 p. (In Russ.).
2. Rowan N. J. The role of digital technologies in supporting and improving fishery and aquaculture across the supply chain – Quo Vadis? // Aquaculture and Fisheries. 2023;8,4:365-374.
3. Mikalef P., Parmiggiani E. Digital Transformation in Norwegian Enterprises. -Springer International Publishing, 2022. 196 p.
4. Mittal S., Khan M. A., Romero D., Wuest T. Building blocks for adopting smart manufacturing // 47th SME North American Manufacturing Research Conference. 2019;34:978–985.
5. Schumacher A., Nemeth T., Sihn W. Road mapping towards industrial digitalization based on an Industry 4.0 maturity model for manufacturing enterprises // 12th CIRP Conference on Intelligent Computation in Manufacturing Engineering. 2019;79:409–414.
6. Henderson J. C., Venkatraman N. Strategic Alignment: A Model for Organizational Transformation via Information Technology // Information Technology and the Corporation of the 1990s: Research Studies. New York, 1994. P. 202–220.
7. Matt C., Hess T., Benlian A. Digital transformation strategies // Business and Information Systems Engineering. 2015;57(5) ;339–343.
8. Obermayer N., Csizmadia T., Banász Z. Companies on Thin Ice Due to Digital Transformation: The Role of Digital Skills and Human Characteristics // International and Multidisciplinary Journal of Social Sciences. 2022;11(3):88-118.
9. Ogiy O. G., Kaeva A. I. Organizational and economic factors in the formation of future human capital of the fisheries complex// Baltic Economic Journal. 2024;4(48):73-89. (In Russ).

10. Smith R. R. Building digital-ready culture // People Matters. 2021. Available at: https://ink.library.smu.edu.sg/lkcsb_research/6860
11. BCG's Approach to Driving a Digital Transformation. Available at: <https://www.bcg.com/capabilities/digital-technology-data/digital-transformation/overview>
12. Akkerman D. Digital Transformation: What's in It for Your Business? // PECB Insights. 2021. Available at: <https://insights.pecb.com/digital-transformation-whats-for-your-business>
13. Critical factors affecting digital transformation in manufacturing companies/ K. Chirumalla, P. Oghazi, R. E. Nnewuku [et al.] // International Entrepreneurship and Management Journal. 2025;21:54.
14. Copestake A., Estefania-Flores J., Furceri D. Digitalization and Resilience // IMF Working Paper. International Monetary Fund, 2022. 52 p.
15. Digital transformation: what is new if anything? Emerging patterns and management research / G. Lanzolla, A. Lorenz, E. Miron-Spektor [et al.] // Academy of Management Discoveries. 2020;6(3):341-350.
16. Schilirò D. Digital Transformation and its Impact on Organizations // International Journal of Business and Management. 2024;19,6:71-81.
17. Sun L., Zhang L., Jiang Q., Zhao Z. Digitalization and Operational Efficiency in Fisheries: Evidence from China // Israeli Journal of Aquaculture-Bamidgeh. 2024;76(4):157-168.
18. Saarikko T., Westergren U. K., Blomquist T. Digital transformation: Five recommendations for the digitally conscious firm // Business Horizon. 2020; 63(6):825-839.
19. Sanders A., Elangeswaran C., Wulfsberg J. Industry 4.0 implies lean manufacturing: Research activities in industry 4.0 function as enablers for lean manufacturing // Journal of Industrial Engineering and Management. 2016;9(3):811–833.
20. Kane G. The technology fallacy: People are the real key to digital transformation // Research-Technology Management. 2019;62(6):44–49.
21. Gorodnova N. V. Assessment and minimization of human risks in the digital environment // Economy, entrepreneurship and law. 2022;12,7:1977-1994. (In Russ.).
22. Truba A. S., Bratarchuk T. V. Trends, opportunities and risks of digitalization in modern conditions // Innovations and investments. 2024;5:202-204. (In Russ.).
23. Yanchenko E. V. Gig economy: risks of employment precarization // Labor Economics. 2022;5:909-930. (In Russ.).
24. Vogelsang K., Liere-Netheler K., Packmohr S., Hoppe U. Success factors for fostering a digital transformation in manufacturing companies // Journal of Enterprise Transformation. 2018;8(1-2):121–142.

25. Information Technology in Fisheries and Aquaculture ? Ed. by Parvaiz Ahmad Ganie, Ravindra Posti Pramod Kumar Pandey. Springer Nature Singapore Pte Ltd. 2025. 293 p.
26. Larissa S., Parung J. Designing supply chain models with blockchain technology in the fishing industry in Indonesia // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2021;1072.
27. Blockchain and big data integration design for traceability and carbon footprint management in the fishery supply chain / A. Alwi, N. A. Sasongko, R. Saputra [et al.] // Egyptian Informatics Journal. 2024;26.
28. Chung K. H. Y, Adriaens P. Blockchain Technology for Pay-For-Outcome Sustainable Agriculture Financing: Implications for Governance and Transaction Costs // Environmental Research Communications. 2024;6.
29. Langmead B., Nellore A. Cloud computing for genomic data analysis and collaboration // Nature Reviews Genetics. 2018;19(4):208-219.
30. Ogiy O. G. Integrated assessment of digital transformation of key sectors of the fisheries economy // Trudy VNIRO. 2024;198(1):148-159. (In Russ.)
31. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda / P. C. Verhoef, Th. Broekhuizen, Y. Bart [et al.] // Journal of Business Research. 2021;122:889-901.

Информация об авторе

О. Г. Оги́й – канд. социол. наук, доцент, первый проректор ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the author

O. G. Ogiy – candidate of social. sciences, 1st Vice-Rector of FGBOU VO "Kalininingrad State Technical University".

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 06.02.2025; принята к публикации 08.02.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 06.02.2025; accepted for publication 08.02.2025.

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 116-133.
Baltic Economic Journal. 2025. No. 1(49). P. 116-133.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 351.713

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-1-116-133

Обобщение теоретико-прикладных аспектов процессов офшоризации региональной экономики

Леонид Иванович Сергеев¹,

Алексей Владимирович Самсонов²

^{1, 2} ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

¹ leonid.sergeev@klgtu.ru

² 513980@mail.ru

Аннотация. Обобщаются основные положения процессов офшоризации в мировой экономике. Даны оценка различных организаций о возможной сумме российского капитала в мировых офшорных юрисдикциях. Проанализированы предпосылки для создания офшорной зоны и преимущества, предоставляемые международным компаниям. Рассмотрены негативные тенденции в экономиках офшорных юрисдикций, которые снижают их инвестиционную привлекательность. Обобщено влияние институциональной среды на эффекты офшоризации мировой экономики. Подчеркнуты решенные и проблемные вопросы редомициляции иностранных компаний в САР России. Предлагаются направления совершенствования процесса регистрации бизнеса в САР. Анализируются причины сложности оценки фактического экономического эффекта от функционирования САР. Исследуются основные показатели деятельности САР на острове Октябрьский в Калининградской области.

Ключевые слова: деоффоризация, редомициляция, специальный административный район, офшорная зона, инвестиционная привлекательность, институциональная среда

Для цитирования: Сергеев Л. И., Самсонов А. В. Обобщение теоретико-прикладных аспектов процессов офшоризации региональной экономики // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С.116-133. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-116-133>

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

Generalization of theoretical and applied aspects of the processes of offshoring of the regional economy

Leonid I. Sergeev¹,

Aleksey V. Samsonov²

^{1,2} INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

¹ leonid.sergeev@klgtu.ru

² 513980@mail.ru

Abstract. The article discusses the main provisions of the processes of offshoring in the global economy. The study provides an assessment of various organizations about the possible amount of Russian capital in global offshore jurisdictions, as well as analyzes the prerequisites for creating an offshore zone and the advantages provided to international companies. The authors consider the negative trends in the economies of offshore jurisdictions that reduce their investment attractiveness and summarize the impact of the institutional environment on the effects of offshoring of the global economy, as well as highlight the resolved and problematic issues of redomiciliation of enterprises in the Russian SAR. The authors propose ways to improve business registration in the ATS, as well as analyze the reasons for the difficulty of assessing the actual economic effect of the functioning of the ATS. Additionally, the authors considered the main indicators of the SAR activity on Oktyabrsky Island in the Kaliningrad region.

Keywords: deoffshorization, redomiciliation, special administrative region, offshore zone, investment attractiveness, institutional environment

For citation: Sergeev L. I., Samsonov A. V. Generalization of theoretical and applied aspects of the processes of offshoring of the regional economy // Baltic Economic Journal. 2025;1(49):116-133. (In Russ.) <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-1-116-133>

Целью исследования является обобщение теоретико-прикладных аспектов процессов офшоризации в контексте перспектив развития САР на острове Октябрьский Калининградской области.

Ключевыми задачами исследования являются:

- 1) обобщение результатов исследований российских и иностранных ученых о теоретико-прикладных аспектах процессов офшоризации;
- 2) выявление фактических сложностей, препятствующих редомициляции заинтересованных компаний на территорию Российской Федерации;
- 3) исследование и обобщение текущих результатов функционирования САР на острове Октябрьский Калининградской области.

В начале исследования целесообразно провести анализ детерминант инвестиционной привлекательности офшорной деятельности, обобщить теоретико-практические аспекты функционирования элементов офшоризации экономик, определить роль Калининградской области в решении общероссийской задачи деофшоризации национальной экономики.

Одним из содержательных элементов офшорной деятельности является понятие "оффшорный финансовый центр". Департамент денежно-кредитных и

обменных операций Международного валютного фонда определяет "оффшорный финансовый центр" в широком смысле как финансовый центр, в котором осуществляется оффшорная деятельность. Это определение практически касается всех основных финансовых центров мира. В узком смысле "оффшорный финансовый центр" – это центр, где основная часть деятельности финансового сектора находится в оффшоре по обе стороны баланса (т. е. контрагентами большинства обязательств и активов финансовых учреждений являются нерезиденты) и где операции инициируются в другой юрисдикции, а большинство вовлеченных институтов контролируется нерезидентами [26].

МВФ отмечает, что наиболее часто оффшорные юрисдикции предоставляют бизнесу низкое или нулевое налогообложение, банковскую тайну, легкое финансовое регулирование. Появление и быстрое развитие оффшорного межбанковского рынка произошло в 1960-х и 1970-х годах, что обусловлено наличием в развитых странах требований к нормам обязательных резервов банков, высокими процентными ставками, наличием ограничений на спектр финансовых продуктов, а также контроля за движением капитала [26].

Фактически в указанное время начинают формироваться оффшорные финансовые центры на территории отдельных государств. Данные процессы обусловлены экономической необходимостью для этих государств (Кипр, Люксембург Гибралтар, Гонконг и др.) сформировать собственный позитивный имидж для привлечения широкого круга инвесторов. Очевидно, что на территории таких государств, как Кипр, трудно расположить большие индустриальные производства, например, крупные металлургические комбинаты. При этом часто территории оффшорных юрисдикций небогаты природными ресурсами, поэтому для привлечения инвестиций в свою экономику они предлагают инвесторам низкие налоговые ставки и другие льготы, взамен получая выгоду от, например, оказания бухгалтерских и юридических услуг.

Так как наиболее часто оффшорные юрисдикции не могут привлечь потенциальных инвесторов выгодным географическим положением, богатыми природными ресурсами или иными факторами производства, наиболее доступной программой для государственных органов указанных юрисдикций становится формирование льготной налоговой системы. Оффшоризацию мировой экономики можно считать объективным явлением второй половины XX века.

Важно отметить, что для мировой экономики явление оффшоризации хозяйственной деятельности становится негативным только в том случае, когда перевод активов субъектами хозяйствования на территорию оффшорной юрисдикции не обусловлен реальной экономической необходимостью указанной транзакции. В данном случае активы (в первую очередь, чистая прибыль международных компаний) не реинвестируются в стране – источнике происхождения прибыли, и, следовательно, в долгосрочной перспективе темпы экономического роста снижаются.

Это явление глубоко исследуется, например, в докладе Генерального директората по внутренней политике Европейского парламента "Оффшорная деятельность и отмывание денег: последние выводы и проблемы". В указанном докладе анализируются негативные последствия офшоризации мировой экономики. Так, ежегодно во всем мире от 1,5 до 2,8 трлн. долл. США, или от 2 до 5 % мирового ВВП, теряется из-за незаконного "отмывания" денег. При этом ЕС подчеркивает, что уклонение от уплаты налогов является серьезным преступлением, подобным торговле наркотиками, коррупции, торговле оружием и людьми [14, с. 7].

В указанном докладе признается, что конфиденциальность финансовых вопросов – это допустимое экономическое явление, за исключением случаев чрезмерного злоупотребления и нанесения ущерба государственному сектору и финансирования европейских механизмов социального обеспечения.

Для России оценить негативный эффект офшоризации мировой экономики достаточно сложно, что обусловлено отсутствием точной информации об экономической необходимости и содержании финансовых и иных отношений с офшорными юрисдикциями. Однако так же, как и для развитых стран, негативный эффект заключается как в размытии налогооблагаемой базы, так и в снижении доли реинвестируемой чистой прибыли в экономику РФ.

Tax Justice Network	За период 1990-2010 гг. накопленный объем российского капитала в офшорных юрисдикциях – 798 млрд. долл. США
Global Financial Integrity	Отток капитала из России за период 1994-2011 гг. – 782,5 млрд. долл. США
Национальное бюро экономических исследований США	В 2018 году в офшорных юрисдикциях находилось около 590 млрд. долл. США накопленных прямых иностранных инвестиций из России
Центральный экономико-математический институт РАН	По оценке 2014 года, отрицательное сальдо прямых иностранных инвестиций России накопленным итогом составляло 394 млрд. долл. США

Рисунок 1 – Оценка различных организаций о возможной сумме российского капитала в офшорных юрисдикциях

Figure 1 – Assessment of various organizations on the possible amount of Russian capital in offshore jurisdictions

Источник: Составлено авторами на основании источника [4].

Основным показателем, характеризующим негативное влияние процессов офшоризации российской экономики, является отрицательное сальдо прямых иностранных инвестиций в России. Оценить негативный экономический эффект для экономики РФ сложно, однако целесообразно привести несколько исследований российских и международных компаний, обобщенных О. В. Донченко и К. Н. Цаган-Манджиевой [4, с. 3] (рисунок 1):

Детерминанты инвестиционной привлекательности использования офшорных зон представителями бизнес-сообщества наиболее подробно систематизированы в работе А. Н. Михайлина и Е. Н. Смирнова. Авторы определяют как предпосылки, необходимые для создания офшорной зоны, так и преимущества, предоставляемые для международных компаний [10, с. 4-15].

Преимущества офшорного инвестирования анализируются в работах других российских исследователей, результат систематизации детерминант инвестиционной привлекательности офшорных юрисдикций представлен в таблице 1 [3, 7, 11].

По данным, представленным в таблице 1, можно сделать вывод, что инвестиционную привлекательность офшорных юрисдикций формируют как уникальные предпосылки, необходимые для создания офшорной зоны, так и принятые органами государственной власти льготные условия для инвесторов.

Таблица 1 – Предпосылки для создания офшорной зоны и преимущества, предоставляемые международным компаниям

Table 1 – Prerequisites for the creation of an offshore zone and advantages provided to international companies

№ п/п	Предпосылки для создания оффшорной зоны	Преимущества, предоставляемые между- народным компаниям
1	2	3
1	Политическая стабильность в государстве и обществе, наличие гарантий неизменности предоставляемых льгот и благоприятного режима предпринимательской деятельности	Низкий уровень налогообложения доходов, полученных вне пределов офшорной юрисдикции (прибыли, дивидендов и других объектов налогообложения), неизменность налоговой системы, простая система налогового администрирования
2	Развитая бизнес-инфраструктура (банковский, консалтинговый, страховой сектор). Способность банковской системы обслуживать международные финансовые потоки	Простота и дешевизна процедур регистрации и перерегистрации бизнеса
3	Независимая судебная система. Многие офшорные юрисдикции работают в сферах английского общего права или европейского корпоративного законодательства	Свободное осуществление финансово-кредитных и расчетных операций, отсутствие валютного контроля
4	Наличие в офшорной юрисдикции современных медицинских центров и образовательных учреждений, а также рекреационных ресурсов	Упрощенные требования к бухгалтерской отчетности бизнеса, сниженное число проверок со стороны государственных органов

Окончание таблицы 1

1	2	3
5	Распространенность в обществе одного или нескольких иностранных языков для обеспечения международного культурного и профессионального общения	Обеспечение защиты прав собственности, формирование правового поля, основанного на стимулировании законопослушной предпринимательской деятельности
6	Низкий уровень экономической и уголовной преступности, а также развитая транспортная и коммунальная инфраструктура	Возможность предоставления гарантий конфиденциальности инвесторам некоторыми офшорными юрисдикциями

Источник: Составлено авторами на основе систематизации результатов исследований ученых [3, 7, 11].

Следует отметить исследование экономистов Я. Дамгаарда, Т. Элькьяера и Н. Йоханнесена. В статье "Пронзая завесу" исследователи отмечают, что в различных странах наблюдается сильная дифференциация в уровне личного богатства физических лиц, находящегося на офшорных счетах. Объем офшорного богатства колеблется от примерно 4 % ВВП в Скандинавии до примерно 50 % в некоторых нефтедобывающих странах, таких как Россия и Саудовская Аравия. Из этого следует, что высокие налоги не обязательно связаны с высоким уровнем уклонения от уплаты налогов путем перевода активов в офшорные юрисдикции. В Скандинавских странах высокие налоговые ставки, но в то же время наблюдается относительно низкий уровень личного богатства граждан в офшорных юрисдикциях. Полученные данные также предполагают, что граждане переводят активы в офшорные юрисдикции иногда по причинам, не связанным с уклонением от уплаты налогов, что особенно актуально для стран с развивающейся экономикой. Например, офшорная компания может стать средством ухода от валютного контроля во время валютного кризиса. Об этом свидетельствует исключительно высокий уровень офшорного личного богатства в Аргентине. Офшорная компания также может стать средством отмывания доходов от коррупции в отраслях добычи полезных ископаемых, о чем свидетельствует статистика для таких стран, как Россия и Венесуэла [18, с. 53].

На современном историческом этапе развития мировой экономики следует отметить два фактора, которые снижают инвестиционную привлекательность офшорных юрисдикций.

Во-первых, по данным Вашингтонского аналитического центра Tax Foundation, средняя установленная законом ставка налога на прибыль корпораций в мире, измеренная в 177 юрисдикциях, составляет 23,85 %. При этом в Европе самый низкий средний показатель по региону – 19,99 %. Средняя установленная законом ставка корпоративного налога в мире постоянно снижалась с 1980 года, причем наибольшее снижение произошло в начале 2000-х годов [17, с. 1].

В России стандартная ставка налога на прибыль составляет 20 % (до 1 января 2025 года), что ниже среднемировой и почти равняется самому низкому среднему показателю в Европе. Общемировая тенденция к снижению ставок налога на прибыль снижает инвестиционную привлекательность офшорных юрисдикций.

Во-вторых, исследователем Н. Шаксоном отмечаются негативные тенденции в экономиках офшорных юрисдикций, названные автором "финансовым проклятьем". Указанный термин в существенной степени аналогичен понятию "ресурсное проклятье" и свидетельствует о негативном влиянии на экономику офшорных юрисдикций чрезмерного сектора финансовых услуг для бизнеса. Эти негативные тенденции приводят к росту неравенства, повышают уязвимость экономик перед кризисом, а также снижают уровень финансирования других секторов экономики. Отмечается, что большинство развитых стран (например, США) уже прошло этап борьбы с "финансовым проклятьем", однако развитие подобных негативных тенденций может возникнуть в экономиках таких стран, как Ирландия и Польша [20, с. 9].

Фактически негативные тенденции в экономиках офшорных юрисдикций также являются факторами, снижающими их инвестиционную привлекательность. По оценкам ОЭСР, используемые международными компаниями практики по размытию налоговой базы и выводу доходов из-под налогообложения (BEPS – base erosion and profit shifting), ежегодно снижают сумму налоговых поступлений в государственные бюджеты в сумме от 100 до 240 млрд. долл. США. С 2013 года страны ОЭСР реализуют программу синхронизации налоговых законодательств, в т. ч. введение единой минимальной ставки корпоративного налога [27].

Среди исследований, посвященных эффективности политики по борьбе с BEPS, можно отметить научную работу Г. Зукмана из Калифорнийского университета в Беркли и его коллег, которая на примере Чили показывает, что, несмотря на существенное усиление административного и налогового контроля за выводом прибыли из налогообложения со стороны ТНК, быстрого дополнительного прироста налоговых поступлений со стороны ТНК, в сравнении с прочими фирмами, не произошло. Согласно экспертным оценкам, в 2015 году около 20 % возможных сборов по налогу на прибыль было выведено из-под налогообложения, и в самом оптимистичном сценарии налоговая реформа сократила этот разрыв примерно на 2,35 п. п. При этом существенно увеличились доходы консультантов по трансферному ценообразованию: число таких специалистов выросло в 12 раз (в консалтинговых компаниях "большой четверки" Deloitte, EY, KPMG и PwC) [15]. Дополнительно отметим, что к схожему выводу пришли ученые из Университета Джорджа Вашингтона П. Каррилло и его соавторы [16].

Влиянию институциональной среды на эффекты офшоризации мировой экономики посвящена научная работа экономистов Всемирного банка

М. Локшина и Г. Шарафутдиновой [21]. В рамках нашего исследования отметим несколько тезисов:

1. ТНК используют глобальную финансовую систему для регуляторного арбитража (переноса прибыли из одной юрисдикции в другую) для оптимизации налоговых платежей; по оценкам Г. Зукмана, операции через офшорные центры сокращают налоговые обязательства американских компаний на 20 % [22].

2. По мнению некоторых ученых, небольшие государства строят свою экономику преимущественно на оказании финансовых услуг (так как международные компании имеют право искать более выгодную для них нормативно-правовую среду). Крупные государства, в свою очередь, могут попытаться побудить международные компании репатриировать прибыль обратно в страну ее происхождения путем создания особых экономических зон [21].

3. Нормативно-правовая среда некоторых стран, преимущественно офшорных, постепенно становится частью бизнес-модели предприятий [21].

4. Существует гипотеза, согласно которой аффилированные компании регистрируют ТНК развивающихся стран в низконалоговых юрисдикциях, в том числе и с целью воспользоваться развитой институциональной средой этих государств (обеспечивающих более сильную защиту прав собственности, чем в развивающихся странах – источниках происхождения прибыли ТНК). Данная гипотеза подтверждается феноменом "обратных инвестиций" – практикой международных компаний по инвестированию в экономику не напрямую, а через посреднические компании, зарегистрированные в низконалоговых юрисдикциях. Связь между коррупцией, слабыми институтами прав собственности и офшорами была подтверждена скандинавскими учеными, которые доказали, что около 15 % сверхприбыли нефтедобывающих стран с авторитарными режимами направляется на секретные счета в офшорных юрисдикциях [19].

Экономисты Всемирного банка приходят к заключению, что ТНК, активно подстраиваясь под меняющиеся условия мировой институциональной среды, косвенно воздействуют на нее.

Таким образом, можно резюмировать, что международные компании, пользуясь правом построения различного рода транснациональной корпоративной структуризации, стремятся не только к минимизации налоговых платежей, но и к большей защите прав собственности, чем в странах-источниках происхождения прибыли. С этим связана популярность регистрации бизнеса в низконалоговых юрисдикциях, что косвенно является детерминантой офшорной деятельности. Для России подчеркивается актуальность проблем исследования путей (в т. ч. их разработка, реализация и контроль) улучшения институциональной среды деятельности международных компаний и защиты прав собственности, что позволит повысить привлекательность созданных в 2018 году специальных административных районов.

В данной части исследования выявим фактические сложности, препятствующие редомициляции заинтересованных компаний на территорию Российской Федерации.

В Российской Федерации к настоящему моменту устраниены многие барьеры, которые мешали международным компаниям получить статус резидентов САР, в частности:

- 1) разрешено резидентство для компаний, регистрация которых завершена до 1 марта 2022 г. [1];
- 2) отсутствует необходимость в подтверждении деятельности в различных странах [1];
- 3) допускается выпуск многоголосых акций [2].

Среди нерешенных вопросов, препятствующих развитию института САР в России, на наш взгляд, можно отметить следующие:

1. Сложности в осуществлении обратной редомициляции в иностранную юрисдикцию [6].

2. Недифференцированная сумма единовременного платежа для всех резидентов САР [5].

3. Существующие сложности и проблемы для международных компаний в учете интересов всех ее акционеров, которые могут быть резидентами разных стран и при наличии инфраструктурных сложностей могут, например, не иметь возможности принимать участие в управлении компанией или получении дивидендов, что нарушает их законные права.

4. Сложности с конвертацией депозитарных расписок в акции.

5. Устанавливаемые органами власти некоторых стран административные барьеры для компаний, желающих осуществить редомициляцию, могут существенно задержать процедуру перерегистрации в другой стране.

Общую совокупность сложностей, препятствующих редомициляции заинтересованных компаний на территорию Российской Федерации, можно представить в виде последовательности действий, состоящей не только из необходимости принятия решения о редомициляции общим собранием акционеров (или учредителей), но и согласования указанной процедуры с участниками международной биржевой инфраструктуры и органами власти разных стран (рисунок 2).

Например, с рядом вышеуказанных проблем столкнулась компания "Shell Global" в 2021 году, принявшая решение о перерегистрации из Королевства Нидерландов в Великобританию и столкнувшаяся с множеством судебных процессов. Органы власти Королевства Нидерландов ввели "налог на выход", предполагающий выплату в бюджет королевства всех невыплаченных ранее сумм налогов и льгот [24, 28].

Рисунок 2 – Сложности, препятствующие редомицилизации иностранных компаний в Россию

Figure 2 – Difficulties preventing the readomination of foreign companies to Russia
Источник: Составлено авторами.

Вопросам оценки потенциального экономического эффекта от создания в России специальных административных районов посвящен весьма узкий круг научных трудов, среди которых стоит отметить исследование, проведенное К. Н. Цаган-Манджиевой и В. О. Донченко в 2019 году и посвященное выявлению возможных будущих фискальных эффектов от функционирования САР на острове Октябрьский и острове Русский. Авторы констатировали, что невозможно достоверно определить общую накопленную сумму оттока капитала из России в офшорные юрисдикции. Разброс оценок суммы оттока капитала за постсоветский период колеблется от 394 млрд. долл. до 798 млрд. долл. Второй проблемой является невозможность установить объем доли международных компаний, которые действительно готовы вернуться в Россию, такую сумму капитала они готовы репатриировать. На основе ряда допущений авторы пришли к выводу, что прямой фискальный эффект от функционирования САР в России должен составить от 17,2 млрд. руб. до 65,17 млрд. руб. [4, с. 5] Дополнительно авторы указывают, что международные компании, осуществившие

редомициляцию в Россию, очевидно, перестанут уплачивать те налоги, которые платили ранее при осуществлении выплаты дивидендов в иностранные юрисдикции (в т. ч. выплаты процентов, роялти). Поскольку компании использовали механизм СОИДН (соглашений об избежании двойного налогообложения), произойдет перераспределение налоговых платежей в бюджеты всех уровней России. Поэтому невозможно достоверно утверждать, что общая сумма налоговых поступлений в бюджетную систему РФ станет выше [4, с. 7].

Помимо прямого фискального эффекта, по нашему мнению, целесообразно отметить необходимость резидентами САР осуществить инвестиции на территории России в размере не менее 50 млн. руб. в форме капитальных вложений или увеличения уставного капитала российской компании. Достоверно оценить экономический эффект от обозначенной меры сложно в силу ряда причин:

1. Международные компании могут осуществить инвестиции в большей сумме, чем предусмотрено законом.

2. Компании могут осуществить инвестиции в инфраструктурные объекты либо в коммерческие предприятия (в форме увеличения уставного капитала юридического лица), рентабельность которых может сильно отличаться, что напрямую влияет на экономическую эффективность инвестиций.

3. Необходимо дополнительно оценить косвенное влияние деятельности международных компаний и их инвестиций на экономику России через систему мультипликаторов. При этом мультипликаторы должны различаться по отраслевому и территориальному признаку (т. к. международные компании могут осуществить инвестиции в любом регионе России).

Дополнительно следует отметить серию исследований А. С. Кондукторова, посвященную вопросам перспектив функционирования САР в России и деофшоризации ее экономики. Автор указывает: "В Российской Федерации полноценно сформировалась самостоятельная редомициляционно-репатриационная правовая политика, включающая в себя взаимосвязанный комплекс нормативных правовых актов и процедур их реализации" [9, с. 82]. При этом данная политика РФ реализуется в целом в едином направлении со странами ОЭСР и планом BEPS, направленным на противодействие уклонению от уплаты налогов и развитие налоговой базы [8]. Отметим, что данный тезис обоснован и в нашем исследовании "Развитие налоговых форм инвестиционной привлекательности офшорной зоны", в котором указывалось: "Совокупность представленных законодательных изменений в Российской Федерации свидетельствует о реализации целенаправленной политики по "деофшоризации" хозяйственной деятельности и противодействию уклонения от уплаты налогов субъектами хозяйствования, а также повышению инвестиционной привлекательности российских офшорных зон" [12, с. 92].

Фактически развитие САР в Калининграде на острове Октябрьский в ближайшие годы будет осуществляться в контексте действующей международной политики многих стран по борьбе с офшоризацией, уклонением от уплаты налогов и размытием налоговой базы. Принятая в 2021 году минимальная ставка корпоративного налога для крупнейших ТНК в размере 15 % (в соответствии с планами ОЭСР) косвенно повышает привлекательность резидентства российского САР. Международные усилия, направленные на борьбу с офшоризацией, преследуют своей целью снижение числа международных финансовых преступлений, однако могут оказать негативное влияние на экономики таких стран, как, например, Ирландия, и создать угрозу для них в привлечении ПИИ [13]. Отметим, что указанные изменения в международных налоговых соглашениях подчеркивают ограниченную независимость суверенных стран в осуществлении внутренней политики (в т. ч. фискальной), так как такие страны, как, например, Республика Ирландия и Кипр, являлись бенефициарами низких ставок корпоративных налогов и к 2023 году в существенной степени лишились конкурентного преимущества.

Специальный административный район на острове Октябрьский в Калининградской области имеет возможность стать финансовым "локомотивом" социально-экономического развития региона. В данной части исследования обобщим некоторые результаты функционирования САР.

В связи с тем, что информация о деятельности резидентов САР носит закрытый характер (в силу необходимости обеспечения защиты их международной деятельности от возможных санкционных ограничений), в публичном доступе со стороны Управляющей компании САР на острове Октябрьский представлен лишь ограниченный круг данных об общем числе резидентов и сумме осуществленных инвестиций (рисунок 3). В рамках данного исследования анализируется публичная информация, доступная на конец сентября 2024 года [29].

По данным, представленным на рисунке 3, можно отметить, что общее число резидентов САР на острове Октябрьский по состоянию на конец сентября 2024 года составило 351 компанию, при этом общая сумма инвестиций почти достигла 84 млрд. руб., наибольшее значение пришлось на 2020 год, что может быть связано с регистрацией Фонда общественных интересов компании "Яндекс". Отметим, что, начиная с 2022 года, после введения широкого круга санкционных ограничений в отношении России со стороны ряда стран и, как следствие, существенного изменения условий ведения международной деятельности, компании, заинтересованные в ведении экономической деятельности в России, в ускоренном порядке приступили к процедуре редомициляции, и уже по итогам 2022 года общее число резидентов увеличилось еще на 69 компаний, что более чем в четыре раза выше абсолютного прироста 2021 года и свидетельствует о положительном импульсе развития механизма

САР (данный результат, в том числе, обеспечен принятием ряда законодательных актов в России, упрощающих процедуру редомициляции).

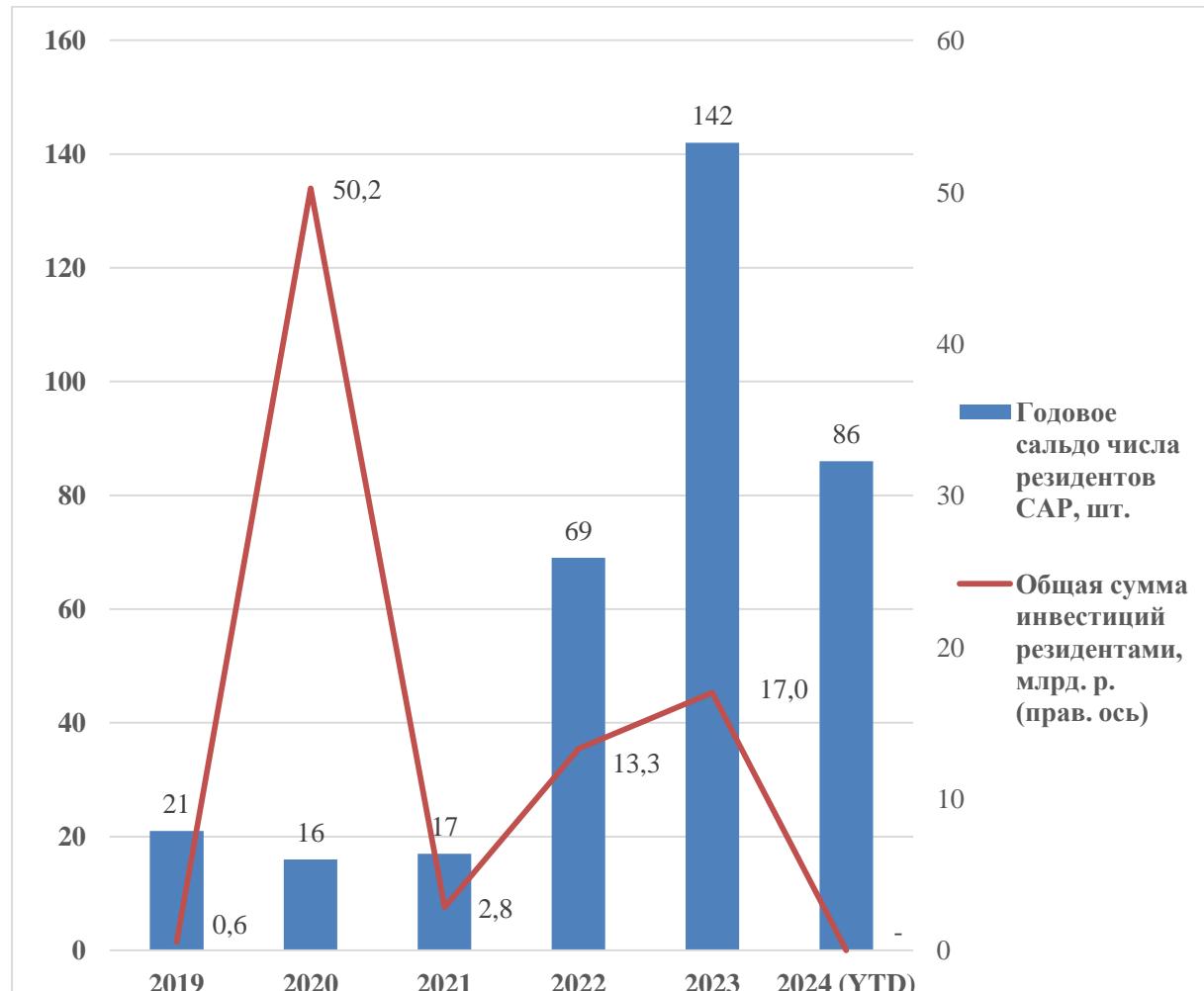

Рисунок 3 – Динамика показателей, характеризующих результаты функционирования САР на острове Октябрьский Калининградской области

Figure 3 – Dynamics of indicators characterizing the results of the functioning of the Special Administrative Region on Oktyabrsky Island of the Kaliningrad region

Источник: Составлено авторами по данным источника [29].

Дополнительно отметим, что с начала 2023 года редомициляцию на территорию острова Октябрьский осуществили такие компании, как сервис по доставке продуктов "Сбермаркет", компания Balamer Holdings Limited, входящая в структуру девелоперского холдинга "А101", а также дочерняя фирма ПАО "Новатэк". Указанные компании осуществили редомициляцию в российский эксклав с юрисдикции Республики Кипр. Ранее в САР на острове Октябрьский (исторический центр Калининграда) зарегистрировались, в том числе, такие компании, как "ЭР-телеком холдинг", ПАО "Лента", а также осуществившие перерегистрацию с острова Джерси "UC Rusal" и "En+" [29]. В течение года с даты регистрации в САР каждая компания должна инвестировать 50 млн. руб. в экономику страны.

По данным Корпорации развития Калининградской области, резиденты САР на острове Октябрьский в первом полугодии 2022 года заплатили 4,3 млрд. руб. налогов и сборов в бюджеты разных уровней. Указанная сумма более чем на 1 млрд. превысила налоговые отчисления за весь 2021 год, при этом за последние 3,5 года инвестиции резидентов САР в российскую экономику составили порядка 55,9 млрд. руб. [25].

Таким образом, САР, специально созданные для регистрации крупных холдинговых компаний, зачастую имеющих международный бизнес, уже сейчас привлекают российские организации на возвращение из международных офшорных зон, так как для резидентов Специальных административных районов действует не только льготный режим налогообложения и доступен статус валютного нерезидентства, но и обеспечивается возможность для всех акционеров и учредителей в полной мере реализовывать все права корпоративного управления предприятиями (например, принять решение и выплатить дивиденды) с минимально возможными санкционными рисками.

По результатам проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. Оффшоризация мировой экономики является объективным процессом развития мирового хозяйства, в рамках которого ряд государств и территорий привлекают международных инвесторов, предоставляя им налоговые и валютные льготы, конфиденциальность ведения бизнеса или привлекательную институциональную среду, тем самым удовлетворяя потенциальный спрос со стороны транснациональных или холдинговых компаний. При этом, обобщая результаты исследований российских и иностранных ученых, можно заключить, что возможность использования преимуществ институциональной среды других государств привлекает внимание международных компаний в неменьшей степени, чем необходимость оптимизации налоговой нагрузки.

2. В настоящий момент невозможно достоверно и точно оценить потенциальный фискальный или экономический эффект от функционирования САР в России в силу, в том числе, и множества сложностей, препятствующих процессу редомициляции для заинтересованных компаний (таких как санкционные ограничения или невозможность использования механизмов международной биржевой инфраструктуры).

3. Фактические экономические результаты от функционирования САР на острове Октябрьский Калининградской области оценить сложно в силу закрытости статистических данных в целях повышения безопасности ведения хозяйственной деятельности для международных компаний (в т. ч. защиты от санкционных ограничений). Однако к концу сентября 2024 года общее число резидентов САР составило 351 компанию, и накопленная сумма инвестиций превысила 84 млрд. руб., при этом, начиная с 2022 года наблюдается значительный положительный импульс роста как числа резидентов, так и сумм инвестиций, что связано, в том числе, с упрощением процедуры редомициляции после принятия ряда законодательных актов в России.

Список источников

1. Федеральный закон от 26.03.2022 г. № 72-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".
2. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 332-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"
3. Александрова Л. И. Основные особенности и проблемы выявления уклонений от уплаты налогов // NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 2017. № 24(273). С. 1-10.
4. Донченко В. О., Цаган-Манджиева К. Н. Выявление потенциальных фискальных эффектов от создания специальных административных районов на территориях Калининградской области и Приморского края // Налоги и налогообложение. 2019. № 10. С. 1-10.
5. Кондукторов А. С. Правовое регулирование минимального размера обязательных инвестиций, осуществляемых иностранной компанией при редомициляции в РФ // Lex Russica. 2022. № 3. С. 43–52.
6. Кондукторов А. С. Редомициляция в Россию: исследование правовых и психологических мотиваций // Lex russica. 2021. № 9. С. 9–20.
7. Кондукторов А. С. Редомициляция иностранных организаций в Российскую Федерацию: оценка совокупного финансового результата // Lex Russica. 2021. № 3(172). С. 71-81.
8. Кондукторов А. С. Введение глобального минимального корпоративного налога // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 3. С. 110-117.
9. Кондукторов А. С. Редомициляционно-репатриационная правовая политика Российской Федерации: введение в проблему // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 76-83.
10. Михайлин А. Н., Смирнов Е. Н. Эволюция и современный этап функционирования офшорных зон в зарубежной и российской практике // Вестник евразийской науки. 2018. № 5. С. 1-15.
11. Парамонова А. В., Смирнов Е. Н. Международная конкуренция офшорных юрисдикций за привлечение иностранного капитала // Вестник евразийской науки. 2020. № 3. С. 1-15.
12. Самсонов А. В., Сергеев Л. И. Развитие налоговых форм инвестиционной привлекательности офшорной зоны // Modern Economy Success. 2021. № 1. С. 85-95
13. Boland M. J. The OECD Global Corporate Tax Deal: What It Is, What It Will Do, and Why It's Good //Cork Online Law Review, 2021.
14. Unger B. Offshore activities and money laundering: recent findings and challenges // Utrecht University School of Economics. Utrecht, 2017. 64 p.
15. The Race between Tax Enforcement and Tax Planning: Evidence from a Natural Experiment in Chile / S. Bust, D. Pomeranz, J. C. [et al.] // Discussion Paper. 2022;DP17347.
16. Carrillo P., Pomeranz D., Singhal M. Dodging the Taxman: Firm Misreporting and Limits to Tax Enforcement //American Economic Journal: Applied Economics. 2017;9(2):144-64.

17. Asen E. Corporate Tax Rates around the World // Tax Foundation. Fiscal Fact. 2020;735:1-18.
18. Damgaard J., Elkjaer T., Johannessen N. Piercing the Veil // Finance & Development. 2018;55,2:50-53.
19. Andersen J. J., Johannessen N., Lassen D. D., Paltseva E. Petro Rents, Political Institutions, and Hidden Wealth: Evidence from Offshore Bank Accounts // Journal of the European Economic Association, European Economic Association. 2017;15(4):818-860.
20. Shaxson N. Tackling Tax Havens // Finance & Development. 2019;56,3:6-10.
21. Sharafutdinova G., Lokshin M. M. Hide and Protect: A Role of Global Financial Secrecy in Shaping Domestic Institutions // Policy Research working paper, no. WPS 9348. Washington, D.C.: World Bank Group, 2020.
22. Zucman G. Taxing across Borders: Tracking Personal Wealth and Corporate Profits // Journal of Economic Perspectives. 2014;28(4):121-48.
23. Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://www.worldbank.org> (дата обращения 03.07.2024)
24. Официальный сайт компании "Shell". URL: <https://www.shell.com/> (дата обращения 01.07.2024)
25. Официальный сайт Корпорации развития Калининградской области. URL: <https://www.kgd-rdc.ru/> (дата обращения 03.07.2024)
26. Официальный сайт Международного валютного фонда URL: <https://www.imf.org/ru/> (дата обращения 03.07.2024)
27. Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития. URL: <https://www.oecd.org/> (дата обращения 05.07.2024)
28. Официальный сайт Палаты представителей Королевства Нидерландов. URL: <https://www.houseofrepresentatives.nl/> (дата обращения 09.07.2024)
29. Официальный сайт Специального административного района (САП) Остров Октябрьский Калининградская область. URL: <https://www.russiasar.com/> (дата обращения 03.07.2024)

References

1. Federal Law No. 72-FZ dated 03/26/2022 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". (In Russ.).
2. Federal Law No. 332-FZ dated 07/14/2022 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". (In Russ.).
3. Alexandrova L. I. The main features and problems of detecting tax evasion // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Great. 2017;24(273):1-10. (In Russ.).
4. Donchenko V. O., Tsagan-Mandzhieva K. N. Identification of potential fiscal effects from the creation of special administrative districts in the territories of the Kaliningrad region and Primorsky Krai // Taxes and taxation. 2019;10:1-10. (In Russ.).
5. Konduktorov A. S. Legal regulation of the minimum amount of mandatory investments carried out by a foreign company in case of redomicile in the Russian Federation // Lex russica. 2022;3:43-52. (In Russ.).

6. Konduktorov A. S. Redomicilation in Russia: a study of legal and psychological motivations // *Lex russica*. 2021;9:9-20. (In Russ.).
7. Konduktorov A. S. Redomicilation of foreign organizations into the Russian Federation: assessment of the total financial result // *Lex Russica*. 2021;3(172):71-81. (In Russ.).
8. Konduktorov A.S. Introduction of the global minimum corporate tax // *Economy. Taxes. Right*. 2022;3:110-117. (In Russ.).
9. Konduktorov A. S. Redomicile and repatriation legal policy of the Russian Federation: an introduction to the problem // *Legal policy and legal life*. 2021;3:76-83. (In Russ.).
10. Mikhailin A. N., Smirnov E. N. Evolution and the modern stage of functioning of offshore zones in foreign and Russian practice // *Bulletin of Eurasian Science*. 2018;5:1-15. (In Russ.).
11. Paramonova A. V., Smirnov E. N. International competition of offshore jurisdictions for attracting foreign capital // *Bulletin of Eurasian Science*. 2020;3:1-15. (In Russ.).
12. Samsonov A. V., Sergeev L. I. Development of tax forms of investment attractiveness of the offshore zone // *Modern Economy Success*. 2021;1:85-95. (In Russ.).
13. Boland M. J. The OECD Global Corporate Tax Deal: What It Is, What It Will Do, and Why It's Good // *Cork Online Law Review*, 2021.
14. Unger B. Offshore activities and money laundering: recent findings and challenges // *Utrecht University School of Economics*. Utrecht, 2017. 64 p.
15. The Race between Tax Enforcement and Tax Planning: Evidence from a Natural Experiment in Chile / S. Bust, D. Pomeranz, J. C. [et al.] // *Discussion Paper*. 2022;DP17347.
16. Carrillo P., Pomeranz D., Singhal M. Dodging the Taxman: Firm Misreporting and Limits to Tax Enforcement // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2017;9(2):144-64.
17. Asen E. Corporate Tax Rates around the World // *Tax Foundation. Fiscal Fact*. 2020;735:1-18.
18. Damgaard J., Elkjaer T., Johannessen N. Piercing the Veil // *Finance & Development*. 2018;55,2:50-53.
19. Andersen J. J., Johannessen N., Lassen D. D., Paltseva E. Petro Rents, Political Institutions, and Hidden Wealth: Evidence from Offshore Bank Accounts // *Journal of the European Economic Association, European Economic Association*. 2017;15(4):818-860.
20. Shaxson N. Tackling Tax Havens // *Finance & Development*. 2019;56,3:6-10.
21. Sharafutdinova G., Lokshin M. M. Hide and Protect: A Role of Global Financial Secrecy in Shaping Domestic Institutions // *Policy Research working paper*, no. WPS 9348. Washington, D.C.: World Bank Group, 2020. (In Russ.).
22. Zucman G. Taxing across Borders: Tracking Personal Wealth and Corporate Profits // *Journal of Economic Perspectives*. 2014;28(4):121-48.
23. The official website of the World Bank. URL: <https://www.worldbank.org> (accessed 07/03/2024)

24. The official website of the Shell company. URL: <https://www.shell.com/> / (accessed 01.07.2024)
25. Official website of the Kaliningrad Region Development Corporation. URL: <https://www.kgd-rcd.ru/> / (accessed 07/03/2024) (In Russ.).
26. Official website of the International Monetary Fund URL: <https://www.imf.org/ru/> / (accessed 07/03/2024)
27. Official website of the Organization for Economic Cooperation and Development. URL: <https://www.oecd.org/> / (accessed 05.07.2024)
28. Official website of the House of Representatives of the Kingdom of the Netherlands. URL: <https://www.houseofrepresentatives.nl/> / (accessed 07/09/2024)
29. Official website of the Special Administrative Region (SAR) Oktyabrsky Island, Kaliningrad region. URL: <https://www.russiasar.com/> / (accessed 07/03/2024) (In Russ.).

Информация об авторах

Л. И. Сергеев – доктор экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и инструментальных методов ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

А. В. Самсонов – ассистент кафедры экономической теории и инструментальных методов ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the authors

L. I. Sergeev – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Instrumental Methods INOTECU FGBOU VO "KSTU".

A. V. Samsonov – Assistant at the Department of Economic Theory and Instrumental Methods INOTECU FGBOU VO "KSTU".

Статья поступила в редакцию 01.02.2025; одобрена после рецензирования 02.02.2025; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 02.02.2025; accepted for publication 04.02.2025.

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 134-152.
Baltic Economic Journal. 2025. No. 1(49). P. 134-152.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.57

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-134-152

Оценка различий в экономической доступности рыбопродуктов в регионах Российской Федерации

Александр Геннадьевич Харин

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

aleksandr.harin@klgtu.ru

Аннотация. Рыба и рыбопродукты входят в перечень базовых продуктов питания, для которых в Доктрине продовольственной безопасности РФ установлены пороговые значения показателей продовольственной независимости, экономической и физической доступности. Хотя за время действия Доктрины многие ее целевые ориентиры были достигнуты, по-прежнему сохраняются большие различия в доступности этого важного продовольственного товара на субфедеральном уровне. Решению проблемы, помимо прочего, призваны содействовать научно-практические исследования. Целью статьи является определение закономерностей в межрегиональной дифференциации экономической доступности отдельных видов рыбопродуктов в РФ. Для этого разрабатывается инструментарий исследования, анализируются структурные составляющие доступности, выявляются и оцениваются факторы, определяющие пространственную неоднородность экономической доступности исследуемого товара. Чтобы количественно оценить различия в уровне доступности, предложена и протестирована двухфакторная модель. Основным результатом работы стал вывод, что экономическая доступность рыбы, характеризуемая показателем покупательной способности денежных доходов населения, сильно варьирует от региона к региону. Также выявлено, что уровень доступности рыбопродуктов в рыбодобывающих регионах почти не зависит от объема добываемой рыбы и определяется иными факторами. Методическую основу исследования составляют стандартные инструменты и метрики математической статистики. В качестве информационной базы используются общедоступные данные.

Ключевые слова: рыбопродукты, экономическая доступность, покупательная способность, межрегиональные различия, цена, денежный доход

Для цитирования: Харин А. Г. Оценка различий в экономической доступности рыбопродуктов в регионах Российской Федерации // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 134-152. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-134-152>

Study of differences in economic availability of fish products in the regions of the Russian Federation

Alexander G. Kharin

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

aleksandr.harin@klgtu.ru

Abstract. Fish and fish products are included in the list of basic food products. Although the Russian fishery industry is developing successfully, the problem of large interregional differences in fish availability has not been solved. It is necessary to improve the methodological foundations of managing the availability of fish products at the subnational level to solve this problem. The purpose of the paper is to determine patterns in interregional differentiation of the economic availability of some fish products in the Russian Federation. We develop research tools, analyze the structural components of availability, identify factors that determine the spatial heterogeneity of economic availability, propose and test a two-factor model to assess differences in fish availability. The main result of the work was the conclusion that fish availability varies greatly from region to region. We found that the level of fish availability in fishing regions almost does not depend on the volume of fish caught in these regions and is determined by other factors. The methodological basis of the study is standard tools and metrics of mathematical statistics. Publicly available data are used as an information base.

Keywords: fish products, economic accessibility, purchasing power, interregional differences, price, cash income

For citation: Kharin A. G. Study of differences in economic availability of fish products in the regions of the Russian Federation // Baltic Economic Journal. 2025;1(49):134-152. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-134-152>

Введение

В современном обществе экономическая доступность продовольствия является одним из основополагающих условий социально-экономического благополучия и политической стабильности. В широком смысле данное понятие характеризует степень достаточности у людей средств для приобретения базовых продуктов в объеме и ассортименте, обеспечивающих полноценное питание [1]. Существуют разные точки зрения на то, как следует измерять экономическую доступность продовольствия. Одним из общепризнанных подходов, имеющим серьезное теоретическое основание и распространенным в мировой практике, является методика ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций), использующая для измерения доступности метрику покупательной способности населения. Последняя, в свою очередь, оценивается по некоторым частным показателям [2]. В нашей стране в силу особенностей национального статистического учета эта методика в полном объеме неприменима [3]. Тем не менее, концепт покупательной способности, по сути, представляющей собой разновидность

меновой стоимости товара, выражаемой через товарный эквивалент денежного дохода потребителей, в ряде случаев может служить удобной основой для оценки экономической доступности. Важными преимуществами показателя покупательной способности являются нетребовательность к полноте и объему информации, простота расчета и интерпретации, наряду с большими возможностями для анализа как структурного, так и пространственного неравенства в доступе к продуктам питания.

Предметом исследования выступает пространственная неоднородность покупательной способности людей. В экономической теории такая неоднородность связывается с действием ряда факторов. Классической основой для объяснения данного феномена часто служит теоретическая модель Балассы–Самуэльсона, согласно которой региональные различия возникают вследствие расхождения в производительности капитала в торгуемом и неторгуемом секторах [4, 5]. Причинами пространственного диспаритета экономической доступности также могут быть: разница в реальных денежных доходах населения и неодинаковость инфляционных ожиданий потребителей в разных регионах; издержки межрегиональной торговли; по-разному проявляющиеся на региональном уровне эффекты переноса мировых цен и валютного курса. Перечисленные факторы, действуя по отдельности или в комбинации, вызывают пространственную асимметрию цен и доходов, имеющую разнообразные последствия, в том числе, обусловливают различия между регионами в покупательной способности населения и доступности продовольствия.

В России природа и специфика межрегиональных различий в экономической доступности продовольствия остаются малоизученными и, как следствие, они пока не нашли должного отражения в практике государственного управления. Вместе с тем, фиксация и анализ этих различий, а также понимание причин их возникновения и характера влияния на потребление имеют важное значение для проведения региональной политики, призванной обеспечивать сбалансированное и устойчивое территориальное развитие нашей страны. Одним из направлений такой работы должно быть совершенствование научных основ управления экономической доступностью ключевых продовольственных товаров на субнациональном уровне, в том числе рыбных товаров.

Рыба и рыбопродукты входят в перечень базовых продуктов питания, для которых в Доктрине продовольственной безопасности РФ установлены пороговые значения показателей продовольственной независимости, экономической и физической доступности. Хотя отечественная рыбная отрасль в последнее время показывает высокие производственно-экономические результаты, в частности, коэффициент самообеспеченности по рыбе и рыбопродуктам заметно превышает установленное пороговое значение (в 2021 г. он составлял 154 % [6, с. 9]), серьезной и пока нерешенной проблемой остаются высокие и быстро растущие цены на рыбные товары, во многом обусловившие длящуюся, как минимум, последние 7 лет стагнацию их потребления [7]. За

более чем 12-летний период действия Доктрины уровень экономической доступности рыбопродуктов так и не достиг заданной в этом документе величины. Этот критерий, определяемый как “отношение фактического потребления рыбопродуктов на душу населения к рациональной норме их потребления, отвечающей требованиям здорового питания”, имеет пороговое значение 100 %.¹ Однако в 2021 г. его величина составляла 88 % в живом весе (по данным Росстата [8]), или 54 % в товарном весе (по косвенным оценкам [9]) и к настоящему времени по-прежнему остается ниже установленного норматива. Учитывая существенные различия между регионами РФ в доступности этой важнейшей категории продуктов питания, обозначенная проблема имеет особое значение. Низкая доступность рыбопродуктов, негативным образом влияющая на качество жизни и здоровье россиян, во многом обуславливает неравенство в благосостоянии жителей российских регионов и создает угрозу социально-политической стабильности страны.

Целью нашей работы является поиск закономерностей в межрегиональной дифференциации экономической доступности отдельных товаров, входящих в перечень рыбопродуктов в РФ. Для этого разрабатывается инструментарий исследования данного показателя, анализируются его структурные составляющие, выявляются и оцениваются факторы, определяющие неоднородность экономической доступности рыбопродуктов на субфедеральном уровне. Методическую основу работы составляют стандартные инструменты и методы математической статистики, подобранные в соответствии с целью и решаемыми задачами. В качестве информационной базы используются общедоступные данные.

Материалы и методы

Хотя экономическая доступность продуктов питания, по общему признанию, является важнейшим условием социально-политической стабильности, анализ некоторых ее аспектов, проявляющихся на субнациональном уровне, пока не получил должного отражения в теории и особенно в практике государственного управления. Систематические исследования пространственных различий в доходах, ценах и уровне жизни людей в разрезе отдельных территорий страны стали проводиться относительно недавно и по-прежнему остаются эксклюзивными. Впервые такие работы начали выполняться в США в середине 1990-х гг. [10]. Их результатом стала публикация индексов региональных паритетов цен (Regional Price Parities – RPP), характеризующих пространственные ценовые различия. Аналогичные исследования в разное время выполнялись в Италии, Германии, Польше, Китае, Вьетнаме и ряде других стран [11–15]. Одним из итогов усилий в данном направлении стала разработка методологии оценки стоимости жизни, частью которой являются межрегиональные сравнения доступности базовых товаров и

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 “Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации”.

услуг, в том числе продовольственных товаров. Вместе тем, недостатком многих национальных систем измерения уровня доступности продовольствия остается их сфокусированность на оценке имеющихся ресурсов и возможностей для производства [16] и принижение гуманитарных аспектов этой проблемы, имеющих экономическое происхождение [17]. В нашей стране, начиная с 2012 г., Росстатом публикуется обобщенный индекс стоимости жизни в отдельных городах РФ¹, призванный служить индикатором пространственной неоднородности в материальном благосостоянии людей. Однако серьезным недостатком данного показателя является его информационная ограниченность, сужающая возможности для использования в качестве инструмента управления. Это обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования методов оценки пространственных различий, в том числе, за счет расширения информационного наполнения показателя стоимости жизни путем включения в его расчеты данных о региональных уровнях экономической доступности основных продовольственных товаров.

Помимо индекса стоимости жизни, Росстатом также рассчитывается и регулярно публикуется еще один параметр, способный служить информационной основой для принятия решений по управлению экономической доступностью товаров и услуг, – показатель покупательной способности. Согласно ведомственной методике, данный показатель “отражает потенциальные возможности населения по приобретению товаров и услуг и выражается через товарный эквивалент среднемесячных денежных доходов населения”². Он довольно часто применяется в социально-экономических исследованиях [18] и, в том числе, может быть полезен при изучении территориальных диспропорций в доступности критически важных социально значимых товаров, к числу которых относятся рыбопродукты.

Существует большой набор инструментов, которые можно использовать для анализа пространственной дифференциации покупательной способности, а также ее составляющих – доходов и цен. Наиболее просто имеющиеся различия выявляются с помощью стандартных метрик математической статистики, в частности, таких как измерение величины разрыва между минимальными и максимальными значениями соответствующего показателя в разных регионах (например, разницы между региональными ценами на товар $\Delta p = p_{max} - p_{min}$), а также индикаторов, показывающих степень изменчивости показателя (например, коэффициентов осцилляции цены $\rho = \Delta p / \bar{p}$, среднего квадратичного отклонения $\sigma = \sqrt{\sum_i^n (p_i - \bar{p})^2}$ и др.). Оценка различий между регионами может быть выполнена с помощью коэффициента вариации (например, для цен: $Var = \sigma / \bar{p}$),

¹ Методические рекомендации по расчету индексов стоимости жизни в отдельных городах Российской Федерации. Москва: Росстат, 2012. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/prices/isj/methodology.pdf

² Методы расчета покупательной способности денежных доходов населения. Методологические разработки Росстата. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/free/meta_2010/lssWWW.exe/Stg/d1996/i000140r.htm

также известного как относительное стандартное отклонение, служащего мерой дисперсии распределения вероятностей или частотного распределения наблюдаемой величины. Расчет коэффициентов вариации цен и доходов в территориальном разрезе может дать важную информацию для анализа межрегиональной дифференциации покупательной способности.

При исследовании пространственной вариации покупательной способности, доходов и цен применяется метод региональных индексов (относительных величин), рассчитываемых как отношение соответствующего показателя в том или ином регионе к его значению в “эталонном” регионе. В ряде случаев при расчете региональных индексов в качестве базовых имеет смысл использовать среднероссийские значения показателей [19]. Тогда региональный индекс цены на товар:

$$P_i^* = p_{i,t} / \bar{p}_t, \quad (1)$$

где $p_{i,t}$ – цена товара в регионе i в момент времени t ; \bar{p}_t – цена товара в среднем по стране, а региональный индекс доходов:

$$PCI_i^* = PCI_{i,t} / \bar{PCI}_t \quad (2)$$

где $PCI_{i,t}$ – среднедушевые денежные доходы населения в регионе i в момент времени t ; \bar{PCI}_t – средний по стране (регионам) подушевой денежный доход населения.

Поскольку предметом нашего внимания являются межрегиональные сравнения, в работе применяется модифицированная версия стандартного показателя – относительная покупательная способность, рассчитываемая как:

$$PP_{i,t} / PP_{R,t} = P_i^* / PCI_{i,t}^*, \quad (3)$$

где $PP_{i,t}$ – покупательная способность среднедушевых располагаемых денежных доходов населения по исследуемому товару в регионе i в период времени t ; $PP_{R,t}$ – средняя по наблюдаемым регионам покупательная способность по товару в период времени t ; P_i^* – относительная цена (индекс) товара в регионе i в момент времени t ; $PCI_{i,t}^*$ – среднедушевые денежные доходы населения в регионе i в период времени t относительно среднего значения по регионам.

Показатель, рассчитываемый по формуле (3), представляющий собой межрегиональный паритет покупательной способности по выбранному товару, выступает мерой относительной экономической доступности этого товара.

Сочетание индексного подхода со стандартными метриками статистического анализа дает ряд производных показателей, специально сфокусированных на тех или иных параметрах их пространственной неравномерности, позволяющих дополнительно характеризовать экономическую доступность товаров. Развитием данного подхода стали модели визуализации пространственной вариации (индексы Морана, Гири, Гетиса–Орда и др.). Построение таких моделей позволяет не только наглядно продемонстрировать пространственную автокорреляцию показателей, но и служит выявлению эффектов их кластеризации. В случае необходимости обработки больших

массивов информации расчеты могут выполняться с помощью универсального (например, библиотеки для работы с пространственными данными в Python) или специализированного (программа GeoDa и др.) программного обеспечения.

Эффективным инструментом для изучения причин, вызывающих межрегиональные различия в покупательной способности, может служить метрика эластичности. В рамках нашего исследования коэффициент пространственной эластичности покупательной способности представляет собой относительную меру изменения рассматриваемого показателя в ответ на изменение какого-либо из влияющих на него факторов. В случае, если данный процесс описывается линейной многофакторной моделью, можно воспользоваться упрощенной формулой расчета коэффициента эластичности [20, с. 39] вида:

$$E_j = b_i \cdot \frac{\bar{f}_j}{\bar{P}P}, \quad (4)$$

где b_j – коэффициент регрессии j -го фактора; \bar{f}_j – среднее значение признака j -го фактора, $\bar{P}P$ – среднее значение показателя относительной покупательной способности.

Еще одним стандартным подходом, широко применяемым в экономических исследованиях, является методология стохастического моделирования, в частности, техники корреляционно-регрессионного анализа. Следуя данному подходу, изучение пространственной неоднородности влияния доходов и цен на доступность товара базируется на предположении, что относительная покупательная способность (экономическая доступность) товара может быть описана линейной функцией, аргументами которой являются относительный среднедушевой денежный доход и относительная цена товара вида $PP_{i,t}^* = a + b_1 P_{i,t} + b_2 CPI_{i,t}$, где a , b_1 , b_2 – коэффициенты.

Перечисленные инструменты анализа служат методическим основанием для проведения исследования экономической доступности рыбопродуктов в РФ, основные результаты которого приведены ниже.

Информационную основу нашей работы составляют сведения о доходах, ценах и других показателях, способных оказывать прямое или косвенное влияние на экономическую доступность продовольственных товаров, которые размещены в общедоступной базе данных ЕМИСС и информационно-справочных материалах Росстата. Из всей номенклатуры продуктов питания, образующих различные товарные наборы для наблюдений за ценами и для межрегиональных сопоставлений уровня жизни, был выбран товар с наименованием “Рыба мороженая неразделанная”, как единственный представитель рыбной группы, входящий в состав всех статистических наборов¹. Кроме того, данный товар является одним из наиболее востребованных

¹ Приказ Росстата от 23.12.2022 г. № 975 (ред. от 07.03.2024) "Об утверждении наборов потребительских товаров и услуг и перечня базовых городов Российской Федерации для наблюдения за ценами и тарифами".

российскими потребителями рыбных продуктов. Согласно методическим рекомендациям Росстата, этот товар включает морскую и пресноводную рыбу (скумбрия, окунь, треска, хек, карп, судак, амур, камбала, минтай, путассу, горбуша и т. п.), замороженную целиком, без предварительной очистки и разделки, кроме ценных пород рыб: осетровых (осетр, севрюга, белуга, калуга, стерлядь и т. п.), сиговых (нельма (белорыбица), муксун, омуль, сиг амурский и сибирский, чир и т. п.), лососевых (лосось озерный, форель, семга, кета, кижуч, нерка, чавыча и т. п.), за исключением филе рыбного¹. Основным инструментом для изучения межрегиональных различий в экономической доступности данного товара выступает показатель относительной покупательной способности среднедушевых доходов населения регионов РФ, рассчитываемый по формуле (3). Его составляющими являются относительный среднедушевой доход и относительная цена на рыбу мороженую неразделанную, определяемые по формулам (1) и (2). Указанные показатели рассчитываются для регионов РФ, по которым в базе данных ЕМИСС/Росстат имеются непрерывные статистические ряды с 2011 по 2023 г., за исключением автономных округов, входящих в состав других субъектов Федерации. Таким образом, используемая в работе пространственно-временная выборка содержит информацию о доходах и ценах на данный социально значимый продукт в разрезе 77 регионов страны за 13 лет наблюдений в годовом измерении.

Результаты и обсуждение

Данные, приведенные на рисунке 1, дают общее представление о степени межрегиональной дифференциации доходов населения, цены и покупательной способности по исследуемому товару (рыба мороженая неразделанная), сложившейся за весь период наблюдений во включенных в выборку регионах РФ.

Судя по данным, приведенным на рисунке 1, "эталонным" регионом по покупательной способности в отношении рыбы мороженой неразделанной может считаться Ярославская область, имеющая наиболее близкие к средним по стране значения всех параметров. Графический анализ подтверждает выводы других авторов о высокой степени неоднородности покупательной способности населения российских регионов по большинству продовольственных товаров. В нашем случае разрыв (коэффициент осцилляции) между максимальным (Республика Ингушетия) и минимальным (Чукотский автономный округ) значениями покупательной способности относительно среднего по всем регионам уровня по рыбе мороженой неразделанной составляет 2,86. Полученная величина означает почти трёхкратную разницу в экономической доступности данного товара. Нетрудно также заметить формирование своего рода "кластера" регионов с наибольшей покупательной способностью, которая

¹ Описательные характеристики товаров (услуг) – представителей для наблюдения за потребительскими ценами и тарифами в 2024 г. [Электронный ресурс]. Доступно по адресу: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Harakteristiki_2018-2024.xlsx

обусловлена высоким уровнем среднедушевого дохода, как правило, в сочетании с относительно низкой ценой на рыбу.

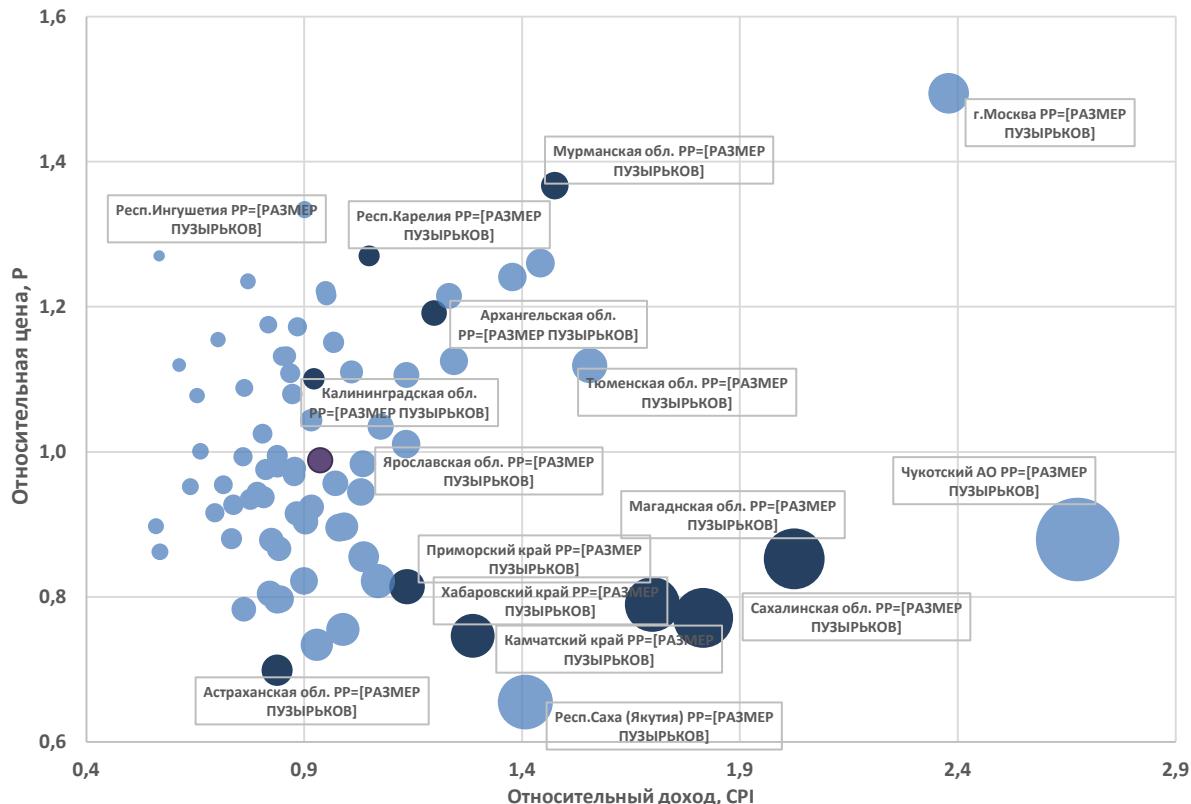

Рисунок 1 – Относительные среднедушевые доходы населения (CPI), цена (P) и покупательная способность (PP) по рыбе мороженой неразделанной в регионах РФ, средние значения за 2011–2023 гг.

Figure1 – Relative per capita income of the population (CPI), price (P) and purchasing power (PP) for frozen whole fish in the regions of the Russian Federation, average values for 2011–2023.

Примечания: диаметр точек показывает величину относительной покупательной способности; темным цветом выделены основные рыбодобывающие регионы РФ¹.

Источник: Росстат, расчеты автора.

Для лучшего понимания степени воздействия выделенных факторов на диспаритет покупательной способности необходимо выполнить их количественную оценку. Такая оценка проводится по аналогии с тем, как это было сделано в одной из наших предыдущих работ [21], с помощью инструментов, входящих в пакет статистического анализа программного продукта Microsoft Excel. Для выявления наличия и тесноты связей между зависимой (относительной покупательной способностью) и независимыми (относительная цена и уровень среднедушевых денежных доходов населения) переменными применен метод корреляционного анализа. Его основные результаты приведены в таблице 1 и в комментариях к ней.

¹ Термином “рыбодобывающие регионы” обозначены 10 регионов РФ, на долю которых в 2003-2023 гг. приходилось 93-96 % улова рыбы и морепродуктов и 83-93 % всех занятых в рыболовстве, согласно данным Росстата (см. “Российский статистический ежегодник”, “Социально-экономическое положение регионов России”).

Таблица 1 – Коэффициенты корреляции

Table 1 – Correlation coefficients

Показатели	<i>PP</i>	<i>CPI</i>	<i>P</i>
Покупательная способность (<i>PP</i>)	1		
Среднедушевой доход (<i>CPI</i>)	0,87	1	
Среднегодовая цена (<i>P</i>)	-0,39	0,08	1

Источник: расчеты авторов

Соотнесение приведенных в таблице 1 величин коэффициентов корреляции со шкалой Чеддока¹ позволяет предположить наличие существенной причинно-следственной связи между покупательной способностью по рыбе и величиной среднедушевого денежного дохода населения регионов. Цена на данный товар оказывает умеренное влияние на покупательную способность. Существует также незначительная корреляционная связь между объясняющими переменными – доходом и ценой, наличие которой следует учитывать при оценке влияния указанных факторов на результирующий показатель.

Для численного описания зависимости покупательной способности по исследуемому товару от выделенных выше факторов была построена и протестирована модель, основанная на уравнении множественной линейной регрессии вида $PP = a + b_1CPI + b_2P$. Основные параметры и оценка этого уравнения приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты анализа моделей

Table 2 – Results of the analysis of the model

Показатели	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Y-пересечение	1,161	0,061	19,117	2,39E-30
Среднедушевой доход (<i>CPI</i>)	1,119	0,026	43,33	2,47E-54
Среднегодовая цена (<i>P</i>)	-1,241	0,056	-22,03	3,09E-34
$R^2 = 0,968$; Нормированный $R^2 = 0,967$				

Источник: расчеты автора.

Оценка параметров уравнения по критерию Фишера, показала, что расчетная величина критерия значительно превышает его критический уровень, что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу о равенстве коэффициента детерминации уравнения нулю. Учитывая это, а также что значения показателя р-значимости для всех коэффициентов намного меньше заданной пороговой величины, полученное выборочное уравнение регрессии можно признать статистически значимым. Проверка на возможную корреляцию между факторами показала наличие незначительной мультиколлинеарности ($VIF = 1,01$), что вместе с другими результатами тестирования позволяет

¹ Шкала Чеддока [Электронный ресурс]. Доступно по адресу: <https://math.semestr.ru/corel/cheddok.php>

говорить о высокой степени соответствия предложенной модели описываемому с ее помощью процессу формирования региональных различий.

Таким образом, относительная покупательная способность по рыбе мороженой неразделанной в i -м регионе страны в году t с достаточно высокой достоверностью описывается двухфакторным уравнением линейной регрессии вида:

$$\widetilde{P}P_{i,t} = 1,16 + 1,12PCI_{i,t} - 1,24P_{i,t}. \quad (5)$$

Коэффициенты при переменных отражают вполне ожидаемые эффекты роста покупательной способности в случае увеличения среднедушевого дохода и, напротив, ее снижения при росте цены. Построенное уравнение объясняет около 97 % вариаций показателя покупательной способности и может использоваться при разработке мер социально-экономической политики, направленных на устранение региональных диспропорций в экономической доступности рыбопродуктов в нашей стране.

Исследование не только подтвердило выводы других авторов о наличии больших различий между регионами РФ в уровне покупательной способности по основным видам продуктов питания и, в том числе, по рыбопродуктам, но и обнаружило значительный разрыв в величине данного показателя в главных рыбодобывающих регионах страны (коэффициент осцилляции покупательной способности для этих регионов равен 1,57). Последнее может интерпретироваться как существенное неравенство в доступности рыбы, что выглядит неожиданным, поскольку в силу высокого предложения в рыбодобывающих регионах нормой для них была бы меньшая дифференциация в доступности рыбопродуктов, по сравнению с другими территориями страны. Для проверки данного предположения была оценена сила статистической связи между предложением (уловом) рыбы в регионе и ценой на нее. Согласно нашим расчетам, величина коэффициента корреляции между этими показателями в 10-ти основных рыбодобывающих субъектах Федерации в среднем за последние 7 лет, по которым имеются статданные об уловах в региональном разрезе (2016–2022 гг.), не превышает 0,16. Такой результат дает основание утверждать, что влияние предложения рыбы на ее цену в основных рыбодобывающих регионах незначительно, и, вероятно, доступность рыбы в этих регионах определяется другими факторами.

В используемой нами модели оценки уровня экономической доступности таким альтернативным фактором является величина среднедушевого денежного дохода. Поэтому дальнейшее изучение межрегиональной дифференциации доступности рыбопродуктов базируется на идее, что в рыночной экономике на больших промежутках времени доминирующей силой, влияющей на покупательную способность по товарам со средней эластичностью спроса, к числу которых относится большинство рыбопродуктов [22], выступает не предложение этих товаров, а доходы их потенциальных потребителей. Проверить обоснованность данного предположения можно с помощью метрики

эластичности, специально сконструированной для оценки силы влияния на итоговый показатель отдельных факторов. Используя уравнение (5), описывающее связь между отдельными факторными признаками (относительные доход и цена) и результативным показателем (относительная покупательная способность), и применив формулу (4), можно рассчитать величины частных коэффициентов эластичности по выбранным факторам. Эти величины для цены и среднедушевого дохода, соответственно, составляют $E_{PP/P} = -0,79$; $E_{PP/PCI} = 0,99$. Полученный результат подтверждает сделанное выше предположение, что наиболее существенное влияние на покупательную способность по этому товару оказывают доходы населения. Однако, в отличие от всей товарной группы рыбопродуктов, товар “Рыба мороженая неразделанная” является низкоэластичным по обоим основным параметрам. Отметим также, что данный вывод относится ко всем наблюдаемым регионам РФ.

Для более полного понимания и учета специфики рыбодобывающих регионов (которая, к тому же, меняется с течением времени) необходимо подробнее изучить динамику показателя покупательной способности в этих регионах (рисунок 2).

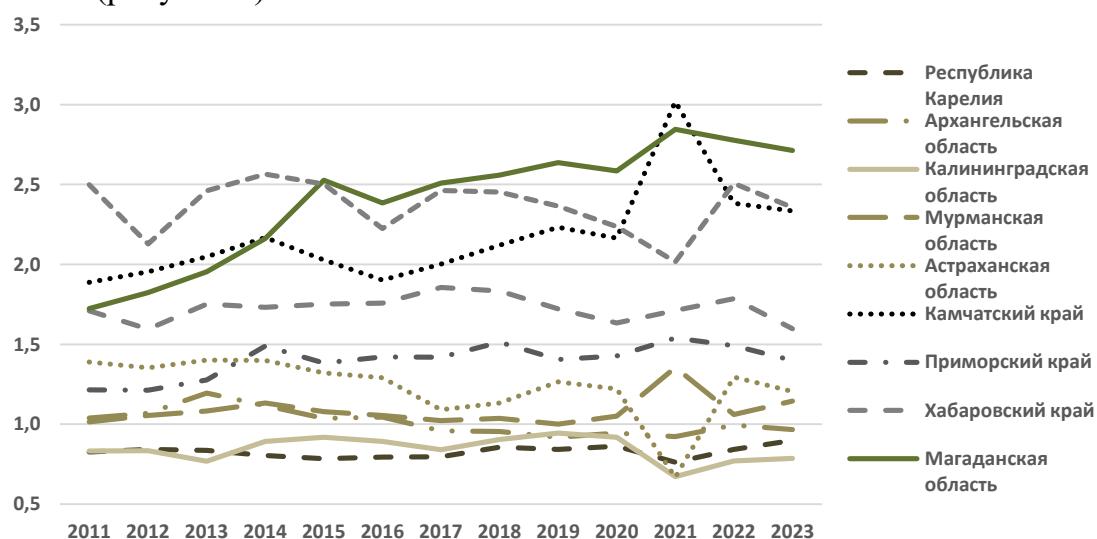

Рисунок 2 – Относительная покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения по рыбе мороженой неразделанной в основных рыбодобывающих регионах РФ

Figure 2 – Relative purchasing power of average per capita monetary income of the population for frozen whole fish in the main fishing regions

Источник: Росстат, расчеты автора.

На рисунке 2, иллюстрирующем изменения относительной покупательной способности по рыбе в основных рыбодобывающих регионах с течением времени, явно видны межрегиональные различия. В составе этих регионов на протяжении, как минимум, последних 5–7 лет выделяются две группы. К первой относятся субъекты с покупательной способностью, примерно соответствующей среднероссийскому уровню (в диапазоне 0,7–1,3), такие как: Республика Карелия, Калининградская, Астраханская, Мурманская и Архангельская

области. К ним также тяготеют Приморский и Хабаровский края (относительная покупательная способность около 1,5). Вторую группу образуют несколько регионов с наибольшей в стране (в 2,3–2,7 раза выше среднероссийского уровня) покупательной способностью – Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области. Особенностью рыбодобывающих регионов также было то, что в течение последних 13 лет (особенно в начале периода наблюдений) покупательная способность по рыбе в некоторых из них отличалась высокой степенью волатильности (в 1,6–1,9 раза выше среднероссийского уровня). Данная особенность определила значительную пространственную неравномерность коэффициента вариации величины относительной покупательной способности, рассчитанного за весь период наблюдений (рисунок 3).

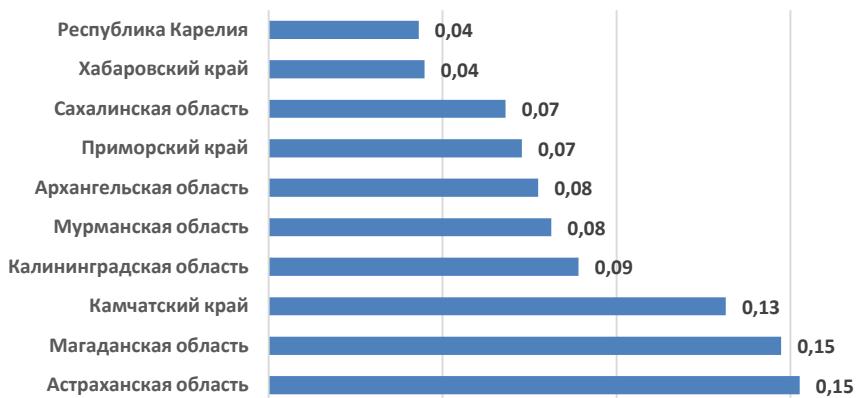

Рисунок 3 – Коэффициент вариации относительной покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения по рыбе мороженой неразделанной в основных рыбодобывающих регионах РФ за период 2011-2023 гг.

Figure 3 – Variation coefficient of the relative purchasing power of the average per capita monetary income of the population for frozen whole fish in the main fishing regions of the Russian Federation for the period 2011-2023

Источник: Росстат, расчеты автора.

Отметим, что хотя в целом по рассматриваемой категории субъектов РФ уровень стабильности покупательной способности по рыбе не выглядит необычным – в 2011–2023 гг. средняя величина коэффициента вариации показателя в рыбодобывающих регионах (9 %) примерно соответствовала среднероссийскому уровню (8 %), между этими регионами существуют существенные различия, опираясь на которые можно выделить главный драйвер изменения покупательной способности.

Анализ показывает, что высокая волатильность покупательной способности в двух дальневосточных областях в значительной мере объясняется быстрым ростом относительного уровня доходов населения в этих регионах (это, прежде всего, справедливо для Магаданской области, в которой рост доходов за 13 последних лет опередил среднероссийский в 1,47 раза). При этом регионы-лидеры по изменчивости покупательной способности демонстрировали явно несовпадающую динамику цен – в то время как волатильность относительных цен на рыбу в Магаданской области и Камчатском крае не превышала 8–9 %, в

Астраханской области она достигала 20 %. Такая неоднозначность позволяет предположить, что волатильность покупательной способности в разных регионах имеет различные причины. Действительно, оценка указывает на наличие сильной положительной связи между показателями вариативности относительных цен и покупательной способности (коэффициент корреляции 0,94) в первой группе рыбодобывающих регионов. В то же время этой группе регионов присуща слабая связь между степенями изменчивости относительных доходов и покупательной способности (коэффициент корреляции 0,27). И напротив, для регионов второй группы характерна сильная связь между этими двумя показателями (коэффициент корреляции 0,71). Таким образом, имеются основания утверждать, что в рыбодобывающих регионах с умеренной покупательной способностью (относительно среднероссийского уровня) доминирующее влияние на изменение этого показателя оказывает волатильность цен на рыбу, в то время как в регионах с высокой относительной покупательной способностью таким драйвером является волатильность среднедушевых денежных доходов населения. Сделанный вывод может быть полезен при принятии решений по управлению доступностью рыбных товаров в рыбодобывающих регионах РФ.

Особое место среди регионов – основных поставщиков рыбы и рыбопродуктов на российский рынок занимает Калининградская область, отличающаяся нетипично низкой для регионов данного типа покупательной способностью по товару, относящемуся к одному из направлений их экономической специализации – неразделанной рыбе. Уровень покупательной способности по этому товару в Калининградской области за весь период наблюдений, начиная с 2011 г., не превышал 0,95 от среднероссийского, а в последнее время опустился до 0,77-0,79. Такие значения показателя дают основания относить область к числу российских регионов с низкой экономической доступностью рыбопродуктов. Парадоксальная ситуация, сложившаяся с потреблением рыбопродуктов в этом традиционно “рыбохозяйственном” регионе, уже отмечалась в наших предыдущих работах (см., например, [7, 23]), однако ее необычность, устойчивость во времени и возможные последствия для продовольственной безопасности и уровня жизни людей требуют более пристального изучения.

Заключение

Целью работы, основные результаты которой представлены в данной статье, было определение закономерностей в уровне экономической доступности одного из основных видов рыбопродуктов – рыбы мороженой неразделанной в регионах РФ. Исследование показало, что доступность этого товара, характеризуемая показателем покупательной способности денежных доходов населения, сильно варьирует от региона к региону. С тем чтобы количественно оценить различия, в работе предложена двухфакторная модель, описывающая пространственную неоднородность уровня доступности по

исследуемому товару. Тестирование показало адекватность модели и возможность ее использования для планирования соответствующих мероприятий социально-экономической политики. Было также выявлено, что уровень доступности рыбы в рыбодобывающих регионах страны почти не зависит от объема добываемой в этих регионах рыбы и определяется иными факторами. В то время как в регионах с умеренной покупательной способностью доминирующее влияние на динамику показателя оказывает волатильность цен на рыбу, в регионах с высокой относительной покупательной способностью его драйвером является изменение среднедушевых денежных доходов населения. Найденная закономерность должна учитываться при принятии решений по управлению доступностью рыбных товаров на региональном уровне, поскольку выбор оптимальных мер воздействия на этот показатель определяется уровнем и динамикой показателя доступности в предыдущие годы.

Ограниченный формат журнальной статьи не позволил отразить в ней все аспекты пространственной неоднородности экономической доступности рыбопродуктов в РФ. В частности, научный и практический интерес представляет сравнительный анализ межрегиональных различий в доступности по различным видам рыбопродуктов. Другим направлением исследований может стать анализ функциональной взаимосвязи между значениями показателя доступности по исследуемому товару в разных частях страны, вызывающей эффекты пространственной автокорреляции. Наличие положительной автокорреляции показателя доступности означает, что его схожие значения в разных регионах обусловлены некими общими обстоятельствами. Однако принятие данного предположения исключает возможность применения классических статистических моделей, поскольку оно противоречит основополагающему принципу – независимости их переменных. Для устранения указанного противоречия используются специальные методы, позволяющие учитывать пространственную зависимость статистических данных. Например, для анализа данных на наличие пространственной зависимости рассчитывается глобальный индекс Морана, показывающий, являются ли параметры, характеризующие состояние исследуемых объектов или явлений, кластеризованными, случайными или рассредоточенными. Важную дополнительную информацию о региональной доступности рыбопродуктов также можно получить с помощью инструментов измерения локальной пространственной корреляции, например, метрики LISA (Local Indicators of Spatial Association), являющейся модификацией глобального индекса Морана. Ее использование позволяет обнаруживать устойчивые кластеры регионов, имеющие высокую степень локальной пространственной ассоциации по показателю экономической доступности рыбопродуктов.

Другим перспективным направлением исследований может стать отказ от принятого нами допущения, что товар “Рыба мороженая неразделанная” имеет одинаковые качественные характеристики во всех регионах страны.

Невыполнение данного предположения (как это нередко бывает в действительности) означает нарушение одной из основ методологии бинарного сравнения – свойства транзитивности, что приводит к несопоставимости региональных цен на этот товар и, соответственно, к неверным сравнениям уровней покупательной способности. Возможным способом устранения указанного недостатка является использование специальных методов, например, современных модификаций метода Country-Product-Dummy (CPD), обычно обеспечивающих хорошие результаты при решении аналогичных проблем.

Расширение границ исследования и применение более совершенных методов, способных повысить качество анализа и улучшить понимание причин возникновения пространственной неоднородности в экономической доступности рыбопродуктов в РФ, станет предметом нашей дальнейшей работы.

Список источников

1. Saravia-Matus S., Gomez y Paloma S., Mary S. Economics of Food Security: Selected Issues // Bio-based and Applied Economics. 2012;1(1):65–80.
2. Food Security Indicators. Statistics. Food and Agriculture Organization of the United Nations. 2017/ Режим доступа: <http://www.fao.org/economic/ess/ess-fs/ess-fadata/en/#.VkhbzXbhDIU>
3. Бородин К. Г. Экономическая доступность продовольствия: факторы и методы оценки // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 563–582.
4. Balassa B. The Purchasing Power Parity Doctrine: A Reappraisal // Journal of Political Economy. 1964;72:584–596.
5. Samuelson P. Theoretical Notes on Trade Problems // The review of economics and statistics. 1964;46(2):145–164.
6. Крылов Д. Продовольственная инфляция в России и мировые цены на продукты питания. Серия докладов об экономических исследованиях. Банк России, 2024. 51 с.
7. Харин А. Г. Экономическая доступность рыбопродуктов как составная часть концепции продовольственной безопасности // Балтийский экономический журнал. 2024. №1(45). С. 38–51.
8. Российский статистический ежегодник. 2022: Стат. сб./Росстат. Москва: 2022. 691 с.
9. Балашов В. Сможет ли россиянин съедать 28 килограммов рыбы в год // Независимая газета. 11.09.2023.
10. Kokoski M. F., Moulton B. R., Zieschang K. D. Interarea price comparisons for heterogeneous goods and several levels of commodity aggregation // International and Interarea Comparisons of Income, Output, and Prices. University of Chicago Press, 1999. P. 123-169.

11. Biggeri L., Laureti T., Polidoro F. Computing sub-national PPPs with CPI data: an empirical analysis on Italian data using country product dummy models // *Soc. Indic. Res.* 2017;131(1):93–121.
12. Roos M. Regional price levels in Germany // *Applied Economics*, 2006;38,13:1553–1566.
13. Rokicki B., Hewings G. J. D. Regional price deflators in Poland: Evidence from NUTS-2 and NUTS-3 regions // *Spatial Economic Analysis*. 2019;14,1:88–105.
14. Chen M., Wang Y., Rao D. S. P. Measuring the Spatial Price Differences in China with Regional Price Parity Methods // *The World Economy*. 2019;43,4:1103–1146.
15. General Statistical Office of Vietnam – GSO. Subnational PPPs in Vietnam. Paper presented at the 4th Meeting of the ICP Task Force on the Country Operational Guidelines and Procedure. Paris, France, 2-3 May 2019.
16. Ogot N. Metrics for identifying food security status. In *Food Security and Nutrition*. Chapter 7. Academic Press, 2021. P. 147–179.
17. Drewnowski A. Food insecurity has economic root causes // *Nature Food*. 2022;3(8):555–556.
18. Гулюгина А. А. Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 3. С. 395–406.
19. Глущенко К. Закон единой цены в российском экономическом пространстве // *Прикладная эконометрика*. 2010. Т. 17, № 1. С. 3–19.
20. Пиндейк Р., Рубенфельд Д. *Микроэкономика* / пер. с англ. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 608 с.
21. Мнацаканян А. Г., Мнацаканян Р. А., Харин А. Г. Моделирование динамики цен на рыбопродукты в России // *Балтийский экономический журнал*. 2023. № 3(43). С. 82–98.
22. Мнацаканян А. Г., Карлов А. М., Харин А. Г. Метод оценки экономической доступности рыбных продуктов в контексте обеспечения продовольственной безопасности // *Морские интеллектуальные технологии*. 2021. № 4(54). С. 135–140.
23. Мнацаканян А., Харин А. Исследование доступности рыбопродуктов в Калининградской области: ценовой аспект // *Вестник Керченского гос. морского технол. ун-та*. 2023. № 1. С. 173–185.

References

1. Saravia-Matus S., Gomez y Paloma S., Mary S. *Economics of Food Security: Selected Issues* // *Bio-based and Applied Economics*. 2012;1(1):65–80.
2. Food Security Indicators. Statistics. Food and Agriculture Organization of the United Nations. 2017/ Режим доступа: <http://www.fao.org/economic/ess/ess-fs/ess-fadata/en/#.VkhbzXbhDIU>

3. Borodin K. G. Economic accessibility of food: factors and methods of assessment // [Economic Journal of the Higher School of Economics. 2018;4:563–582. (In Russ.).
4. Balassa B. The Purchasing Power Parity Doctrine: A Reappraisal // Journal of Political Economy. 1964;72:584–596.
5. Samuelson P. Theoretical Notes on Trade Problems // The review of economics and statistics. 1964;46(2):145–164.
6. Krylov D. Food inflation in Russia and world food prices. Series of economic research reports no. 126. Bank Rossii, 2024. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/158568/wp_126.pdf (In Russ.).
7. Kharin A. G. Economic availability of fish products as an integral part of the concept of food security // Baltic Economic Journal. 2024;1(45):38–51. (In Russ.).
8. Russian statistical yearbook. 2022: Stat. collection. Rosstat. (In Russ.).
9. Balashov V. Will a Russian be able to eat 28 kilograms of fish per year. Nezavisimaya gazeta. 11.09.2023. https://www.ng.ru/ideas/2023-09-11/8_8823_fish.html (In Russ.).
10. Kokoski M. F., Moulton B. R., Zieschang K. D. Interarea price comparisons for heterogeneous goods and several levels of commodity aggregation // International and Interarea Comparisons of Income, Output, and Prices. University of Chicago Press, 1999. P. 123-169.
11. Biggeri L., Laureti T., Polidoro F. Computing sub-national PPPs with CPI data: an empirical analysis on Italian data using country product dummy models // Soc. Indic. Res. 2017;131(1):93–121.
12. Roos M. Regional price levels in Germany // Applied Economics, 2006;38,13:1553–1566.
13. Rokicki B., Hewings G. J. D. Regional price deflators in Poland: Evidence from NUTS-2 and NUTS-3 regions // Spatial Economic Analysis. 2019;14,1:88–105.
14. Chen M., Wang Y., Rao D. S. P. Measuring the Spatial Price Differences in China with Regional Price Parity Methods // The World Economy. 2019;43,4:1103–1146.
15. General Statistical Office of Vietnam – GSO. Subnational PPPs in Vietnam. Paper presented at the 4th Meeting of the ICP Task Force on the Country Operational Guidelines and Procedure. Paris, France, 2-3 May 2019.
16. Ogot N. Metrics for identifying food security status. In Food Security and Nutrition. Chapter 7. Academic Press, 2021. P. 147–179.
17. Drewnowski A. Food insecurity has economic root causes // Nature Food. 2022;3(8):555–556.
18. Gulyugina A. A. Purchasing power of monetary income of the population of Russia in the context of modern challenges // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2023;19(3):395–406. (In Russ.).
19. Glushchenko K. The law of one price in the Russian economic space // Applied Econometrics. 2010;17(1):3–19. (In Russ.).

20. Pindayk R., Rubenfel'd D. Microeconomics. Saint Petersburg: Piter, 2002.
21. Mnatsakanyan A. G., Mnatsakanyan R. A., Kharin A. G. Modeling the dynamics of prices for fish products in Russia // Baltic Economic Journal. 2023;3(43):82–98. (In Russ.).
22. Mnatsakanyan A. G., Karlov A. M., Kharin A. G. Method for assessing the economic availability of fish products in the context of food security // Marine intellectual technologies. 2021;4(54):135–140. (In Russ.).
23. Mnatsakanyan A. G., Kharin A. G. Study of the availability of fish products in the Kaliningrad region: price aspect // Bulletin of the Kerch State Marine Technological University. 2023;1:173–185. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Г. Харин – канд. экон. наук, доцент ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the author

A. G. Kharin – candidate of econ. sciences, associate professor of INOTEKU FGBOU VO "Kalininograd State Technical University".

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 05.02.2025; принята к публикации 06.03.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 05.02.2025; accepted for publication 06.02.2025.

ФИНАНСЫ

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 153-163.
Baltic Economic Journal. 2025. No. 1(49). P. 153-163.

ФИНАНСЫ

Научная статья

УДК 332.1:338.23

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-153-163

Оценка эффективности программно-целевого планирования Калининградского областного бюджета

Леонид Иванович Сергеев¹,

Давид Альбертович Мнацаканян²

^{1,2} ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

¹ doc_sergeevli@mail.ru

² david.mnatsakanyan@klgtu.ru

Аннотация. В статье анализируется значимость государственных программ как инструмента стратегического и бюджетного планирования в Российской Федерации, с акцентом на их роль в достижении долгосрочных социально-экономических целей. Особое внимание уделяется процессу разработки, утверждения и реализации государственных программ в Калининградской области, включая анализ их количества, структуры и эффективности в определенный период. Рассматривается влияние внешнеэкономических факторов на формирование региональных программ, их адаптация к изменяющимся условиям социально-экономического развития и степень соответствия приоритетным направлениям стратегического планирования региона.

Ключевые слова: государственные программы, анализ эффективности реализации, модернизация экономики, развитие сельского хозяйства, бюджетное планирование

Для цитирования: Сергеев Л. И., Мнацаканян Д. А. Оценка эффективности программно-целевого планирования Калининградского областного бюджета // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 153-163. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-153-163>

Assessment of the effectiveness of program-based budgeting in the Kaliningrad region

Leonid I. Sergeev¹,

David A. Mnatsakanyan²

^{1, 2} INOTECU Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

¹ doc_sergeevli@mail.ru

² david.mnatsakanyan@klgtu.ru

Abstract. The article analyzes the importance of government programs as a tool for strategic and budgetary planning in the Russian Federation, with an emphasis on their role in achieving long-term socio-economic goals. Special attention is paid to the process of developing, approving and implementing government programs in the Kaliningrad region, including an analysis of their number, structure and effectiveness over a specific period. The influence of external economic factors on the formation of regional programs, their adaptation to changing conditions of socio-economic development and the degree of compliance with the priority areas of strategic planning of the region is considered.

Keywords: government programs, analysis of the effectiveness of implementation, modernization of the economy, development of agriculture, budget planning

For citation: Sergeev L. I., Mnatsakanyan D. A. Assessment of the effectiveness of program-target planning of the Kaliningrad regional budget // Baltic Economic Journal. 2025;1(49):153-163. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-153-163>

Важность государственных программ в системе стратегического и бюджетного планирования Российской Федерации становится особенно актуальной в контексте необходимости обеспечения устойчивого развития и эффективного использования ограниченных ресурсов. Эти программы не только служат основой для распределения финансовых средств, но и определяют долгосрочные приоритеты развития, что делает их важным инструментом для реализации государственной политики. В условиях экономической нестабильности и внешних вызовов для страны особое значение приобретает правильная и обоснованная разработка программ, способных адекватно реагировать на изменения в экономической ситуации и обеспечивать необходимую гибкость в процессе их реализации.

В Бюджетном послании Президента Российской Федерации на 2013 год было зафиксировано, что государственные программы являются ключевыми механизмами стратегического и бюджетного планирования в стране на ближайших три года [1, 2]. Это, в свою очередь, должно способствовать более эффективному управлению государственными ресурсами и повышению результативности социально-экономического развития.

При разработке государственных программ необходимо рассматривать различные способы достижения целей. Однако при их утверждении следует выбирать наиболее обоснованный вариант, который оптимально учитывает доступные ресурсы и способствует успешной реализации поставленных задач.

Согласно Порядку, утвержденному Правительством Калининградской области, государственные программы выступают основным инструментом согласования стратегического и бюджетного планирования в России на период 2014-2016 годов. В связи с этим для реализации данного механизма "экономический блок правительства Калининградской области совместно с заинтересованными органами исполнительной власти разработал Порядок принятия решений о разработке, формировании и реализации государственных программ Калининградской области" [7, 8, 9].

Этот Порядок предусматривает составление перечня государственных программ, который формируется с учетом полномочий органов государственной власти Калининградской области, а также приоритетных направлений социально-экономического развития Российской Федерации.

Одним из ключевых аспектов успешной реализации государственных программ является разработка и внедрение методов, направленных на повышение их эффективности. Для этого необходимо не только совершенствовать процесс планирования и утверждения программ, но и внедрять механизмы контроля, мониторинга и оценки их исполнения. Аудит государственных программ должен учитывать как количественные, так и качественные показатели, включая анализ достижения поставленных целей, распределение ресурсов и воздействие на социально-экономическую ситуацию в регионе.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что "разработка и утверждение государственных программ является одной из важнейших задач для достижения долгосрочных целей в области социально-экономического развития страны" [6]. При этом ключевыми факторами, обеспечивающими эффективное использование государственных ресурсов, выступают выбор наиболее обоснованного пути достижения целей и учет приоритетов социально-экономического развития.

На рисунке 1 представлен полный перечень Государственных программ Калининградской области и их финансирование за 9 лет. Для создания визуализации данных некоторые программы были разделены на подпрограммы, так как их количество менялось в разные отчетные периоды.

Рисунок 1 – Расходы на государственные программы с 2014 по 2023 год,
тыс. руб.

Figure 1 – Expenditures on government programs from 2014 to 2023, thousand rubles

Проанализируем подробно количество государственных программ за выбранный период. На рисунке 2 наглядно представлены данные по количеству государственных программ, и, опираясь на них, можно заметить тенденцию роста до 2021 года. В 2022 году произошла группировка смежных направлений

для повышения эффективности исполнения программ и их аудита. Возможной причиной для подобной реструктуризации могли стать изменения экономического вектора страны после введения санкций с 2022 года.

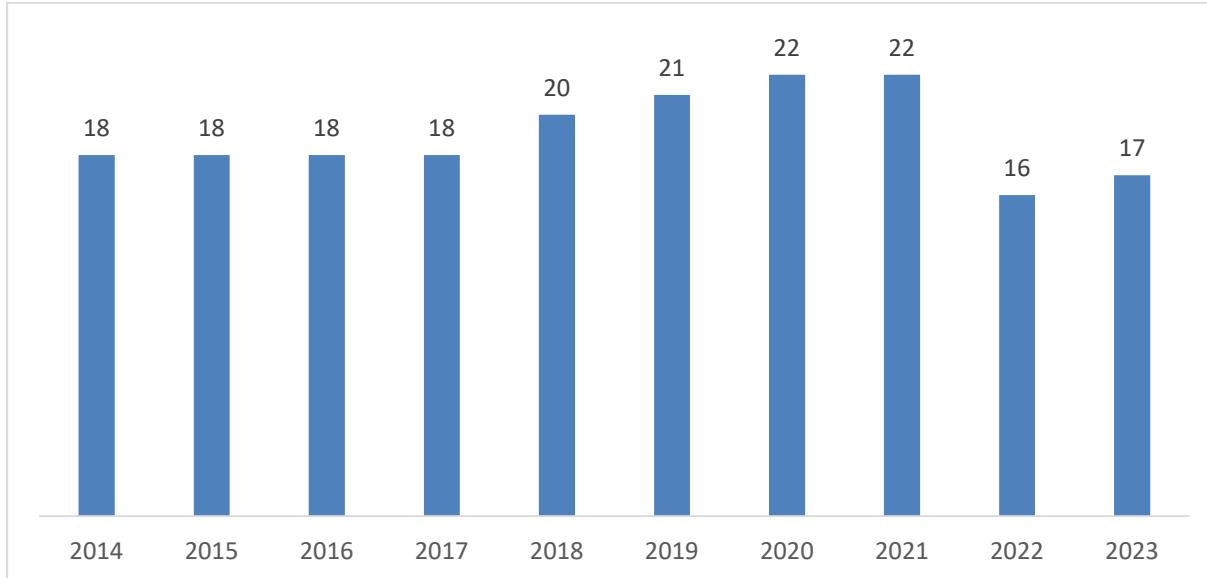

Рисунок 2 – Количество государственных программ Калининградской области, шт.
Figure 2 – The number of government programs in the Kaliningrad region, things

На основе данных рисунка 3 можно сделать вывод, что суммарная величина средств, выделяемых на реализацию государственных программ в Калининградской области в период с 2014 по 2023 год, в целом имеет положительную тенденцию, но, начиная с 2019 года, наблюдается замедление темпов роста.

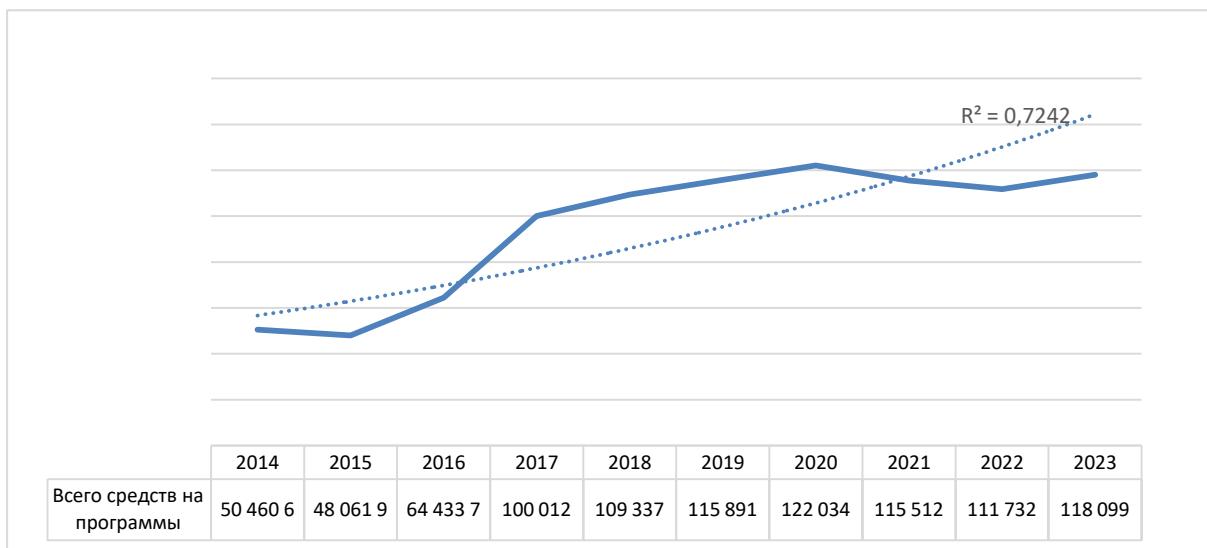

Рисунок 3 – Объем средств, направленных на реализацию программ в Калининградской области, тыс. руб.
Figure 3 – The amount of funds allocated for the implementation of programs in the Kaliningrad region, thousand rubles

Из числа реализуемых государственных программ, представленных на рисунке 1, следует выделить самую крупную программу "Модернизация экономики", на которую в год выделялось наибольшее количество средств (около 325,7 млрд. руб.), и программу "Развитие сельского хозяйства" (около 36,8 млрд. руб.). В дальнейшем более подробно остановимся на исследовании государственной программы "Развитие сельского хозяйства" из-за её актуальности и направленности на обеспечение продовольственной программы.

На рисунке 4 представлен график, который демонстрирует отчетливые тренды в изменении государственных инвестиций в две ключевые сферы экономики Калининградской области в период с 2014 по 2023 год. Коэффициент корреляции представленных государственных программ равен -0,72, что может свидетельствовать об обратной взаимозависимости. При детальном рассмотрении программы "Модернизация экономики" наблюдается ярко выраженная цикличность финансирования. Период интенсивного роста в 2014–2017 годах сменяется фазой спада, достигающей минимума в 2022 году. Такая динамика может быть обусловлена адаптационными периодами после введения санкций в 2014 и 2022 годах.

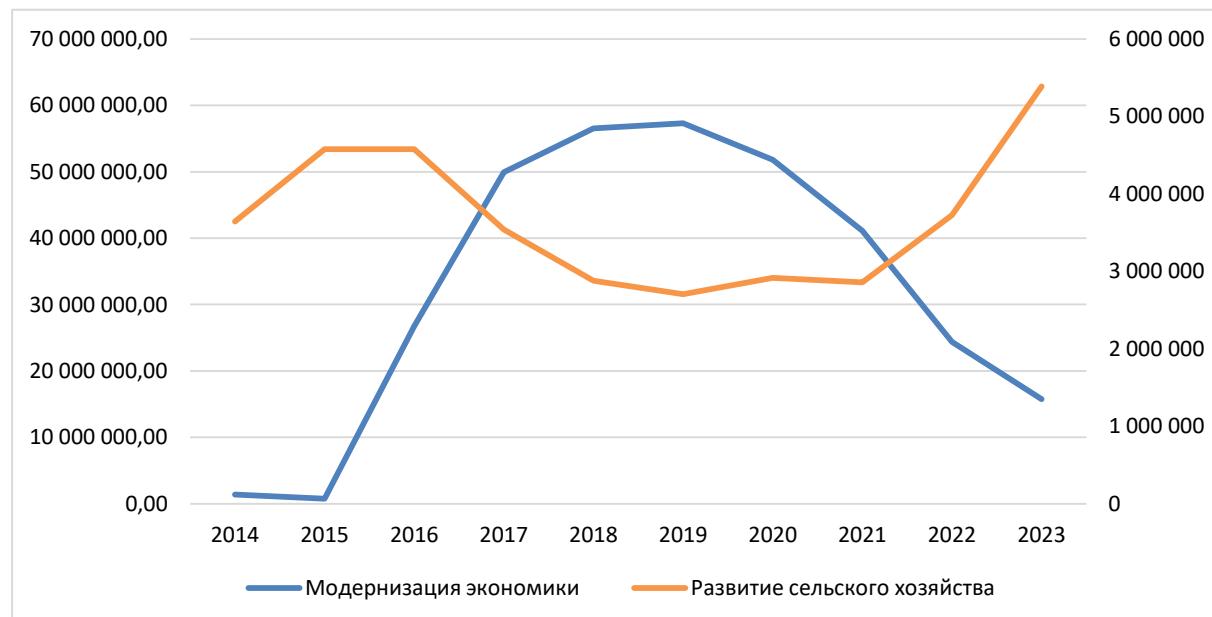

Рисунок 4 – Объем средств, выделенных на модернизацию экономики и развитие сельского хозяйства, тыс. руб.

Figure 4 – The amount of funds allocated for the modernization of the economy and the development of agriculture, thousand rubles

Программа "Развитие сельского хозяйства", в отличие от "Модернизации экономики", демонстрирует более устойчивый рост, особенно в последние годы. Такая тенденция может быть связана с повышением приоритетности агропромышленного комплекса в региональной политике, стремлением к обеспечению продовольственной безопасности Калининградской области [3, 4, 5].

Далее рассмотрим динамику развития сельского хозяйства в Калининградской области в ретроспективе по годам с 2019 по 2023 год в рамках государственной программы "Развитие сельского хозяйства".

Основными критериями для оценки динамики стали: сумма расходов на развитие сельского хозяйства, оценка эффективности государственной программы, произведенная продукция сельского хозяйства Калининградской области. Сбор и анализ перечисленных данных должен помочь увидеть общую тенденцию развития агропромышленного комплекса в Калининградской области при воздействии различных внешних факторов на экономику региона.

Все данные были собраны и представлены в таблице.

Динамика развития сельского хозяйства в Калининградской области Dynamics of agricultural development in the Kaliningrad region

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	Абсолютное отклонение	Темп прироста %
Расходы на развитие сельского хозяйства, млрд. руб.	2,71	2,91	2,86	3,73	5,39	2,68	98,89
Оценка эффективности госпрограммы, баллы	97,12	99,3	97,68	98,43	99,14	2,02	2,08
Уровень эффективности	высокий	высокий	высокий	высокий	высокий	-	-
Продукция сельского хозяйства, млрд. руб.	40,7	46,1	56,4	58,5	61,7	21,00	51,60

Составлена авторами по данным Министерства финансов Калининградской области [10, 11, 12].

Для детального анализа таблицы 1 сначала рассмотрим каждый из показателей по отдельности.

Проанализировав данные о расходах на развитие сельского хозяйства, можно зафиксировать стабильный тренд на увеличение государственных инвестиций в этот сектор экономики. За период с 2019 по 2023 год наблюдается значительный рост финансирования, что указывает на увеличение приоритетности развития аграрного сектора для региона. Прирост расходов за анализируемый период составил 2,68 млрд. руб., что демонстрирует существенные вложения в модернизацию и развитие сельского хозяйства. Такой рост финансирования оказывает положительное влияние на увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции.

Одним из ключевых показателей, отраженных в таблице, является оценка эффективности государственной программы развития сельского хозяйства. Высокие значения индекса эффективности на протяжении всех анализируемых лет свидетельствуют о высокой результативности реализуемых мероприятий. Это означает, что государственные средства, направленные на развитие сельского хозяйства, используются эффективно и позволяют достигать поставленных целей. Стабильно высокие оценки эффективности подтверждают

грамотное планирование и управление государственными программами, а также их соответствие потребностям агропромышленного сектора экономики.

Рост объемов производства сельскохозяйственной продукции является прямым следствием увеличения государственных инвестиций и сохранения высокой эффективности программ. За анализируемый период наблюдается устойчивая тенденция к увеличению производства, что свидетельствует о повышении самообеспеченности региона сельскохозяйственной продукцией и укреплении его продовольственной безопасности. Прирост производства сельскохозяйственной продукции в 2023 году по сравнению с 2019 годом составил 21 млрд. руб., что соответствует 51,6 %.

Необходимо отметить, что, несмотря на высокую эффективность государственной программы, темпы роста не были линейными в расходах как на развитие сельского хозяйства, так и произведенной сельскохозяйственной продукции (рисунок 5).

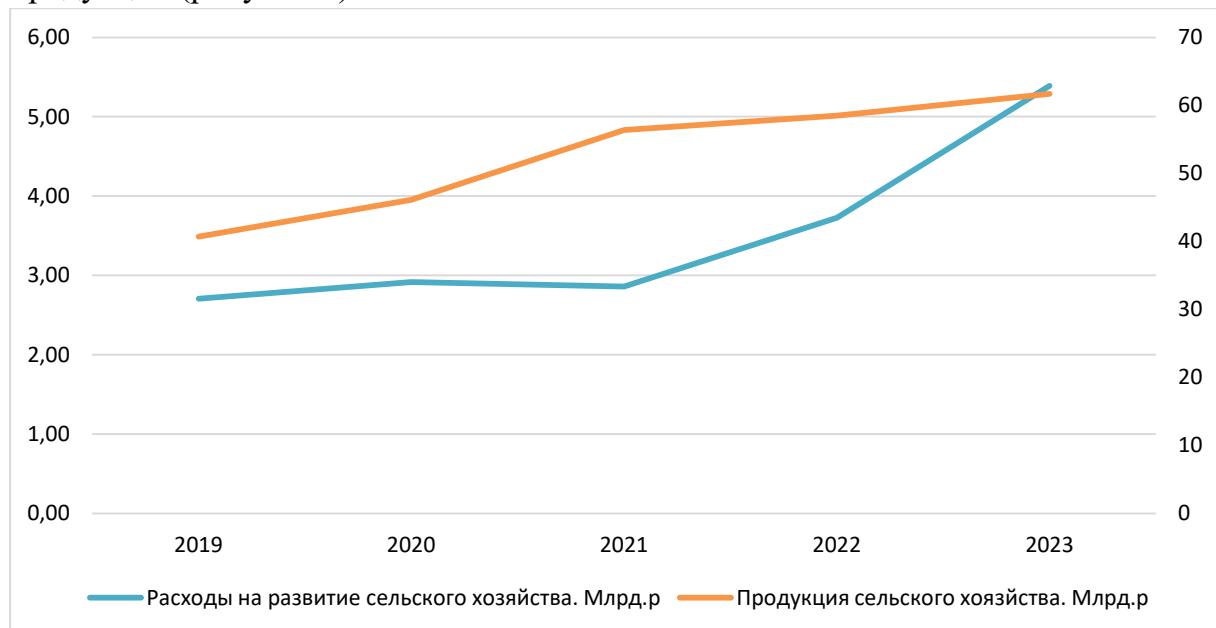

Рисунок 5 – Темпы роста расходов на развитие сельского хозяйства и производства сельскохозяйственной продукции, млрд. руб. [11, 13]
Figure 5 – The growth rate of expenditures on the development of agriculture and agricultural production, million rubles [11, 13]

Подобное явление могло быть вызвано предоставлением большого количества субсидий для малого и среднего бизнеса.

В заключение можно подчеркнуть, что государственные программы Калининградской области являются важным инструментом для обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона, и они демонстрируют высокую степень эффективности в реализации поставленных целей, что способствует стабильному росту в различных секторах экономики. Однако для обеспечения долгосрочного и устойчивого роста региона необходимо не только увеличивать объемы финансирования, но и значительным образом повысить качество исполнения программ. Этого можно достичь через совершенствование

системы государственной поддержки экономики, улучшение механизмов мониторинга и оценки эффективности программ, а также внедрением инновационных подходов в процесс их реализации.

Расширение охвата государственных программ и подпрограмм, а также усиление их интеграции с другими стратегическими планами региона позволит стимулировать как экстенсивный, так и интенсивный рост экономики. При этом важно сохранять баланс между масштабами программ и их результативностью, учитывая реальные возможности региона и потребности населения. Грамотное сочетание этих факторов обеспечит не только рост, но и качественные изменения в социальной и экономической структуре области, что в итоге приведет к достижению устойчивого развития и улучшению жизни граждан.

Список источников

1. Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2014–2016 годах.
2. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации".
3. Аганбегян А. Г. Сельское хозяйство – локомотив социально-экономического роста России // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2017. № 5. С. 5-22.
4. Неганова В. П., Дудник А. В. Совершенствование государственной поддержки АПК региона // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 2. С. 651-662.
5. Рыбнохозяйственный комплекс: экономика и развитие: монография / под ред. К. В. Колончина, О. И. Бетина. Москва: ВНИРО, 2022. 368 с.
6. Сергеев Л. И., Ревякин Д. Н. Государственный аудит программно-целевого бюджетирования регионального развития: монография. Калининград: Изд-во ФГБОУ ВО "КГТУ", 2017. 154 с.
7. Сергеев Л. И., Сергеев Д. Л. Исследование влияния бюджетной поддержки на функционирование сельскохозяйственной и рыбной отрасли страны // Балтийский экономический журнал. 2024. Вып. 2(46). С. 104-120.
8. Сергеев Л. И. Программно-целевая эффективность экономического развития // Балтийский экономический журнал. 2019. № 3(27). С. 23-35.
9. Сергеев Л. И. Обобщение основных параметров бюджета Калининградской области. // Балтийский экономический журнал. 2020. № 4(32). С. 42-61.
10. Министерство финансов Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.minfin.ru/ru/> (дата обращения: 09.10.2024).
11. Министерство экономики Калининградской области. Официальный сайт [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://economy.gov39.ru/> (дата обращения: 22.12.2024).

12. Министерство финансов Калининградской области. Официальный сайт [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.minfin39.ru/index.php> (дата обращения: 22.12.2024).

13. Портал государственных программ Калининградской области. Официальный сайт [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://gov39.ru/working/ekconomy/celevye-programmy/> (дата обращения: 05.12.2024).

References

1. Budget Message of the President of the Russian Federation on budget policy in 2014-2016. (In Russ.).
2. Federal Law No. 172-FZ dated 06/28/2014 "On Strategic Planning in the Russian Federation". (In Russ.).
3. Aganbegyan A. G. Agriculture is the locomotive of Russia's socio-economic growth // ECO. All-Russian Economic Journal. 2017;5:5-22. (In Russ.).
4. Neganova V. P., Dudnik A.V. Improving state support for the agro-industrial complex of the region // The economy of the region. 2018;14,2:651-662. (In Russ.).
5. Fisheries complex: economics and development: monograph / edited by K. V. Kolonchin, O. I. Betina. Moscow: VNIRO, 2022. 368 p. (In Russ.).
6. Sergeev L. I., Revyakin D. N. State audit of program-oriented budgeting of regional development: a monograph. Kaliningrad: Publishing House of KSTU, 2017. 154 p. (In Russ.).
7. Sergeev L. I., Sergeev D. L. A study of the impact of budget support on the functioning of the agricultural and fishing industry of the country // Baltic Economic Journal. 2024;2(46):104-120. (In Russ.).
8. Sergeev L. I. Program-target effectiveness of economic development. // Baltic Economic Journal. 2019;3(27):23-35. (In Russ.).
9. Sergeev L. I. Generalization of the main budget parameters of the Kaliningrad region // Baltic Economic Journal. 2020;4(32):42-61. (In Russ.).
10. The Ministry of Finance of the Russian Federation. Official website [Electronic resource] Access mode: URL: <http://www.minfin.ru/ru/> / (date of application: 09.10.2024). (In Russ.).
11. Ministry of Economy of the Kaliningrad region. Official website [Electronic resource] – Access mode: URL: <http://economy.gov39.ru> / (date of application: 12/22/2024). (In Russ.).
12. Ministry of Finance of the Kaliningrad region. Official website [Electronic resource] Access mode: URL: <http://www.minfin39.ru/index.php> (date of request: 12/22/2024). (In Russ.).
13. The portal of state programs of the Kaliningrad region. Official website [Electronic resource] Access mode: URL: <https://gov39.ru/working/ekconomy/celevye-programmy/> / (date of access: 05.12.2024). (In Russ.).

Информация об авторах

Л. И. Сергеев – доктор экон. наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, зав. кафедрой экономической теории и инструментальных методов ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Д. А. Мнацаканян – студент 2 курса магистратуры ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about authors

L. I. Sergeev – Doctor of Economics, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, head Department of Economic Theory and Instrumental Methods of INOTECU Kaliningrad State Technical University.

D. A. Mnatsakanian – 2nd year student of the Master's degree INOTECU Kaliningrad State Technical University.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 164-178.
Baltic Economic Journal. 2025. No. 1(49). P. 164-178.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 658.5(075.8)

doi: 10.46845/2073-3364-2025-0-164-178

Сравнительный анализ экономического развития стран ЕАЭС

Николай Александрович Сберегаев

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

valentina.schennikova@klgtu.ru

Аннотация. Объектом исследования были 5 стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС): Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия (страны С5). При этом Беларусь и Россия – это и страны С2, страны Союзного государства между Россией и Беларусью, а Армения, Казахстан, Кыргызстан – это и страны С3. Предметом исследования явилось экономическое развитие стран ЕАЭС в 2015-2022 гг. Определение и сравнительный анализ уровня и динамики экономического развития стран ЕАЭС в рассматриваемом периоде стало целью исследования, в котором использовалась авторская методика. Были определены и проанализированы 8 показателей динамики экономического развития стран ЕАЭС за 2015 г., 2019 г., 2022 г., в том числе отношения в % max и min значений этих показателей. Определены оценки повышения и понижения изменения уровня экономического развития стран ЕАЭС в 2015-2022 гг., лидеры и аутсайдеры среди стран ЕАЭС по уровню и изменению уровня экономического развития этих стран. Рассчитаны и проанализированы сравнительные оценки уровня и изменения уровня экономического развития стран ЕАЭС за 2015 г., 2019 г., 2022 г., в том числе отношения в % max и min значений этих оценок стран ЕАЭС. По результатам проведенного исследования сделаны выводы об уровне и изменении уровня экономического развития в 2015-2022 гг. стран ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), страны С5 (страны ЕАЭС): Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия; страны С2: Беларусь, Россия; страны С3: Армения, Казахстан, Кыргызстан, показатели динамики экономического развития страны, отношения в % max и min значений показателей динамики экономического развития стран, оценки повышения и понижения изменения уровня экономического развития стран, сравнительные оценки уровня и изменения уровня экономического развития стран, отношения в % max и min значений сравнительных оценок уровня и изменения уровня экономического развития стран

Для цитирования: Сберегаев Н. А. Сравнительный анализ экономического развития стран ЕАЭС // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 164-178. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-164-178>

WORLD ECONOMY

Original article

Comparative analysis of economic development of the EAEU countries

Nikolaj A. Sberegaev

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

valentina.schennikova@klgtu.ru

Abstract. The object of the study was five countries of the Eurasian Economic Union (EAEU): Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia (C5 countries). At the same time, Belarus and Russia are both C2 countries, countries of the Union State between Russia and Belarus, and Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan are both C3 countries. The economic development of the EAEU countries in 2015-2022 was the subject of the study. Determination and comparative analysis of the level and dynamics of economic development of the EAEU countries in the period under review was the goal of the study, which used the author's methodology. In the course of the study, 8 indicators of the dynamics of economic development of the EAEU countries for 2015, 2019, 2022 were identified and analyzed, including the ratio in % max and min of the values of these indicators. The article provides estimates of the increase and decrease in the change in the level of economic development of the EAEU countries in 2015-2022. The leaders and outsiders among the EAEU countries in terms of the level and change in the level of economic development of these countries are identified. Comparative estimates of the level and change in the level of economic development of the EAEU countries for 2015, 2019, 2022 are calculated and analyzed, including the ratios in % of the max and min values of these estimates of the EAEU countries. Based on the results of the study, conclusions are made about the level and change in the level of economic development in 2015-2022 of the EAEU countries.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), C5 countries (EAEU countries): Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia; C2 countries: Belarus, Russia; C3: countries: Armenia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, indicators of the dynamics of economic development of the country, ratios in % max and min of the values of the indicators of the dynamics of economic development of the countries, estimates of the increase and decrease in the change in the level of economic development of the countries, comparative estimates of the level and change in the level of economic development of the countries, ratios in % max and min of the values of comparative estimates of the level and change in the level of economic development of the countries

For citation: Sberegaev N. A. Comparative analysis of economic development of the EAEU countries // Baltic Economic Journal. 2025;1(49):164-178. (In Russ.). <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2025-0-164-178>

Объектом исследования были 5 стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС): Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия (страны C5). При этом Беларусь и Россия – это и страны C2, страны Союзного государства между

Россией и Беларусью, договор о создании которого был подписан 8 декабря 1999 г. и вступил в силу 26 января 2000 г., а Армения, Казахстан, Кыргызстан – это и страны С3. Договор о ЕАЭС был подписан 29 мая 2014 г. и вступил в силу 1 января 2015 г. Экономическое развитие стран ЕАЭС в 2015-2022 гг. явилось предметом исследования. Определение и сравнительный анализ уровня и динамики экономического развития стран ЕАЭС в рассматриваемом периоде стало целью исследования, в котором использовалась авторская методика [1, 2]. Для достижения цели были решены следующие задачи:

1. Определение и сравнительный анализ значений 8 показателей динамики экономического развития стран ЕАЭС, в том числе отношений в % max и min значений этих показателей за 2015 г., 2019 г., 2022 г.
2. Определение оценок повышения (понижения) изменения уровня экономического развития стран ЕАЭС в 2015-2022 гг.
3. Определение лидеров и аутсайдеров среди стран ЕАЭС по значениям показателей динамики экономического развития этих стран в 2015-2022 гг.
4. Расчет и анализ сравнительных оценок уровня и изменения уровня экономического развития стран ЕАЭС за 2015 г., 2019 г., 2022 г., в том числе отношений в % max и min значений оценок стран ЕАЭС.

В таблицах 1–4 указаны номера, наименования и значения определенных в ходе исследования 8 показателей динамики экономического развития стран ЕАЭС за 2015 г., 2019 г., 2022 г.

Необходимые для оценки и сравнительного анализа размеров экономик и уровней экономик показатели ВВП (по ППС), ВВП на душу населения (по ППС) стран ЕАЭС за 2015 г., 2019 г., 2022 г. указаны в таблице 1 [3, 4].

Таблица 1 – ВВП (по ППС), ВВП на душу населения (по ППС) стран ЕАЭС

Table 1 – GDP (by PPP), GDP per capita (by PPP) of the EAEU countries

№ п/п	Страна	Номера и наименования показателей							
		1				2			
		ВВП страны (по ППС), млрд. долл. США (место страны)				ВВП на душу населения страны (по ППС), долл. США (место страны)			
		2015 г.	2019 г.	2022 г.	значение 2022 г. в % к значению 2015 г.	2015	2019	2022	значение 2022 г. в % к значению 2015 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	Страны С2:								
1.1	Бела- русь	171,2 (3)	189,0 (3)	207,8 (3)	121,38 (5)	18096 (3)	20059 (3)	22521 (3)	124,45 (5)
1.2	Россия	3526,2 (1)	4173,0 (1)	4825,0 (1)	136,83 (4)	240,85 (1)	28434 (1)	32887 (1)	136,55 (3)
2.	Страны С3:								
2.1	Арме- ния	29,2 (4)	42,0 (4)	52,7 (4)	180,48 (1)	9753 (4)	14184 (4)	17779 (4)	182,29 (1)

Окончание таблицы 1

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
2.2	Казах- стан	407,4 (2)	507,4 (2)	602,8 (2)	147,96 (3)	23224 (2)	27408 (2)	30702 (2)	132,20 (4)
2.3	Кыргыз- стан	25,1 (5)	35,2 (5)	41,4 (5)	164,94 (2)	4259 (5)	5511 (5)	6122 (5)	143,74 (2)
3.	Отношение в % max и min значений показателей стран:								
3.1	C2	2059,70	2207,94	2321,94	112,73	133,10	141,75	146,03	109,72
3.2	C3	1623,11	1441,47	1456,04	121,99	545,29	497,33	501,50	137,89
3.3	C5	14048,61	11855,11	11654,59	148,69	565,51	515,95	537,19	146,48

Примечание: 1. ВВП - Валовой внутренний продукт.

2. ППС - Паритет покупательной способности.

По данным таблицы 1, размеры экономик в 2019 г. по сравнению с 2015 г. и в 2022 г. по сравнению с 2019 г. увеличились во всех 5 странах ЕАЭС, при этом места стран по ВВП (по ППС) не менялись все три года. Очевидный лидер по этому показателю Россия, а очевидный аутсайдер – Кыргызстан. Наименьший разрыв в размерах экономик, как это видно из отношений max и min значений ВВП (по ППС), все три года был у стран C3, а наибольший разрыв – у стран C5, поскольку ВВП (по ППС) России существенно больше суммарного ВВП (по ППС) всех других стран ЕАЭС. При этом, как видно из отношений значений ВВП (по ППС) 2022 г. в % к значениям 2015 г., наибольший прирост экономики за этот период был у Армении (+80,48 %), а наименьший – у Беларуси (+21,38 %), заметный прирост экономики у Кыргызстана (+64,94 % и 2-е место).

Также по данным таблицы 1 видно, что уровни экономик в 2019 г. по сравнению с 2015 г. и в 2022 г. по сравнению с 2019 г. повысились во всех 5 странах ЕАЭС, при этом места стран по ВВП на душу населения (по ППС) не менялись все три года. Лидер по этому показателю Россия, а аутсайдер – Кыргызстан, который значительно отстает по данному показателю от других стран ЕАЭС. Наименьший разрыв в уровнях экономик, как это видно из отношений max и min значений ВВП на душу населения (по ППС), все три года был у стран C2, а наибольший разрыв все три года – у стран C5 (за счет Кыргызстана). При этом, как видно из отношений значений ВВП на душу населения (по ППС) 2022 г. в % к значениям 2015 г., наибольший прирост уровня экономики был у Армении (+82,29 %), а наименьший – у Беларуси (+24,45 %).

Важно отметить успех Кыргызстана по приросту уровня экономики за 2015-2022 гг. (+43,74 % и 2-е место).

Необходимые для оценки и сравнительного анализа уровней развития населения и уровней доходов на душу населения показатели ИЧР, ВНД на душу населения (по ППС) стран ЕАЭС за 2015 г., 2019 г., 2022 г. указаны в таблице 2 [5, 6].

Таблица 2 –ИЧР, ВНД на душу населения (по ППС) стран ЕАЭС

Table 2 – HDI, GNI per capita (by PPP) of the EAEU countries

№ п/п	Страна	Номера и наименования показателей								
		3				4				
		ИЧР страны (место страны)				ВНД на душу населения страны (по ППС), долл. США (место страны)				
		2015 г.	2019 г.	2022 г.	значение 2022 г. в % к значению 2015 г.	2015	2019	2022	значение 2022 г. в % к значению 2015 г.	
1.	Страны С2:									
1.1	Беларусь	0,809 (2)	0,810 (2)	0,801 (3)	99,01 (5)	17330 (3)	19520 (3)	21800 (3)	125,79 (4)	
1.2	Россия	0,824 (1)	0,839 (1)	0,821 (1)	99,64 (4)	23420 (1)	29120 (1)	35770 (1)	152,73 (2)	
2.	Страны С3:									
2.1	Армения	0,769 (4)	0,789 (4)	0,786 (4)	102,21 (1)	10540 (4)	15120 (4)	18120 (4)	171,92 (1)	
2.2	Казах- стан	0,799 (3)	0,810 (3)	0,802 (2)	100,38 (3)	21760 (2)	24040 (2)	27080 (2)	124,45 (5)	
2.3	Кыргыз- стан	0,689 (5)	0,699 (5)	0,701 (5)	101,74 (2)	4050 (5)	5000 (5)	5830 (5)	143,95 (3)	
3.	Отношение в % max и min значений показателей стран:									
3.1	С2	101,85	103,58	102,50	100,64	135,14	149,18	164,08	121,42	
3.2	С3	115,97	115,88	114,41	101,82	537,28	480,80	464,49	138,14	
3.3	С5	119,59	120,03	117,12	103,23	578,27	582,40	613,55	138,14	

Примечание: 1. ИЧР – Индекс человеческого развития.

2. ВНД – Валовой национальный доход.

По данным таблицы 2, уровень развития населения в 2019 г. по сравнению с 2015 г. повысился во всех 5 странах ЕАЭС, а в 2022 г. по сравнению с 2019 г. только в Кыргызстане. Места по ИЧР страны в 2015 г. и 2019 г. не менялись у всех стран ЕАЭС, а в 2022 г. по сравнению с 2019 г. изменились у 2 стран: Беларусь опустилась со 2-го места на 3-е, Казахстан поднялся с 3-го места на 2-е. Наименьший разрыв в уровне развития населения все три года был у стран С2, а наибольший – у стран С5 за счет существенного отставания по этому показателю Кыргызстана от других стран ЕАЭС. При этом, как видно из отношения значений ИЧР 2022 г. в % к значениям 2015 г., уровень развития населения за этот период повысился у стран С3 и понизился у стран С2, лидер по изменению уровня развития населения – Армения (+2,21 %), а аутсайдер – Беларусь (-0,99 %). Также по данным таблицы 2 видно, что уровни доходов на душу населения в 2019 г. по сравнению с 2015 г. и в 2022 г. по сравнению с 2019 г. повысились во всех 5 странах ЕАЭС, места этих стран по ВНД на душу населения (по ППС) не менялись все три года. Очевидный лидер по этому показателю Россия, а очевидный аутсайдер – Кыргызстан. Наименьший разрыв в уровне доходов на душу населения, как это видно из отношений max и min значений ВНД на душу населения (по ППС), все три года был у стран С2, а наибольший – у стран С5 за счет существующего отставания Кыргызстана по

этому показателю среди стран ЕАЭС. При этом, как видно из отношений значений ВНД на душу населения (по ППС) 2022 г. в % к значениям 2015 г., наибольший прирост доходов на душу населения за это период был в Армении (+71,92 %), а наименьший – в Казахстане (+24,45 %).

Необходимые для оценки и сравнительного анализа трудоспособного населения и государственных заимствований показатели экономически активного населения, государственного долга стран ЕАЭС за 2015 г., 2019 г., 2022 г. указаны в таблице 3 [7, 8].

Таблица 3 – Экономически активное население, государственный долг стран ЕАЭС

Table 3 – Economically active population, government debt of the EAEU countries

№ п/п	Страна	Номера и наименования показателей							
		5				6			
		Экономически активное население страны, доля трудоспособного населения среди всего населения, % (место страны)				Государственный долг страны, % к ВВП страны (место страны)			
		2015 г.	2019 г.	2022 г.	значение 2022 г. в % к значению 2015 г.	2015 г.	2019 г.	2022 г.	значение 2022 г. в % к значению 2015 г.
1.	Страны С2:								
1.1	Беларусь	81,3 (1)	67,7 (1)	60,7 (2)	74,66 (5)	53,0 (4)	41,0 (3)	41,3 (3)	77,92 (2)
1.2	Россия	65,3 (3)	59,4 (5)	58,3 (3)	89,28 (3)	15,3 (1)	13,7 (1)	18,5 (1)	120,92 (5)
2.	Страны С3:								
2.1	Армения	50,9 (5)	62,3 (3)	41,6 (5)	81,73 (4)	48,7 (3)	53,7 (5)	49,2 (5)	101,03 (3)
2.2	Казахстан	68,3 (2)	66,7 (2)	65,7 (1)	96,19 (1)	21,9 (2)	19,9 (2)	23,5 (2)	107,31 (4)
2.3	Кыргыз- стан	57,7 (4)	61,5 (4)	52,2 (4)	90,47 (2)	67,1 (5)	48,8 (4)	49,2 (4)	73,32 (1)
3.	Отношение в % max и min значений показателей стран:								
3.1	C2	124,50	113,97	104,12	119,58	346,11	299,27	223,24	155,18
3.2	C3	134,18	108,46	157,93	117,69	306,39	269,85	209,36	146,36
3.3	C5	159,72	113,97	157,93	128,84	438,56	391,97	265,95	164,92

По данным таблицы 3, доля трудоспособного населения среди всего населения в 2019 г. по сравнению с 2015 г. уменьшилась в Беларуси, России, Казахстане, увеличилась в Армении, Кыргызстане, а в 2022 г. по сравнению с 2019 г. уменьшилась во всех странах ЕАЭС, при этом только у Кыргызстана 4-е место по этому показателю было все три года, у остальных стран ЕАЭС места менялись разнонаправленно, наиболее заметно у России (3 место в 2015 г. и 2022 г., 5 место в 2019 г.) и Армении (5 место в 2015 г. и 2022 г., 3 место в 2019 г.). Как видно из отношений max и min значений доли трудоспособного населения среди всего населения страны, наименьший разрыв по этому показателю в 2015 г. и 2022 г. был у стран С2, в 2019 г. у стран С3, а наибольший

разрыв в 2015 г. был у стран С5, в 2019 г. у стран С2 и С5, поскольку Беларусь (1 место) и Россия (5 место) – это и страны С2, и страны С5, в 2022 г. у стран С3 и С5, поскольку Казахстан (1 место) и Армения (5 место) – это и страны С3, и страны С5. При этом, как видно из отношений значений доли трудоспособного населения среди всего населения 2022 г. в % к значениям 2015 г., во всех 5 странах ЕАЭС произошло снижение этой доли за рассматриваемый период, наименее значительное в Казахстане (-3,81 %), наиболее значительное в Беларуси (-25,34 %). Также по данным таблицы 3 видно, что госдолг в % к ВВП страны в 2019 г. по сравнению с 2015 г. уменьшился во всех странах ЕАЭС, кроме Армении, а в 2022 г. по сравнению с 2019 г. увеличился во всех странах ЕАЭС, кроме Армении. Места по этому показателю все три года не менялись у России (1 место) и Казахстана (2 место), у остальных стран ЕАЭС места в эти годы менялись незначительно, наиболее заметно у Армении (3 место в 2015 г., 5 место в 2019 г. и 2022 г.). Как видно из отношений \max и \min значений госдолга в % к ВВП страны, наименьший разрыв по этому показателю все три года был у стран С3, а наибольший – у стран С5; все три года наименьший госдолг в % к ВВП был у России (страны С2), а наибольший – у стран С3 (в 2015 г. у Кыргызстана, в 2019 г., 2022 г. у Армении). При этом, как видно из отношений значений госдолга в % к ВВП страны 2022 г. в % к значениям 2015 г., госдолг за этот период уменьшился у Кыргызстана (-26,68 %) и Беларуси (-22,08 %), увеличился у остальных стран ЕАЭС, наиболее заметно у России (+20,92 %).

Необходимые для оценки и сравнительного анализа расслоения населения по доходам и емкости внутреннего рынка показатели: коэффициент Джини и численность населения стран ЕАЭС за 2015 г., 2019 г., 2022 г. указаны в таблице 4 [5, 9, 10].

Таблица 4 – Коэффициент Джини, численность населения стран ЕАЭС

Table 4 – Gini coefficient, number of population of the EAEU countries

№ п/п	Страна	Номера и наименования показателей:							
		7				8			
		Коэффициент Джини страны (место страны)				Численность населения страны, млн. чел. (место страны)			
		2015 г.	2019 г.	2022 г.	значение 2022 г. в % к значению 2015 г.	2015 г.	2019 г.	2022 г.	значение 2022 г. в % к значению 2015 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	Страны С2:								
1.1	Беларусь	0,276 (1)	0,272 (1)	0,268 (1)	97,10 (3)	9,461 (3)	9,420 (3)	9,228 (3)	87,31 (5)
1.2	Россия	0,412 (5)	0,412 (5)	0,396 (4)	96,11 (2)	146,400 (1)	146,765 (1)	146,714 (1)	100,21 (3)
2.	Страны С3:								
2.1	Армения	0,374 (3)	0,381 (4)	0,352 (3)	94,12 (1)	2,990 (5)	2,963 (5)	2,962 (5)	99,06 (4)

Окончание таблицы 4

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
2.2	Казахстан	0,278 (2)	0,290 (2)	0,285 (2)	102,52 (4)	17,543 (2)	18,514 (2)	19,635 (2)	111,92 (2)
2.3	Кыргыз- стан	0,408 (4)	0,364 (3)	0,422 (5)	103,43 (5)	5,895 (4)	6,389 (4)	6,795 (4)	115,27 (1)
3. Отношение в % max и min значений показателей стран:									
3.1	C2	149,28	151,47	147,76	101,03	1547,47	1558,01	1589,88	114,77
3.2	C3	146,76	131,38	148,07	109,89	586,72	624,84	662,90	116,36
3.3	C5	149,28	151,47	157,46	109,89	4896,52	4953,26	4953,21	132,02

По данным таблицы 4, значения показателя расслоения населения по доходам в 2019 г. по сравнению с 2015 г. уменьшились у Беларуси и Кыргызстана, увеличились у Армении и Казахстана, не изменились у России, в 2022 г. по сравнению с 2019 г. уменьшились у Беларуси, России, Казахстана, увеличились у Армении и Кыргызстана. Места по этому показателю не менялись все три года у Беларуси (1 место), Казахстана (2 место); у остальных стран ЕАЭС места менялись незначительно, наиболее заметно у Кыргызстана (3 место в 2019 г., 5 место в 2022 г.). Наименьший разрыв в расслоении населения по доходам в 2015 г. и 2019 г. был у стран C3, в 2022 г. у стран C2, наибольший – в 2015 г. и 2019 г. у стран C2 и стран C5, поскольку Беларусь (1 место) и Россия (5 место) – это и страны C2, и страны C5, а в 2022 г. наибольший разрыв по этому показателю был у стран C5. При этом, как видно из отношений значений коэффициента Джини 2022 г. в % к значениям 2015 г., расслоение населения по доходам за этот период уменьшилось у Армении (-5,88 %), России (-3,89 %), Беларуси (-2,90 %), увеличилось у Казахстана(+2,52 %), Кыргызстана (+3,43 %). Также по данным таблицы 4 видно, что численность населения в 2019 г. по сравнению с 2015 г. увеличилась в России, Казахстане, Кыргызстане, уменьшилась в Беларуси и Армении, в 2022 г. по сравнению с 2019 г. увеличилась в Казахстане и Кыргызстане, уменьшилась в остальных странах ЕАЭС, места всех стран ЕАЭС по этому показателю не менялись все три года. Наименьший разрыв в численности населения все три года был у стран C3, а наибольший – у стран C5, поскольку все это время Россия (страна C2) была на 1 месте, а Армения (страна C3) – на 5 месте. При этом, как видно из отношений численности населения 2022 г. в % к численности населения 2015 г., прирост населения за этот период составил в Кыргызстане +15,27 %, в Казахстане +11,92 %, в России +0,21 %, а убыль населения составила в Армении -0,94 %, в Беларуси -12,69 %.

Значения показателей динамики экономического развития стран ЕАЭС 2022 г. в % к значениям 2015 г., указанные в таблицах 1–4, позволили определить оценки повышения (понижения) уровня развития стран с использованием ранее предложенной шкалы оценок [11]:

1. оценки повышения уровня развития страны: значения изменения в % показателей 1, 2, 3, 4, 5, 8 > 100 %, показателей 6, 7 < 100 %;

2. оценки понижения уровня развития страны: значения изменения в % показателей 1, 2, 3, 4, 5, 8 <100 %, показателей 6, 7 > 100 %.

Определенные таким образом оценки изменения значений показателей динамики экономического развития стран ЕАЭС указаны в таблице 5.

Таблица 5 – Оценки повышения и понижения изменения уровня экономического развития стран ЕАЭС в 2015-2022 гг.

Table 5 – Estimates of the increase and decrease in the change in the level of economic development of the EAEU countries in 2015-2022

№ п/п	Страна	Оценки изменения показателей динамики экономического развития стран					
		повышение уровня развития страны			понижение уровня развития страны		
		номера показателей динамики экономического развития страны (место страны)					
1.	Страны С2:						
1.1	Беларусь	1, 2, 4, 6, 7 (5) (5) (4) (2) (3)		3, 5, 8 (5) (5) (5)			
1.2	Россия	1, 2, 4, 7, 8 (4) (3) (2) (2) (3)		3, 5, 6 (4) (3) (5)			
2.	Страны С3:						
2.1	Армения	1, 2, 3, 4, 7 (1) (1) (1) (1) (1)		5, 6, 8 (4) (3) (4)			
2.2	Казахстан	1, 2, 3, 4, 8 (3) (4) (3) (5) (2)		5, 6, 7 (1) (4) (4)			
2.3	Кыргызстан	1, 2, 3, 4, 6, 8 (2) (2) (2) (3) (1) (1)		5, 7 (2) (5)			

К сожалению, подробно изложить результаты анализа данных таблицы 5, так же как и последующих таблиц 6, 7, нет возможности, поэтому о них коротко и на примере отдельных стран ЕАЭС. По данным таблицы 5, у Беларуси, России, Армении, Казахстана по 5 оценок повышения уровня развития страны и по 3 оценки понижения этого уровня, а у Кыргызстана 6 оценок повышения и 2 оценки понижения уровня развития страны. Таким образом, по количеству оценок повышения (понижения) уровня развития страны между 4 странами ЕАЭС нет различия, а Кыргызстан от других стран ЕАЭС отличается только на 1 оценку повышения (понижения) уровня различия страны. Однако, помимо количества оценок повышения (понижения) уровня развития страны, надо учитывать места, которые по изменениям своих показателей динамики экономического развития занимала исследуемая страна. Так, как это видно из данных таблицы 5, Армения по изменениям 5 показателей динамики экономического развития с оценками повышения уровня развития страны занимала 1-е места, а по изменениям 3 остальных показателей с оценками понижения уровня развития страны одно 3-е и два 4-х места. Очевидно, что Армения – лидер среди стран ЕАЭС по изменению значений показателей

динамики экономического развития, а Беларусь – аутсайдер среди стран ЕАЭС: по изменениям 2 показателей динамики экономического развития с оценками повышения уровня развития страны занимала 5-е место, по изменениям 3 остальных показателей с оценками повышения уровня развития страны занимала одно 2-е место, одно 3-е место, одно 4-е место, а по изменениям 3 показателей динамики экономического развития с оценками понижения уровня развития страны занимала 5-е место. Данные таблиц 1–4 позволили получить подробную информацию о лидерах и аутсайдерах среди стран ЕАЭС по значениям и изменениям значений показателей динамики экономического развития, указанную в таблице 6.

Таблица 6 – Лидеры и аутсайдеры среди стран ЕАЭС по значениям показателей динамики экономического развития страны

Table 6 – Leaders and outsiders among the EAEU countries in terms of indicators of the country's economic development dynamics

№ п/п	Страна	Номера и наименования показателей:									
		места в 2015 г.					места в 2019 г.				
		1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1.	Страны С2:										
1.1	Беларусь	5,7 (2)	3 (1)	1, 2, 4, 8 (4)	6 (1)		5,7 (2)	3 (1)	1, 2, 4, 6, 8 (5)		
1.2	Россия	1, 2, 3, 4, 6, 8 (6)		5 (1)		7 (1)	1, 2, 3, 4, 6, 8 (6)		5 (1)	7 (1)	
2.	Страны С3:										
2.1	Армения			6, 7 (2)	1, 2, 3, 4 (4)	5, 8 (2)			5 (1)	1, 2, 3, 4 7 (5)	6, 8 (2)
2.2	Казахстан		1, 2 4, 5 6, 7, 8 (7)	3 (1)				1, 2 4, 5, 6, 7, 8 (7)	3 (1)		
2.3	Кыргызстан				5, 7 8 (3)	1, 2, 3, 4, 6 (5)			7 (1)	5, 6, 8 (3)	1, 2, 3, 4 (4)

Окончание таблицы 6

№ п/п	Страна	Номера и наименования показателей:									
		места в 2022 г.					места относений в % значений 2022 и 2015 гг.				
		1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1.	Страны С2:										
1.1	Беларусь	5,7 (2)		1,2, 3, 4 6, 8 (6)			6 (1)	7 (1)	4 (1)	1, 2, 3, 5, 8 (5)	
1.2	Россия	1, 2, 3, 4, 6, 8 (6)		5 (1)	7 (1)		4, 7 (2)	2, 5 8 (3)	1, 3 (2)	6 (1)	
2.	Страны С3:										
2.1	Армения			1,2 3, 4 (4)	5, 6, 7, 8 (4)	1, 2, 3, 4, 7 (5)		6 (1)	5, 8 (2)		
2.2	Казахстан	5 (1)	1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 (7)			5 (1)	8 (1)	1, 3 (2)	2, 6 7 (3)	4 (1)	
2.3	Кыргыз- стан			5, 6, 8 (3)	1, 2, 3, 4, 7 (5)	6, 8 (2)	1, 2 3, 5 (4)	4 (1)		7 (1)	

По значениям показателей динамики экономического развития, т. е. по уровню экономического развития, все три года, как это видно из данных таблицы 6, лидером была Россия: по 6 из 8 показателей страна занимала 1-е место, а аутсайдером, и также три года, был Кыргызстан: в 2015 г. и 2022 г. страна занимала по 3 показателям 4-е место, а по 5 показателям 5-е место, в 2019 г. по 3 показателям 4-е место, по 4 показателям 5-е место и по 1 показателю 3-е место. По изменению значений показателей динамики экономического развития, т. е. по изменению уровня экономического развития, в 2022 г. по сравнению с 2015 г. лидером была Армения: по изменению значений 5 показателей страна занимала 1-е место, по изменению 1 показателя – 3-е место и по изменению 2 показателей – 4-е место, а аутсайдером была Беларусь: по изменению значений 5 показателей страна занимала 5-е место, по изменению значений 3 показателей – 2-е место, 3-е место и 4-е место. Важно отметить, что, как это видно из проведенного исследования, выводы по изменению уровня экономического развития исследуемых стран, сделанные при анализе данных таблиц 5 и 6, совпадают.

Чтобы получить обобщенные сравнительные оценки уровня и изменения уровня экономического развития стран ЕАЭС, были выполнены расчеты по данным таблиц 1–4 с использованием специальной балльной системы [11], предусматривающей при исследовании 5 стран следующую шкалу оценок:

1 место – 5 баллов, 2 место – 4 балла, 3 место – 3 балла, 4 место – 2 балла, 5 место – 1 балл. При этом сравнительные оценки уровня экономического развития S^1 , S^2 , S^3 были рассчитаны как сумма баллов за места 8 показателей динамики экономического развития стран ЕАЭС соответственно за 2015 г., 2019 г., 2022 г., сравнительные оценки изменения уровня экономического развития стран за 2015-2019 гг. рассчитывались по формуле $S^2: S^1 \times 100 \%$, за 2019-2022 гг. – по формуле $S^3: S^2 \times 100 \%$. Полученные таким образом значения сравнительных оценок указаны в таблице 7.

Таблица 7 – Сравнительные оценки уровня и изменения уровня экономического развития стран ЕАЭС

Table 7 – Comparative estimates of the level and changes in the level of economic development of the EAEU countries

№ п/п	Страна	Сравнительные оценки:				
		уровня экономического развития страны		изменения уровня экономического развития страны		
		баллы		%		
		S^1	S^2	S^3	$S^2: S^1 \times 100 \%$	$S^3: S^2 \times 100 \%$
(место страны)						
1.	Страны С2:					
1.1	Беларусь	28 (3)	29 (3)	27 (3)	103,58 (2)	93,10 (4)
1.2	Россия	34 (1)	32 (1)	36 (1)	94,12 (4)	112,50 (1)
2.	Страны С3:					
2.1	Армения	16 (4)	15 (4)	14 (4)	93,75 (5)	93,33 (3)
2.2	Казахстан	31 (2)	31 (2)	33 (2)	100,00 (3)	106,45 (2)
2.3	Кыргызстан	11 (5)	13 (5)	11 (5)	118,18 (1)	84,62 (5)
3.	Отношение в % max и min значений сравнительных оценок стран:					
3.1	C2	121,43	110,34	133,33	110,04	120,84
3.2	C3	281,82	238,46	300,00	126,06	125,80
3.3	C5	309,09	246,15	327,27	126,06	132,95

По данным таблицы 7 сравнительные оценки S^2 увеличились по сравнению со сравнительными оценками S^1 у Беларуси и Кыргызстана, уменьшились у России и Армении, не изменились у Казахстана, сравнительные оценки S^3 увеличились по сравнению со сравнительными оценками S^2 у России и Казахстана, уменьшились у 3 остальных стран ЕАЭС.

Места по этим оценкам не менялись все три года у всех стран ЕАЭС. Наименьший разрыв в уровне экономического развития все три года был у стран С2, а наибольший разрыв, и также все три года, – у стран С5, поскольку лидером все три года была Россия (страна С2), а аутсайдером с большим отставанием от других стран ЕАЭС – Кыргызстан (страна С3). Сравнительные оценки изменения уровня экономического развития $S^3: S^2 \times 100 \%$ увеличились по

сравнению со сравнительными оценками S^2 : $S^1 \times 100 \%$ у России и Казахстана, уменьшились у 3 остальных стран ЕАЭС, при этом лидером была Россия (повышение уровня экономического развития 112,50 % - 94,12 % = +18,38 %), а аутсайдером – Кыргызстан (понижение уровня экономического развития 84,62 % - 118,18 % = -33,56 %), Места по изменению уровня экономического развития в 2019-2022 гг. по сравнению с 2015-2019 гг. изменились у всех стран ЕАЭС, наиболее заметно у России (с 4 места в 2015-2019 г. на 1 место в 2019-2022 гг.) и у Кыргызстана (с 1 места в 2015-2019 гг. на 5 место в 2019-2022 гг.). Наименьший разрыв в изменении уровня экономического развития в 2015-2019 гг. и 2019-2022 гг. был у стран С2, а наибольший в 2015-2019 гг. – у стран С3 и стран С5, поскольку Армения (5 место) и Кыргызстан (1 место) – это и страны С3, и страны С5, в 2019-2022 гг. наибольший разрыв в изменении уровня экономического развития был у стран С5. При этом отношение в % max и min значений сравнительных оценок стран С2 увеличилось в 2019-2022 гг. по сравнению с 2015-2019 гг. с 110,04 до 120,84 %, стран С5 – с 120,06 до 132,95 %. У стран С3 отношение в % max и min значений сравнительных оценок в 2019-2022 гг. по сравнению с 2015-2019 гг. уменьшилось с 126,06 до 125,80 %.

Выводы:

1. По уровню экономического развития в 2015 г., 2019 г., 2022 г. из стран С2 на 1 месте была Россия, на 3 месте Беларусь, из стран С3 на 2 месте был Казахстан, на 4 месте Армения, на 5 месте с заметным отставанием от всех других стран ЕАЭС – Кыргызстан.

2. Разрыв в уровне экономического развития в 2015 г., 2019 г., 2022 г. по показателям: ВВП на душу населения страны (по ППС), ИЧР страны, ВНД на душу населения страны (по ППС), экономически активное население страны (в 2015 г., в 2022 г.), коэффициент Джини (в 2022 г.) у стран С2 был меньше, чем у стран С3. Разрыв в уровне экономического развития в 2015 г., 2019 г., 2022 г. по показателям: ВВП страны (по ППС), государственный долг страны, численность населения, экономически активное население страны (в 2019 г.), коэффициент Джини (в 2015 г., 2019 г.) у стран С2 был больше, чем у стран С3.

3. По изменению уровня экономического развития страны в 2022 г. по сравнению с 2015 г. из стран С2 на 3 месте была Россия, на 5 месте Беларусь, из стран С3 на 1 месте была Армения, на 2 месте Кыргызстан, на 4 месте Казахстан.

4. По сравнительным оценкам уровня экономического развития в 2015 г., 2019 г., 2022 г. из стран С2 на 1 месте была Россия, на 3 месте Беларусь, из стран С3 на 2 месте был Казахстан, на 4 месте Армения, на 5 месте Кыргызстан. По сравнительным оценкам изменения уровня экономического развития страны в 2015-2019 гг. из стран С2 на 2 месте была Беларусь, на 4 месте Россия, из стран С3 на 1 месте был Кыргызстан, на 3 месте Казахстан, на 5 месте Армения, в 2019-2022 гг. из стран С2 на 1 месте была Россия, на 4 месте Беларусь, из стран С3 на 2 месте был Казахстан, на 3 месте Армения, на 5 месте Кыргызстан.

5. Разрыв в уровне экономического развития по сравнительным оценкам в 2015 г., 2019 г., 2022 г. у стран С2 был заметно меньше, чем у стран С3. Разрыв в изменении уровня экономического развития по сравнительным оценкам в 2015-2019 гг. и в 2019-2022 гг. у стран С2 был меньше, чем у стран С3. Это неудивительно: если сотрудничеству Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России в рамках ЕАЭС 10 лет, то сотрудничеству Беларуси и России в рамках Союзного государства России и Беларуси уже 25 лет.

Список источников

1. Сберегаев Н. А. Сравнительные оценки экономического развития стран бывшего СССР // Балтийский экономический журнал. 2024. № 1(45). С. 80-94.
2. Сберегаев Н. А. Сравнительные оценки экономического развития стран ЕС 14 // Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 169-187
3. Рейтинг стран по ВВП в 2023 году / МВФ. URL: svspb.net/danmark/vvp-stran.php
4. Валовой внутренний продукт на душу населения в странах мира / МВФ. URL: svspb.net/danmark/vvp-stran-na-dushu-naselenija.php
5. Индекс развития человеческого потенциала / Статбаза. URL: statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/human-development-index/
6. Валовой национальный доход на душу населения в странах мира (по паритету покупательной способности) / МВФ. URL: svspb.net/danmark/vnd-stran-na-dushu-naselenija.php
7. Европейский портал информации здравоохранения / ВОЗ. URL: gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_30_0210-labor-forse-as-of-population/#id=188378&fullGraph=true
8. Государственный долг стран в 2023 году / МВФ. URL: svspb.net/danmark/gosudarstvennyj-dolg-stran.php
9. Статистический ежегодник Евразийского экономического Союза. Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2020. 445 с.
10. Численность населения стран мира в 2023 г. / МВФ. URL: svspb.net/danmark/naselenie-stran.php
11. Сберегаев Н. А. Сравнительный анализ уровня и динамики экономического развития стран – официальных кандидатов на вступление в ЕС // Балтийский экономический журнал. 2024. № 4(48). С. 171-189.

References

1. Sberegae N. A. Comparative estimates of the economic development of the former USSR countries // Baltic Economic Journal. 2024;1(45):80-94. (In Russ.).
2. Sberegae N. A. Comparative assessments of the EU14 countries economic development // Baltic Economic Journal. 2024;3(47):169-187. (In Russ.).

3. Country ranking by GDP in 2023 / IMF. URL: svspb.net/danmark/vvp-stran.php
4. Gross domestic product per capita in the countries of the world / IMF. URL: svspb.net/danmark/vvp-stran-na-dushu-naselenija.php
5. Human Development Index / Statbase. URL: statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/human-development-index
6. Gross national income per capita in the countries of the world (at purchasing power parity) / IMF. URL: svspb.net/danmark/vnd-stran-na-dushu-naselenija.php
7. European Health Information Gateway / WHO. URL: gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_30_0210-labor-forse-as-of-population/#id=188378&fullGraph=true
8. Public debt of countries in 2023 / IMF. URL: svspb.net/danmark/gosudarstvennyj-dolg-stran.php
9. Statistical Yearbook of Eurasian Economic Union. Moscow: Eurasian Economic Comission, 2020. 445 p. (In Russ.).
10. Population of the world's countries in 2023 / IMF. URL: svspb.net/danmark/naselenie-stran.php
11. Sberegaev N. A. Comparative analysis of the level and dynamics of economic development of the countries-official candidates for EU membership // Baltic Economic Journal. 2024;4(48):171-189. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. А. Сберегаев – канд. экон. наук, профессор ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "Калининградский государственный технический университет".

Information about the author

N. A. Sberegaev – Candidate of Economical Sciences, Professor of INOTEKU FGBOU VO "Kalininograd State Technical University".

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 02.02.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 30.01.2025; accepted for publication 02.02.2025.

Требования к оформлению статей в "Балтийский экономический журнал"

К публикации принимаются авторские материалы, удовлетворяющие следующим требованиям.

В редакцию журнала должны быть направлены в электронном виде авторский оригинал статьи на русском языке; заголовок статьи на русском и английском языках; краткая аннотация статьи на русском и английском языках, раскрывающая постановку задачи и основные полученные результаты и выводы, объем – не менее 10 строк; список источников на русском и английском языках; сведения об авторах на русском и английском языках, включающие фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, место работы, должность, E-mail, адрес.

Объем авторского оригинала статьи должен быть 8-16 страниц компьютерного текста формата А4, напечатанного через интервал множитель 1,1; шрифт Times New Roman; размер шрифта (кегль) – 13, абзацный отступ 1,25; поля – 2,5 см со всех сторон.

Все рисунки и таблицы должны иметь заголовок на русском и английском языках и упоминаться в тексте в виде ссылок. Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки и таблицы.

Таблицы набираются тем же шрифтом, что и основной текст, но меньшего размера (кегль 12, если много данных, допускает кегль 9). Если цифровые данные в таблице выражены в одной единице, ее наименование приводится в заголовке таблицы через запятую (масса, кг; длина, см). Если же эти данные выражены в разных единицах, их указывают в заголовке каждой графы.

Таблицы слева, справа и снизу, как правило, ограничиваются линиями. Головка таблицы должна быть отделена линией от остальной части таблицы. Если цифровые данные в некоторых графах таблицы не приводятся, то в графе ставится прочерк.

В качестве иллюстративного материала можно использовать графики. Оси абсцисс и ординат графика должны иметь условные обозначения и размерность применяемых величин. Иллюстрации следует располагать так, чтобы их было удобно рассматривать без поворота работы или с поворотом по часовой стрелке.

Статья должна иметь УДК, список использованной литературы не менее 10 названий (оформляется строго по ГОСТ 7.0.5-2011), ее заглавие должно быть кратким и адекватным содержанию. На все источники должны быть ссылки в тексте по мере упоминания. В список источников рекомендуется включать ссылки на статьи по соответствующей тематике, ранее опубликованные в "Балтийском экономическом журнале".

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Научная статья

УДК 347.736

doi: (далее вписывает редакция)

Влияние информационной экономики на появление новых возможностей для расширения доли предприятия на рынке

Иван Иванович Иванов

ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

ivan.ivanov@klgtu.ru

Аннотация. Рассмотрены основные направления возрастающего влияния информационной экономики и информационных технологий на появление новых возможностей для расширения доли предприятия на рынке ... (не менее 10 строк).

Ключевые слова: доля рынка, гибкость предприятия, предприятия с признаками виртуальности, конкуренция, конкурентоспособность

Для цитирования: Иванов И. И. Влияние информационной экономики на появление новых возможностей для расширения доли предприятия на рынке // Балтийский экономический журнал (далее вписывает редакция)

Original article

Ecology and regional energy conservation policy

Ivan I. Ivanov

INOTECU FGBOU VO "KSTU", Kaliningrad, Russia

ivan.ivanov@klgtu.ru

Abstract. In this article the author regarded the basic directions of ongoing influence of information economy and information technologies upon the appearance of new possibilities for market share expansion ... (не менее 10 строк).

Keywords: market share, enterprise flexibility, enterprises with the properties of virtuality, competition, competitiveness

For citation: Ivanov I. I. The influence of information economy upon the appearance of new possibilities for market share expansion // (далее вписывает редакция).

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторе

И. И. Иванов – доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук

Information about the author

I. I. Ivanov – Doctor of Science (Economy), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию ___._____.2025; одобрена после рецензирования ___._____.2025; принята к публикации ___._____.2025 (дату вписывает редакция)

The article was submitted ___._____.2025; approved after reviewing ___._____.2025; accepted for publication ___._____.2025. (дату вписывает редакция)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ ТАБЛИЦЫ

Таблица 1 – Расчет вероятности банкротства ПАО "Транснефть" в 2018–2020 гг. по методике В. Ю. Жданова

Table 11 – Calculation of the probability of bankruptcy of Transneft in 2018–2020 according to the method of V. Yu. Zhdanov

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Абсолютное отклонение	Темп прироста, %
Коэффициент рентабельности оборотных активов (X_1)	0,05	0,3	0,23	0,18	360
Коэффициент самофинансирования (X_2)	4,47	4,92	6,64	2,17	48,55
X_3	3,53	3,27	2,74	-0,79	-22,38
Коэффициент оборачиваемости активов (X_4)	0,91	0,93	0,08	-0,83	-91,21
Коэффициент текущей ликвидности (X_5)	0,8	0,89	0,82	0,02	2,50
Количественная оценка	0,19	0,29	0,21	0,02	10,53

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ РИСУНКА

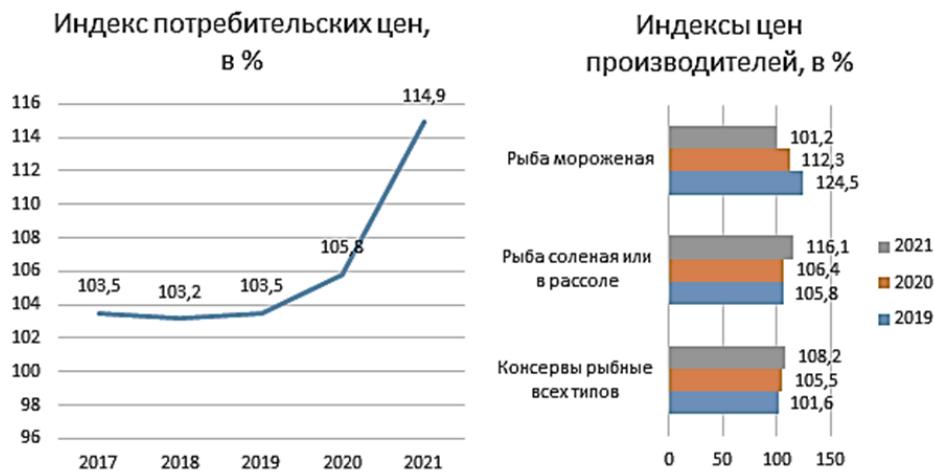

Рисунок 5 – Динамика изменения цен на рыбную продукцию (на конец месяца, декабрь к декабрю), составлено по материалам [6]

Figure 5 – Dynamics of changes in prices for fish products (at the end of the month, December to December)

Статьи, подготовленные аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются при наличии сведений о научном руководителе и его письменной рекомендации по публикации статьи.

Авторские материалы, представленные с нарушением указанных требований, к публикации не принимаются.

Присланные статьи обязательно должны иметь рецензии, заключение экспертной комиссии о возможности публикации статьи в открытой печати. Публикуются при их рекомендации к публикации редакционной коллегией "Балтийского экономического журнала".

Публикация статей в "Балтийском экономическом журнале" осуществляется бесплатно. Авторские экземпляры либо высылаются по электронной почте, либо автор получает их по подписке.

Материалы направляются по адресу: 236022, г. Калининград, Советский проспект, 1. E-mail: elina.kruglova@klgtu.ru

Справки по телефону: (4012) 69-01-01 (телефон/факс), 69-01-52.

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-практический журнал
№ 1(49) март 2025 г.

Редактор выпуска Э. С. Круглова

Свид. о регистрации ПИ №ФС77-62617 от 31.07.2015 г.
Подписано в печать 23.03.2025. Выход в свет 25.03.2025.
Бумага для множительных аппаратов.
Формат 60 x 90/8. Гарнитура Таймс. Ризограф.
Усл. печ. л. 22,9. Уч.-изд. л. 11,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 8

Цена 250 руб.

Типография ФГБОУ ВО "Калининградский государственный
технический университет"
236022, г. Калининград, Советский пр. 1